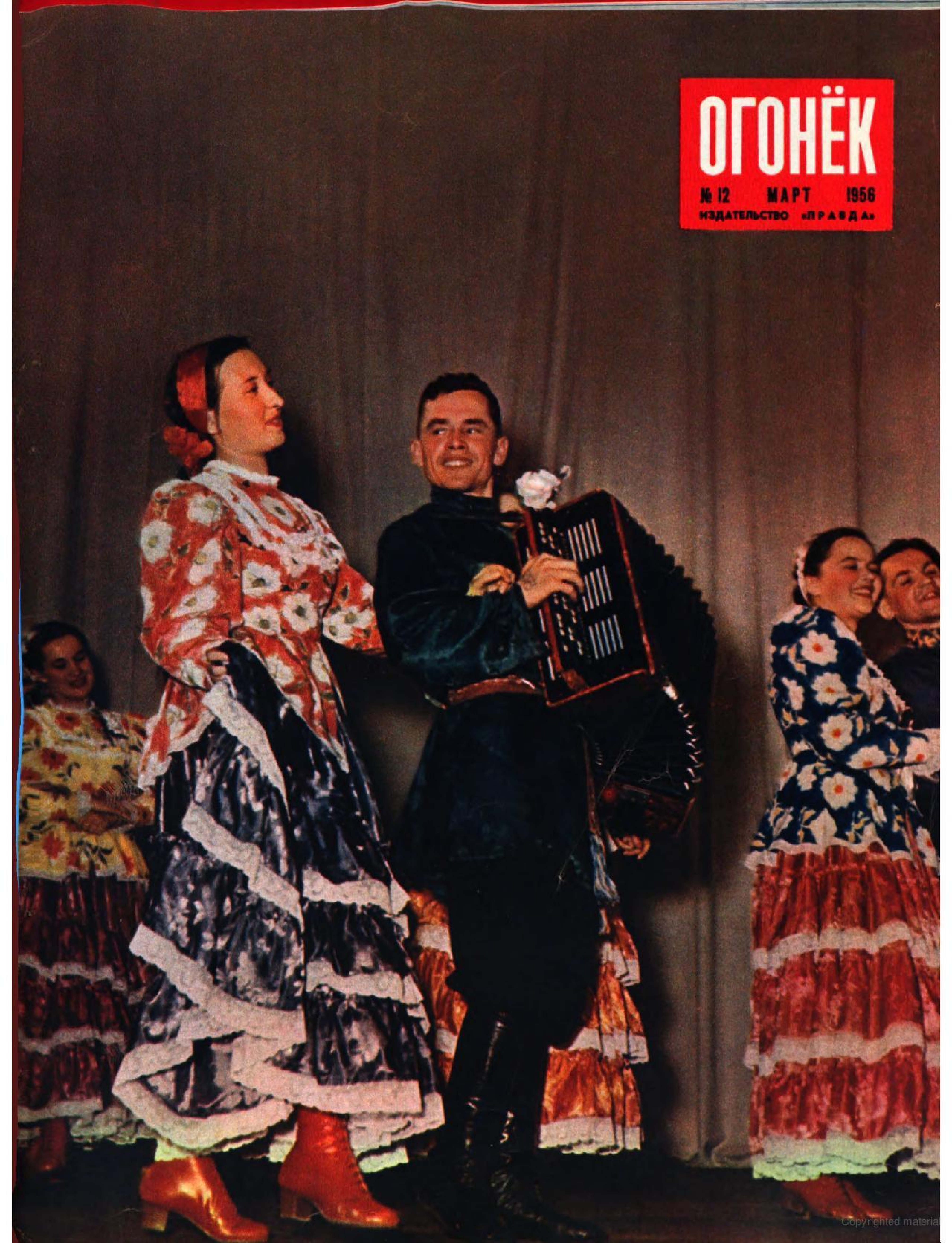

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Комсомольцы В. Овсянников, А. Шерстняков и Г. Ткачев окончили горнопромышленную школу и работают забойщиками на шахте «Ключи» треста «Егоршинуголь» Свердловской области.

Фото И. Шубина.

На первой странице обложки: Уральская кадриль «Доказывай!» в исполнении танцевального коллектива Дворца культуры города Молотова. Эта пляска была показана в итоговом концерте Всесоюзного смотра художественной самодеятельности профсоюзов.

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Чехословакия. Зимой в Татрах.

Фото Е. Умнова.

ОГОНЁК

№ 12 (1501) 18 МАРТА 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БОЛЕСЛАВ БЕРУТ

Москва. В Колонном зале Дома Союзов у гроба с телом Болеслава Берута. В почетном карауле товарищи Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, Чжу Дэ, А. Завадский, Ю. Циранкевич, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Ф. Мазур, Я. Берман, А. И. Микоян, М. А. Суслов.

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР с глубоким прискорбием извещают, что 12 марта, в 23 часа 35 минут, после тяжелой болезни (инфаркт миокарда) в Москве скончался выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения, великий сын польского народа, Первый секретарь Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии Болеслав БЕРУТ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Болеслав БЕРУТ

12 марта после тяжелой болезни скончался Болеслав Берут — Первый секретарь Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии, великий сын польского народа, талантливейший организатор строительства социалистической Польши, преданный друг Советского Союза, выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения.

Болеслав Берут родился 18 апреля 1892 года в городе Люблине, в семье польского рабочего. Начиная с 1912 года он принимал активное участие в революционном рабочем движении. С момента создания Коммунистической партии Польши в 1918 году Болеслав Берут вступил в нее и вскоре стал ее активным деятелем. За участие в революционном движении он многократно подвергался преследованиям и арестам.

В период гитлеровской оккупации Польши Болеслав Берут был одним из главных организаторов движения сопротивления, борьбы польского народа за национальное и социальное освобождение. 1 января 1944 года он был избран президентом созданного в подполье Верховного представительного органа народной власти — Крайовой Рады Народовой. После освобождения страны войсками Советской Армии совместно со славными воинами Войска Польского в 1944—1945 годах польский народ во главе с Польской Объединенной Рабочей партией, руководящим деятелем которой являлся Болеслав Берут, осуществил коренные социально-экономические преобразования, и в Польше утвердился строй народной демократии.

В 1947—1952 годах Болеслав Берут был президентом Польской республики и председателем Государственного Совета, а в 1952—1954 годах являлся председателем Совета Министров Польской Народной Республики. В марте 1954 года он был избран Первым секретарем Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей партии. До самых последних дней своей жизни товарищ Берут отдавал все силы борьбе за счастье польского народа, за создание новой, социалистической Польши.

На протяжении всей своей партийной и государственной деятельности Болеслав Берут твердо стоял на позициях пролетарского интернационализма, неуклонно следуя боевой традиции польского рабочего класса и его партии, тесно связанной с Коммунистической партией Советского Союза узами совместной полувековой революционной борьбы, идейной общности, дружбы и братства.

В своих выступлениях Болеслав Берут неустанно подчеркивал великое значение нерушимой дружбы польского и советского народов, призывал к дальнейшему сплочению сил социалистического лагеря. Совсем недавно с трибуны XX съезда КПСС он вдохновенно говорил: «Революционные традиции польского рабочего класса, его политическое объединение, дружба и сплоченность народов всего социалистического лагеря, растущая боевая активность международного рабочего движения, освободительная борьба угнетенных народов, воодушевленных историческими подвигами народов Советского Союза, укрепляют волю польских трудящихся масс в борьбе за полную победу социализма».

Товарищ Берут известен, как испытанный деятель международного коммунистического и рабочего движения. Польский рабочий класс, польский народ в лице Болеслава Берута выдвинули выдающегося политического и государственного деятеля, столь много сделавшего для создания новой, Народной Польши, для создания великого содружества социалистических стран. Он принимал активное участие в деятельности

Фото А. Новикова и М. Савина.

Москва. Центральный аэродром. Товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Чжу Дэ, А. Завадский, М. А. Суслов и другие несут гроб с телом Болеслава Берута.

Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. После войны он участвовал в работе Информационного Бюро коммунистических и рабочих партий.

В лице Болеслава Берута трудящиеся Польши и всех стран потеряли стойкого борца, беззаветно отдавшего всю свою жизнь до последнего дыхания служению делу рабочего класса, великому делу борьбы за коммунизм.

В день своего шестидесятилетия в 1952 году Болеслав Берут с гордостью заявлял, что источником интеллектуальных и моральных сил, источником роста и развития каждого из нас являются идеи марксизма-ленинизма. Безграничная верность марксизму-ленинизму — главная черта духовного облика Болеслава Берута.

Вся жизнь товарища Берута является замечательным примером для всех борцов за дело мира, демократии и социализма, за счастье народов. Светлый образ Болеслава Берута никогда не изгладится из нашей памяти.

Прощай, наш незабвенный друг и боевой товарищ!

Н. БУЛГАНИН
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
А. КИРИЧЕНКО
Г. МАЛЕНКОВ
А. МИКОЯН
В. МОЛОТОВ
М. ПЕРВУХИН
М. САБУРОВ
М. СУСЛОВ
Н. ХРУЩЕВ
Г. ЖУКОВ
Л. БРЕЖНЕВ
Н. МУХИТДИНОВ
Д. ШЕПИЛОВ
Е. ФУРЦЕВА
Н. ШВЕРНИК
А. АРИСТОВ
Н. БЕЛЯЕВ
П. ПОСПЕЛОВ

ВАРШАВА В ТРАУРЕ

Утро вставало тихое, подсвеченное солнцем. Как обычно, шли рабочие на заводы, шли служащие в свои учреждения, студенты. Лица их были, как всегда, серьезными или веселыми, хмурыми или улыбающимися. Каждый нес с собой свои радости и заботы, и никто не ждал, что через несколько минут в глаза всем нам бросится траурная чернота первых полос утренних газет, что из репродукторов выльется рыдающая мелодия Шопена...

Уже в девять часов утра все мы знали: нет больше товарища Берута... Над воротами домов, над улицами, по которым он еще недавно ходил, над огромным городом, восстановлению которого он отдал столько сил и энергии, склонились в неподвижном воздухе знамена. И острой болью впиваются в сердце траурные креповые банты. Притих, застыл город — сердце привислинского края. Он полон печали, по-человечески необъятной.

Старые товарищи помнят Болеслава Берута еще молодым печатником, солдатом борьбы против царского самодержавия, против немецко-австрийских оккупантов, против помещиков и капиталистов. Помнят его в трудные межвоенные годы как бойца против польской реакции, не раз бросавшей его в тюрьмы. Он оставался неутомимым воином, идущим в первых рядах Коммунистической партии Польши. В годы гитлеровской оккупации партизаны знали, что их борьбой за независимую, народную Польшу руководит испытанный человек — товарищ Берут, «Томаш».

Я помню морозный январский день 1945 года в заснеженном лесу под Варшавой, на берегу Вислы. Товарищ Берут, тогда председатель Крайовой Рады Народовой, приехал в одну из частей 1-й Польской Армии, созданной в СССР. На него приветливо смотрели глаза солдат, готовившихся к очередной атаке. Он шел медленно, обходя выровнявшиеся ряды, разговаривал неторопливо, по-отечески, покоряя наши сердца своей обаятельной простотой и скромностью.

А потом, когда освобожденная Варшава взглянула на нас грудами битого кирпича и темными глазницами мертвых домов, когда некоторые заколебались и стали говорить, что лучше уж строить новую столицу в чистом поле, Берут понял душу нашего народа и от имени Партии сказал: «Варшава будет жить!». Кажется, что и сегодня тень его спокойной и энергичной фигуры падает на асфальт Нового Свята и трассы Восток—Запад, Старувки и МДМ...

Вся жизнь его принадлежала Партии, Родине, народу. В тяжелые дни хозяйственного освоения Западных земель он много сделал для скорейшей постройки там новых заводов и фабрик, для благоустройства молодого Вроцлавского университета. Вместе со всей Партией, со всем народом Болеслав Берут отдавал силы, энергию, страсть своего сердца росту нашей промышленности, социалистической перестройке деревни, заботился о том, чтобы книга пришла в дом вчера неграмотного крестьянина, чтобы наше искусство стало достойно расцветающей социалистической действительности.

Пламенный патриот, он был поборником братской дружбы народной Польши с Советским Союзом, со всеми социалистическими странами, поборником международной солидарности трудящихся, борцом за мир и дружбу между народами.

...Опускаются ранние сумерки. В свете первых зажженных фонарей алеют флаги, темнеют длинные траурные гирлянды. Лица людей в этом свете выглядят тяжелыми, как бы изваянными из камня.

Не сдержал я своего слова, данного маленькой дочурке. В день 1 Мая обещал я ей показать «дядю Берута» на трибуне у Дворца культуры. Увы, смерть оказалась сильнее...

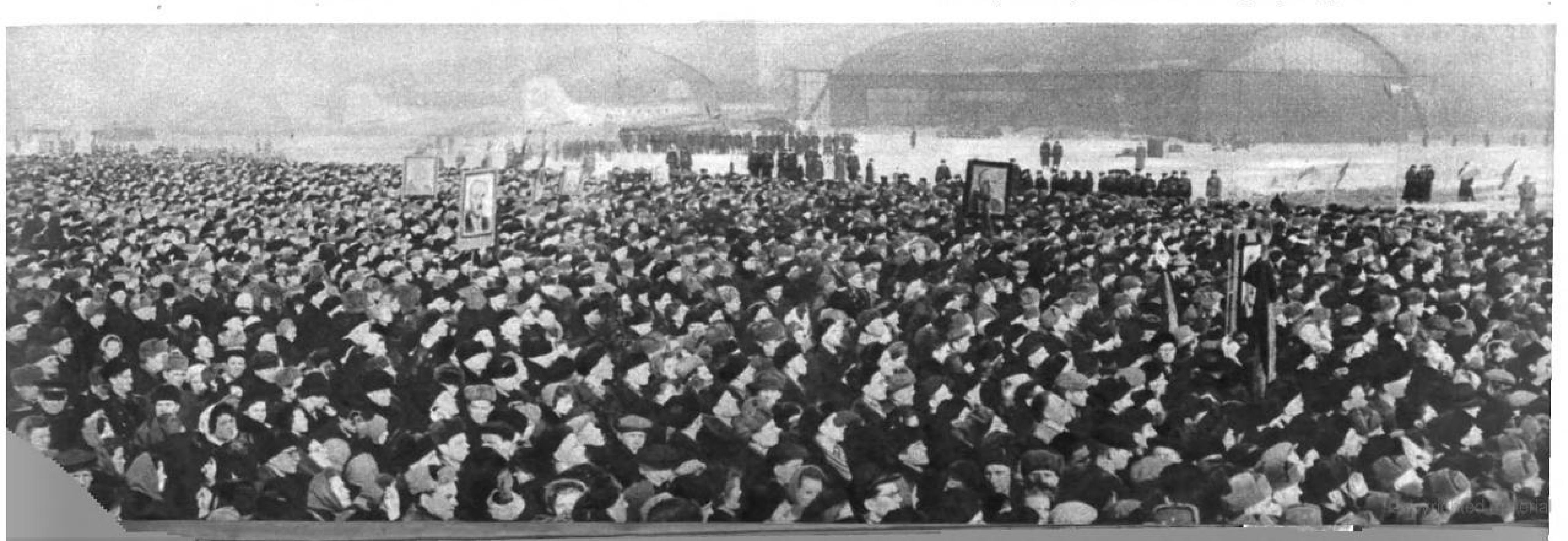
Нет, неправда! Нет у смерти власти над делом и трудами коммуниста!

...Варшава в скорби траурных знамен. Но Варшава — это город боевых традиций, борьбы, город мира и свободы. Он поднял над своими стенами знамя, под которым боролся рабочий класс Польши. Под этим знаменем шли мы прежде, под этим знаменем ведет нас Партия. И если сегодня нет в наших рядах товарища Берута, то мы — миллионами наших рук — заменим замершие сегодня его руки...

Януш ПШИМАНОВСКИЙ

Варшава, 14 марта.

14 марта трудящиеся Москвы проводили в последний путь выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, верного сына польского народа Болеслава Берута. На Центральном аэродроме, где собралось около двадцати тысяч москвичей, состоялся траурный митинг, посвященный памяти товарища Берута.

БОЛЬШОЙ КОЛХОЗНЫЙ РАЗГОВОР

В. ПОНОМАРЕВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Зимняя стужа. Морозный, дымчатый воздух рассеивает холодные солнечные лучи. Переливается искрами снежный игольчатый пух, пышно покрывший все и вся: деревья, крыши, воротники прохожих...

На деревенской улице праздничное оживление. Множество людей. В шум врываются молодые

голоса. Какое может быть веселье без частушек!

Каблуком, подруга, бей,
Не отстанем от людей:
Мы за лето заработали
По триста трудодней.

Бригадирова жена —
Богова коровушка,
На работу не выходит
До заката солнышка...

Машина за машиной подкатывает к белому зданию местной школы. Люди спрыгивают на землю и направляются в школьный спортивный зал, самое большое помещение на селе. Здесь и состоится отчетно-выборное собрание колхоза имени Калинина, Несвижского района, Минской области. Этот колхоз был упомянут среди лучших колхозов Белоруссии на XX съезде КПСС.

В Директивах по шестому пятилетнему плану, принятых XX съездом КПСС, говорится о повышении культуры ведения сельскохозяйственного производства на основе широкого использования достижений агрономической науки и передового опыта. Именно по такому пути идет колхоз имени Калинина, и отчетное собрание показало, что благодаря этому ему удалось добиться немалых результатов.

— Семь миллионов четыреста пятьдесят тысяч рублей! Денежный доход артели более чем вдвое превысил прошлогодний. На каждый трудодень выпало по два с половиной килограмма хлеба, полтора килограмма картофеля, килограмм двести граммов грубых кормов и двенадцать рублей деньгами...

Так говорил докладчик, председатель колхоза Яков Васильевич Алексанкин. Пять лет назад, когда колхоз только что объединил несколько мелких сельхозартелей, состоящих из 679 хуторов, эти цифры показались бы неправдоподобными. Оно и понятно. Денежный доход тогда составлял всего 127 тысяч рублей, трудодень — 450 граммов зерна, и только.

Нынешняя зажиточность — победа всего коллектива. Радуются колхозники, рад и Яков Васильевич. Ему тридцать два года, но годы эти емкие. Он окончил Московскую ветеринарную академию, воевал на Третьем Белорусском фронте, был контужен, при взятии Кенигсберга отличился и награжден орденом. Демобилизовавшись, Алексанкин работал ветеринарным врачом, а с августа 1951 года, став председателем колхоза имени Калинина, нашел свое истинное призвание.

«Пуховитый», «серебряный», «кормилец» — какими только ласковыми словами не величают колхозники свой лен! И не случайно. Льноводство — главная статья общественного дохода. В колхозе много прекрасных мастеров этой ценной культуры.

Первый мастер — депутат Верховного Совета СССР Ольга Константиновна Клим. Ее выбрали в президиум собрания. Звеньевая отличилась не только трудолюбием, но и хозяйской смекалкой. В морозные дни она первая начала обрабатывать лен без сушки. Сначала это посчитали напрасной затеей. А теперь так поступают не только в колхозе имени Калинина. Калининцы получили на этом свыше миллиона рублей экономии. Новаторство Ольги Константиновны навело правление на мысль выдавать колхозникам-рационализаторам премии.

Докладчик перечисляет новостройки животноводческого городка, вступившие в строй в минувшем году:

— Коровник, телятник, механизированная кормокухня, свинарник, силосные сооружения...

Все строится удобно, добротно. Фермы пополняются высокопродуктивными породами животных. Суточный рацион стал богаче и разнообразней. Вот он, верный залог резкого роста прибылей от животноводства.

При каждом случае, когда Алексанкин говорит об успехах, он упоминает имена лучших тружеников артели.

Дошла очередь и до братьев Бейня. Клим — шофер, Мамерт — слесарь. Профессии у братьев разные, но характер один: в труде прилежные и напористые, в быту также служат примером.

Много похвал выпало и на долю доярки Любови Филипповны Рацкевич. Но в зале заседаний ее не оказалось: она несла свою вахту.

...Незначительное усилие — и тяжелая вагонетка с пахучим клеверищем послушно покатилась перед кормушками.

— Ухаживать за животными теперь стало лучше и легче, — рассказывает Любовь Филипповна. — Я уверена, что нынче от каждой из двенадцати костромичек получу больше трех тысяч литров молока.

— ...К лучшим колхозникам нашей артели нужно причислить также Лидию Яковец и Нилу Бейня.

В группе девушек замешательство: в колхозе две Яковец, и обе

Лидии. Кого же имел в виду председатель? Надо полагать, что обеих. Три подружки: Нила Бейня, Лидия Яковец и ее тезка — трудятся одинаково усердно.

Но не всем были приятны слова докладчика! Тому, кто попадал под критику, не до веселья! Особенно много о недостатках и ошибках говорили в прениях. Выяснилось, например, что урожай зерновых мог быть выше тех 10,3 центнера, которые получили. В колхозе пренебрегают коневодством. Новая для артели культура — сахарная свекла — мало уродила только потому, что плохо за ней ухаживали. Да и то, что собрали, пошло не на сахарный завод, а скармливается скоту.

Больше зарабатывают колхозники, выше достаток у них в домах. Появились и сбережения. Семья Ивана Лукьяновича Тонделя — в ней четверо трудоспособных — получила за 1955 год большую сумму денег. Иван Лукьянович сделал очередной вклад в сберегательную кассу.

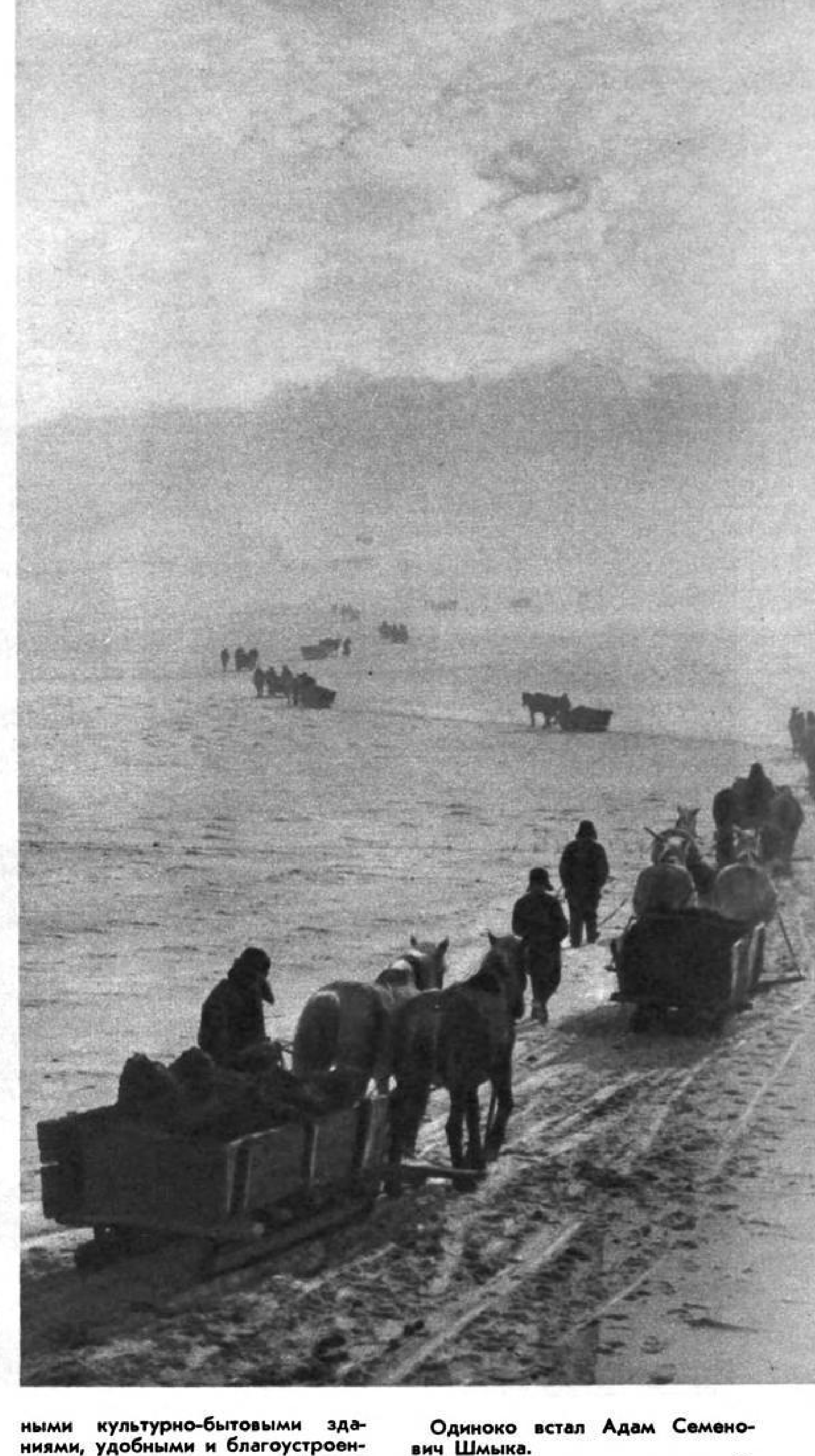
— На что вы думаете потратить сбережения?

— Построю новые дома: сыну и себе.

— Сразу два дома?

— Денег хватит, даже останется, — улыбается Иван Лукьянович.

Был в колхозе и такой грех: мало сдабривали почву навозом, торфом и минеральными удобрениями. Теперь это уже исправлено; вот и в день собрания десятки подвод с торфом направились на поля. →

Вручение наград — самая торжественная часть собрания. Большая группа передовиков артели награждена грамотами Верховного Совета республики, дипломами областной сельхозвыставки и свидетельствами о звании лучшей доярки области. С полным правом можно назвать теперь среди лучших доярок Минской области и Анну Николаевну Курбачеву.

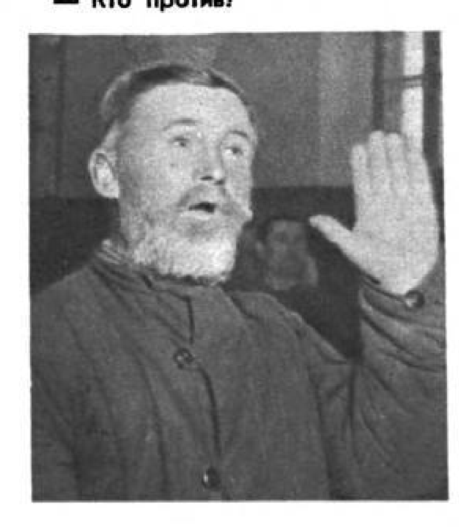
Особенно волнующим вопросом повестки дня было сселение хуторов.

Колхоз имени Калинина — один из тех, о которых говорил на XX съезде КПСС товарищ Хрущев: «Такие колхозы могут не только развернуть строительство прежде всего общественных колхозных построек, детских садов, родильных домов, клубов, бань, домов для престарелых колхозников, пекарен, но и оказать серьезную помощь колхозникам в строительстве жилых домов, в благоустройстве быта».

С информацией выступил Я. В. Алексанкин. Он рассказал о том, как хуторская система сдерживает развитие колхоза и мешает повышению культуры в производстве и быту. Если запахать все тропинки и дороги и ликвидировать невольные потравы, доходность колхоза увеличится на 10—15 процентов. Члены артели уже располагают необходимым достатком для создания центральной усадьбы колхоза с красивыми и вместительными культурно-бытовыми зданиями, удобными и благоустроенными жилыми домами. Проект будущего поселка составлен минскими специалистами. Речь идет о водопроводе, центральном отоплении, телефонизации, асфальтировании улиц...

Когда вопрос поставили на голосование, поднялся лес рук.

— Кто против?

Одиноко встал Адам Семенович Шмыка.

— Я не против, не смущайтесь, — сказал старик, обращаясь к собранию. — Я двумя руками голосую против проклятых хуторов. Дело это ясное. Только вопрос у меня есть один к правлению: как будем поступать с садами? Я, например, намерен перенести свой сад на новое место. Тут без механизации не обойдешься. Нужно, чтобы колхоз оказал людям помощь.

— Конечно, поможем!

— Кто за то, чтобы в нынешнем году выделить 1 200 тысяч рублей для выдачи долгосрочного кредита застройщикам на новой центральной усадьбе?

— Единогласно!

Так проходил большой колхозный разговор на собрании в сельхозартели имени Калинина, которая за короткий срок из отстающей стала передовой. В Белоруссии теперь сотни колхозов, удвоивших доходы за последний год. Выполняя решения XX съезда КПСС, колхозы показывают пример крутого подъема сельскохозяйственного производства.

12 марта Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. Е. Ворошилов принял в Кремле Чрезвычайного и Полномочного Посла Федеральной Республики Германии в СССР В. Хааса, вручившего свои верительные грамоты.

Фото А. Новикова.

Совершая поездку по нашей стране, заместитель Председателя Китайской Народной Республики Маршал Чжу Дэ посетил Куйбышев, Баку, Ереван, Тбилиси, Ростов, Харьков, Ленинград и другие города.

На снимке: Маршал Чжу Дэ на нефтепромыслах в Баку.

Чехословакия—Египет

На народном предприятии СВИТ в Готвальдове работает группа молодых египтян, приехавших в Чехословакию, чтобы познакомиться с процессом производства обуви и кожаных изделий. Вернувшись домой, они передадут накопленный здесь опыт товарищам по работе на обувной фабрике в Египте. Эта фабрика сейчас строится с помощью чехословацких специалистов.

На снимке: египетский техник Абд эл Хаким Хайкал работает на обувной машине в Готвальдове. Рядом—инструктор Франтишек Галашек.

Фото Чехопресс.

На прошлой неделе закрылась выставка художника О. Г. Верейского, где были представлены его путевые зарисовки, сделанные во время поездки по Сирии, Ливану и Египту.

9 марта выставку посетили Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Египет в СССР М. А. эл Куни, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Ливана в СССР А. Нажжар, Временный Поверенный в делах Сирии в СССР И. Марраш.

Фото М. Савина.

Две недели в Дании

«У нас в Дании, как и во многих других странах, есть четыре времени года: зима, весна, зима и зима. Особенно холодно бывает, когда мы собираем конгрессы по зимнему строительству»,— пошутил один из ораторов на обеде в честь участников конгресса по зимнему бетонированию. На этот конгресс, происходивший в Копенгагене с 13 по 18 февраля, собрались ученые, архитекторы, инженеры-строители и бетонщики из Дании, Голландии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Польши, Китая, Чехословакии, ГДР, Великобритании, ФРГ, США, Канады и других стран. Приехала сюда и большая группа советских специалистов.

И хотя действительно в это время стояли необычные для Дании морозы, достигающие 5—10 градусов, нам казалось, что там было очень тепло. Теплое, «весеннее» отношение к советским людям чувствовалось на каждом шагу со стороны датчан, с которыми нам приходилось встречаться.

Как только кончились заседания конгресса, датское министерство жилищного строительства по просьбе советской и китайской делегаций составило программу посещений предприятий и строек Дании. Не забыты были, конечно, и исторические памятники.

Мы побывали на строительстве нового большого сухого дока для фирмы «Бурмайстер и Вайн», где сооружаются суда для Советского Союза, на заводе железобетонных изделий широко известной фирмы «Ларсен и Нильсен», посетили строительство новых промышленных предприятий и жилых домов.

И с кем бы мы ни знакомились — с хозяином фирмы или управляющим, главным инженером или архитектором,— нас всегда встречали дружески, стремились как можно полнее ответить на наши многочисленные вопросы и сами с большим вниманием слушали наши рассказы: интерес к тому, что делается в Советском Союзе, огромный!

Советская делегация показала три фильма о применении бетона в строительстве. На демонстрацию этих картин были приглашены датские ученые, инженеры, студенты Копенгагенского технического университета. Датская «Ассоциация гражданских инженеров» просила повторить просмотр одного из фильмов, а затем по просьбе министерства жилищного строительства все три картины были оставлены в Дании.

Много встреч с датчанами было и в неофициальной обстановке. Один из вечеров мы провели в доме у архитектора О. Гернер-Хансена. Мы пели хором старинные русские и советские песни. Приятно было убедиться, что хозяева знали слова многих наших песен...

В одном из залов музея изобразительных искусств к нам подошел служитель.

— Простите, на каком языке вы говорите? — обратился он ко мне и страшно обрадовался, узнав, что перед ним русские.

— Как мне хочется побывать в России! Посмотреть своими глазами сокровища Эрмитажа и Третьяковской галереи, о которых я столько слышал. Я надеюсь поехать к вам как турист. Думаю, что после визита нашего премьера в вашу страну отношения между нами будут еще лучшими.

Пожелания укрепить добрые отношения нам приходилось слышать в Дании очень часто, в том числе и от премьер-министра г-на Х. К. Хансена, который принимал руководителя советской делегации.

Г. КУЗНЕЦОВ

Внутренний вид вагона с мягкими сиденьями.
Фото А. Фрадкина.

НОВЫЙ ТИП ВАГОНА

На железнодорожных магистралях нашей страны в шестой пятилетке появятся мягкие вагоны межобластного сообщения.

Они оборудованы креслами с мягкими сиденьями и спинками; спинки по желанию можно откинуть назад,— это создает для пассажиров дополнительные удобства. Все кресла могут поворачиваться на 180 градусов.

Новые вагоны рассчитаны на поездки, продолжающиеся не более восьми часов.

В контрольно-испытательной станции минского часового завода.

МИНСКИЕ ЧАСЫ

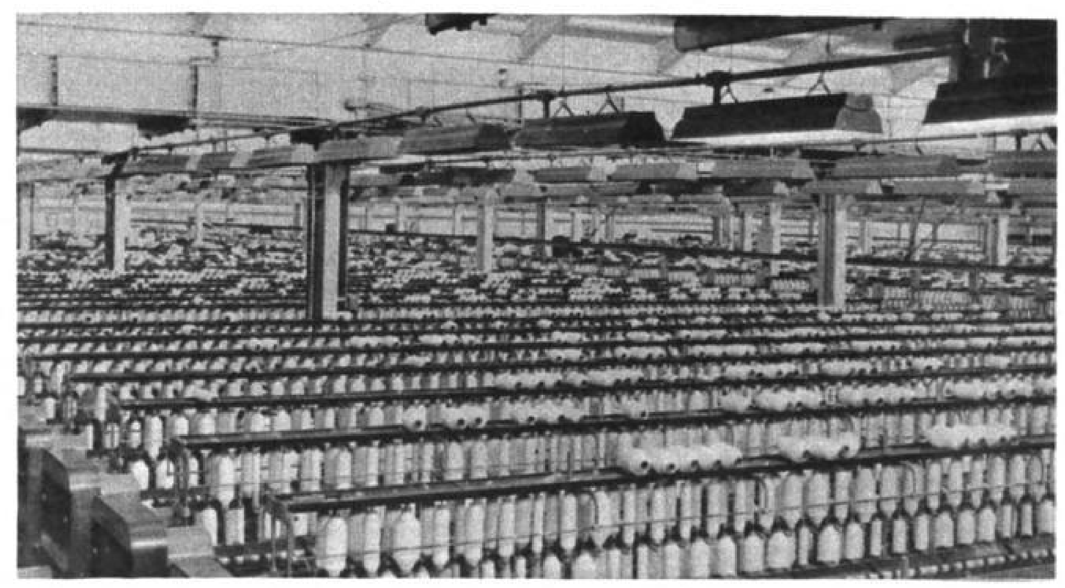
Заработал конвейер еще одного предприятия, которое будет введено в действие на полную мощность в новой пятилетке. На минском часовом заводе началась сборка женских наручных часов типа «Заря». Это самые маленькие часы, выпускаемые в Советском Союзе: они весят всего 8 граммов.

Первое время, до ввода в действие всех цехов, здесь используют детали, получаемые с пензенского завода.

Для производства часовых деталей на заводе установят новейшие сложные станки-автоматы. Это позволит увеличить выпуск деталей и повысит точность их обработки.

А. ДИТЛОВ

Херсонские ткани

На прядильной фабрике Херсонского хлопчатобумажного комбината.
Фото С. Фридлянда.

Бесконечными рядами тянутся прядильные машины и ткацкие станки, освещенные ровным светом люминесцентных ламп. Мерно жужжат веретена, стремительно снуют челноки. А рядом, по соседству с действующими цехами, растут новые корпуса хлопчатобумажного комбината в Херсоне. Это самая крупная стройка города.

Что ни день, на товарную станцию Херсон прибывают составы с цементом, металлом, станками для комбината, приходят вагоны с азербайджанским и среднеазиатским хлопком — сырьем для текстильного производства.

— Новый наш комбинат,— говорит директор Н. С. Костровский,— начали сооружать в годы пятой пятилетки. Он будет давать тканей в несколько раз больше, чем выпускала прежде вся легкая промышленность Украины: около полумиллиона метров в сутки.

На комбинате наряду с опытными мастерами ткацкого и прядильного дела трудится много молодежи.

Инструктор Полина Ивановна Ткачева — потомственная вичугская текстильщица — познакомила нас со своими питомицами Леной Лысенко и Лидой Ковбаса. Обе девушки — недавние херсонские школьницы — успешно закончили обучение.

Огромная строительная площадка раскинулась за окраиной Херсона. Растут цехи, дымят трубы мощной теплоэлектроцентрали, которая снабжает комбинат энергией. Уже несколько месяцев идут занятия в просторных классах недавно отстроенной школы ФЗО.

Благоустроенными четырехэтажными домами застраиваются Перекопская, Ворошиловская и другие улицы поселка текстильщиков. На берегу Днепра разбит парк. Новые жилые кварталы, поднимающиеся по соседству с комбинатом, станут скоро одним из самых живописных районов Херсона.

С. МОРОЗОВ

Нам пишут...

Колхоз «Краснощелье». Вывозка ягеля.
Фото В. Федотова.

В глубине Кольской тундры

Кандидат ветеринарных наук В. ФЕДОТОВ, работник облсельхозуправления Мурманской области, побывал в колхозе «Краснощелье» и сообщает в редакцию:

Оленеводческий колхоз «Краснощелье» расположен в глубине Кольского полуострова, далеко от железной дороги. Однако, приехав сюда, не ощущаешь, что попал в глушь. Перед нами раскинулось большое, красивое село, в котором живут саами и коми. В селении построены семилетняя школа и клуб, есть библиотека, демонстрируются кинофильмы. Как в любом другом населенном пункте, имеются радиоузел, почта, телеграф, магазин, пекарня, баня. В каждом доме горит электрический свет.

Саами и коми занимаются главным образом оленеводством. В артели насчитывается более 5 тысяч оленей, а также много пушных зверей—норок и голубого песца.

Колхозный доход в минувшем году составил около 900 тысяч рублей. Семья колхозника М. А. Терентьева получила на выработанные трудодни только деньгами больше 30 тысяч рублей, много молока, мяса и рыбы. Терентьев, а также колхозники Захаров, Ануфриев, Филиппов построили новые дома.

Автографы и редкая фотография И. В. Бабушкина

Среди материалов Государственного исторического архива Ленинградской области найдены два документа, написанные И. В. Бабушкиным в период нахождения его под арестом в доме предварительного заключения. Один из них — прошение на имя пристава Шлиссельбургского участка о выдаче вещей, опечатанных во время обыска и ареста в январе 1896 года, другой — доверенность на их получение сестре — М. В. Бабушкиной. Оба документа датированы 12 марта 1896 года.

Об этих документах, обнаруженных научным сотрудником М. Холмогоровой, нам сообщает начальник исторического архива Н. МАЛЕВАНОВ. Он пишет:

Как прошение, так и доверенность дают возможность документально подтвердить место последнего жительства И. В. Бабушкина в Петербурге в 90-х годах: «в селении императорского завода по Шлиссельбургскому проспекту в доме № 89, кв. № 5 у квартирного хозяина Филиппа Андреева».

В архиве хранится также дело Петербургского губернского правления, возникшее в связи с вторичной высылкой из Петербурга И. В. Бабушкина в августе 1903 года в «распоряжение Иркутского военного генерал-губернатора» через Москву.

Несомненный интерес представляет имеющийся в деле черновой статейный список «о политическом ссыльном Иване Бабушкине». Здесь подробно расписаны «приметы» Ивана Васильевича. В 20-х числах августа 1903 года спешно были изготовлены три фотографические карточки И. В. Бабушкина.

Одна из этих фотокарточек сохранилась в деле. Облик И. В. Бабушкина, запечатленный на ней, отличается от известных его портретов.

В простой расшитой русской рубахе, с открытым, пристальным и волевым взглядом — таким донесла до нас выцветшая от времени фотография образ И. В. Бабушкина.

В ДРУЖБЕ — НАШЕ БУДУЩЕЕ

Письмо из Англии

Моника ФЕЛТОН

Загляните в любую среднюю семью лондонцев, и, хотя прошло почти полгода со времени визита в Англию советских кораблей, с вами начнут оживленно делиться воспоминаниями об этом событии. Чувство человеческой симпатии, вызванное молодыми русскими моряками, оказалось длительным и прочным. Простым англичанам вовсе не казалось странным, что вестниками мира были люди в военной форме. Наоборот, живейший отклик по всей стране встретили слова одного из командиров советской эскадры о том, что такие взаимные визиты помогут человечеству приблизить день, когда военные корабли вообще станут излишними.

Правда,— и я не могу об этом не сказать — за последнее время как в Англии, так и по ту сторону Атлантики упорно и настойчиво пытаются убедить народы, что дух Женевы не более как временная, преходящая манифестация доброй воли, что в ней нет основы для урегулирования серьезных вопросов. Кое-кто из наиболее нетерпеливых твердит прямо: «Дух Женевы мертв». Это заставляет вспомнить историю с англичанином, который неожиданно прочел в газете свой некролог и написал в редакцию, что сообщение о его смерти «сильно преувеличено». Народы решительно отказываются принять приговор могильщиков духа Женевы, ибо для миллионов это надежда на мир, на жизнь. И прежде всего надежда на большее понимание, на улучшение отношений между Англией и Советским Союзом. Не случаен энтузиазм, вызванный в прошлом году в парламенте и во всей стране сообщением сэра Антони Идена о том, что советские руководители, маршал Булганин и господин Хрущев, приняли приглашение посетить Англию весной 1956 года.

Тяга английского народа к сближению и дружбе с советскими людьми родилась не сегодня, она имеет уже долгую историю и существует с тех пор, как родилось Советское государство. Она не только проявлялась неоднократно в форме солидарности и взаимной симпатии, но и в том, что год за годом умножались и крепли реальные, ощутимые связи между обоими народами.

За последние месяцы мы, англичане, особенно часто видели у себя на родине гостей из Советского Союза: ученых, артистов, спортсменов, архитекторов, хозяйственников, работников профсоюзов, мужчин и женщин, представителей всех областей труда и общественной жизни. Их приветствовали у нас не только тепло, но и с какой-то жадностью, с нетерпеливым желанием узнать как можно больше. Росло и число англичан, побывавших в СССР,— их расспрашивают с такой же жадностью и интересом.

Вот пример. Небольшая группа квалифицированных английских врачей знакомилась осенью 1955 года с учреждениями советского здравоохранения. Один из них, мой старый друг, рассказывал, что вскоре после приезда домой он встретился на улице с коллегою, которого знал очень отдаленно—по мимолетной встрече на какой-то медицинской консультации. Тот неожиданно пригласил его к себе. Приглашение было принято, и в условленное время в небольшой гостиной собралось двадцать пять человек. Вопросы и ответы длились несколько часов подряд. С тех пор — а прошло уже четыре месяца — у моего друга нет почти ни одного свободного вечера: его все время приглашают рассказывать о советском здравоохранении, и приглашают его не только врачи, но и люди других профессий. И вот что характерно: несмотря на поднявшуюся кое-где новую волну дезинформации о Советском Союзе, он ни разу не услышал во время этих бесед ни одного враждебного или нелепого вопроса, каких раньше бывало много.

Я посылаю Вам фотографию, на которой изображен английский ученик каменщика, внимательно наблюдающий, как советский строитель демонстрирует методы своей работы. Это — одно из многих проявлений тяги простых англичан к обмену с советскими людьми бесконечно важным во всех отношениях производственным и техническим опытом.

Я могу с уверенностью сказать, что московская команда «Динамо» пользуется теперь у нас не меньшей популярностью, чем «Волки» — так называют команду «Вулверхэмптон Уондерерс»,— или «Арсенал» и другие ведущие английские футбольные команды. Выступления советских хоккеистов и других спортсменов неизменно сопровождались самым непосредственным и массовым выражением взаимных симпатий рядовых англичан и советских людей. Я поинтересовалась однажды тем, как откликнулись газеты на выступления в Лондоне танцевального ансамбля Игоря Моисеева. Вот каков был аншлаг во всю страницу, помещенный в «Дейли геральд», официальном органе лейбористской партии: «Явились советские танцоры, и — «железный занавес» исчез». Известный критик Хеннэк Суоффер, выступающий в этой же газете, писал, подытоживая концерты ансамбля: «...где бы ни встречались простые люди и как бы различны ни были их политические взгляды, они выражают в улыбке взаимное дружелюбие, которое иногда не умеют выразить в словах. В этом жизненном факте заключена надежда всего человечества».

Мне довелось ознакомиться с интересной статистикой: число англичан, присоединившихся к коллективным поздравлениям, посланным в 1955 году советскому народу в годовщину Октября различными английскими организациями, намного, оказывается, превысило соответствующую цифру за предыдущий год. В 1954 году приветствия послали 310 организаций, насчитывающих в своих рядах более миллиона человек; в 1955 году число организаций выросло до 430, а число подписавших эти приветствия — до 2 434 590 человек. Я наблюдала, с какой теплотой читались у нас ответы на приветствия, поступавшие из Советского Союза.

Для сегодняшней Англии характерно не только желание узнать подробности повседневной жизни, быта, культуры Советской страны, но и понять то главное, чем отмечено существование и развитие Советского Союза,— его грандиозные планы экономического строительства, его политику мира и мирного сосуществования с другими государствами. Сведения о новом советском пятилетнем плане, появившиеся в английской печати, отнюдь не сопровождались, как это не раз бывало раньше, издевательскими и враждебными комментариями даже в консервативной печати. Наоборот, такие газеты, как «Таймс» и «Экономист», не говоря уже о газетах более прогрессивного направления, серьезно обсуждали пятилетний план, признавая те огромные достижения, которые сделаны Советским Союзом, и отдавая дань масштабу заданий, поставленных на будущее. Так, например, «Таймс» в большой статье от 3 февраля писала: «Если, скажем, в Советском Союзе еще многое не решено в области жилищной проблемы, зато СССР во многих отношениях идет впереди всего мира в области общего технического образования... Возможности обучения для взрослых исключительно широки, и они еще увеличатся в будущем». В некоторых кругах это было подхвачено для того, чтобы — в который раз! — напугать английскую общественность призраком... «превосходства СССР в области подготовки технических кадров». Однако это мало кого испугало: англичане понимают, что в Советском Союзе молодые специалисты заняты мирным строительством и что соревнование в этой области много полезнее для человечества, чем соревнование в гонке атомных вооружений.

Я не буду говорить о растущем стремлении деловых кругов Англии к расширению торговли с Советским Союзом — примеры этого многочисленны, и они известны советским читателям. Может быть, стоит подчеркнуть, что с особенной настойчивостью добиваются в этих кругах устранения искусственных барьеров, воздвигнутых правительством США и мешающих англо-советской торговле. С такой же силой ощущается в наши дни желание среднего англичанина увидеть наконец какое-то движение воды в вопросе о разоружении, настолько тяжело давит бремя налогов на каждую английскую семью. В хоре голосов, требующих от правительства сделать серьезный шаг в этой области, звучат и голоса таких ученых, как Бертран Рассэл, лорд Бойд-Орр, и многих других.

Вот почему с такими большими надеждами ожидают в Англии предстоящий визит к нам Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. По всей стране, в самых разных общественных кругах, англичане готовятся приветствовать руководителей советского народа, гостеприимно встретить их в городах, где сосредоточены памятники нашей национальной культуры, показать им современные учреждения Англии, ее экономику и технику. Все хотят, чтобы понимание, достигнутое между главами четырех держав в Женеве, получило дальнейшее развитие.

Во время визита советских моряков в Англию они знакомились с достопримечательностями Лондона.

Фото А. Стужина (ТАСС).

ЛОНДОН

Фото Дж. Аллана КЭША.

Мост Тауэр.

Вестминстерское аббатство.

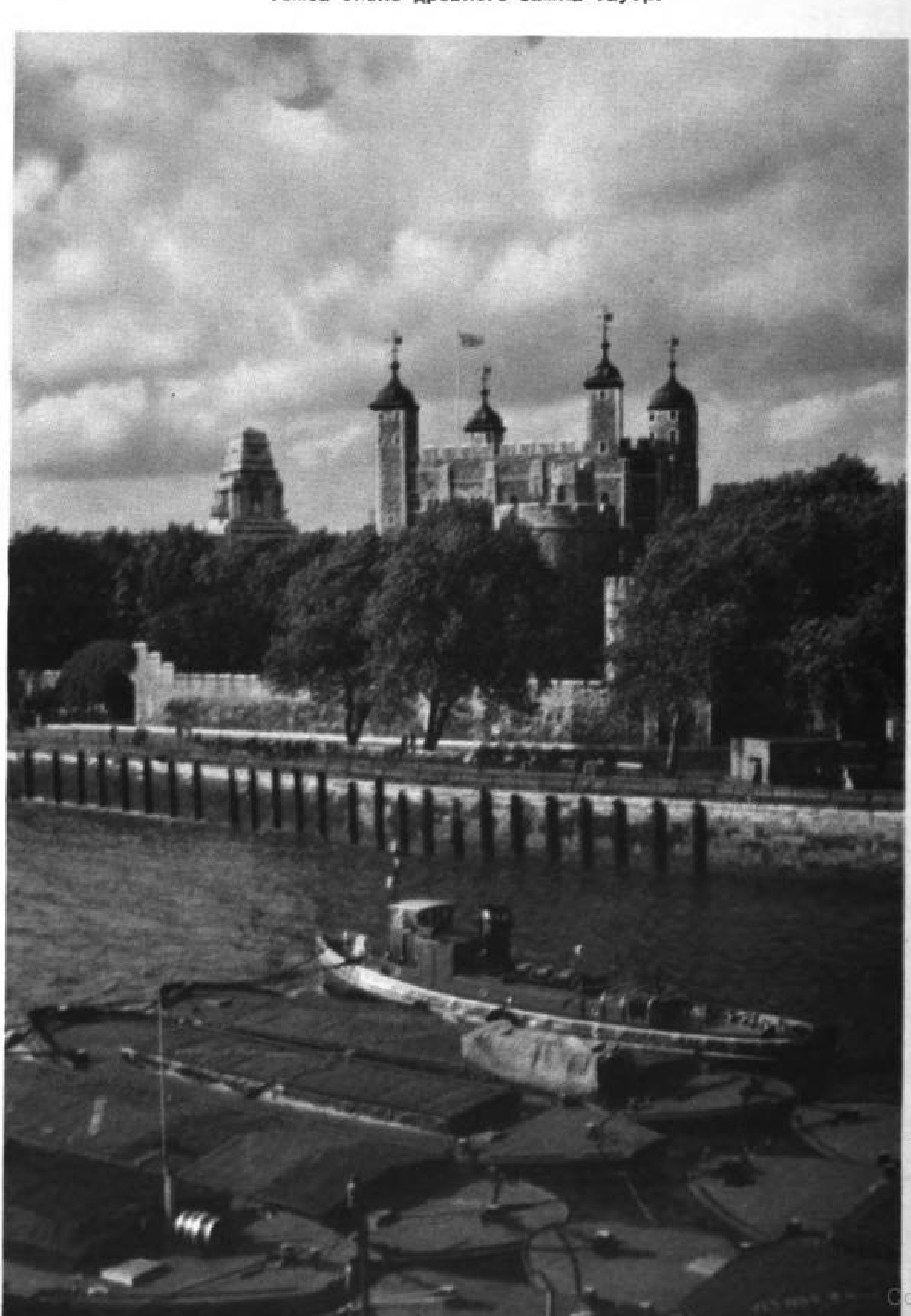
Здание парламента и знаменитая башня с часами Биг Бен.

Площадь Пикадилли.

Монумент в память о гигантском пожаре в Лондоне в XVII веке.

Темза около древнего замка Тауэр.

МЛАДШИЕ В СЕМЬЕ

Рассказ

И. ДВОРЕЦКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

К осени Байкал ярился, бил волнами о берег. Тревожно слушая шум моря, Кирилка свернулся под одеялом так, что колени доставали до подбородка. Вздыхал. Тем временем, выйдя из-за туч, в небе засияла поздняя луна.

Зыбкий холодный свет проник сквозь кривые щели сеновала, лег косматыми прядями на сухой, колючей траве вокруг Кирилки и осветил уголок ситцевой наволочки.

Скоро под тяжелым одеялом стало душно. Кирилка высунул голову, глотнул сырого воздуха и вдруг через широкий лаз увидел сразу часть поселка и всю бухту в дрожащем серебряном свете: черную воду, зеленый огонь маяка, пристань со штабелями ящиков и пустыми железными бочками.

Сразу захотелось ему зареветь,— так горько и одиноко было одному под огромной луной. Кирилка подумал, что мама его теперь, наверное, скоро умрет, как умерла больная сердцем учительница по географии Агриппина Семеновна.

Потом он уснул и во сне думал: «Как мы жить будем без мамы?» — и ревел напропалую.

Глубокой ночью заскрипела лесенка: Алешка пришел спать. Кирилка проснулся, слушал в полумраке, как стаскивает он сапоги.

— Где был, жулик, ты? — свирепо выкрикнул Кирилка и, как лягушонок, перевернулся на живот, лягнув ногами.

Алешка потянул край одеяла и молча укрылся с головой.

— Ты что с мамой делаешь? — сказал Кирилка.— Ты почему в школу не ходишь? Почему ты дома не бываешь, как бродяга? Ты не знаешь, у мамы сердце заходит, нехорошо ей делается? — всхлипнул Кирилка.— А ты, дурак, все бегаешь!

— Я тебе как дам!..— зашептал Алешка и больно ткнул в бок.

С минуту Алешка сопел, ворочался, словно давил его кто-то, наконец спросил, притихший:

— Что с мамой было?

— Что! Сердце зашло, вот что! Сказали, ты на пристани дрался, в кровь... Мам-м вся побледнела, на койку легла...

— Чего ты ревешь?

— А ты чего?! — закричал Кирилка, глотая слезы.— Бессовестный ты!

Алешка размяк, не ответил. Кирилка все же побоялся продолжать упреки. Знал, что с Алешкой лучше добром говорить. Если разозлить,— стукнет. Потом пожалеет, приласкает, но все равно, если разозлить,— стукнет.

Уснули быстро, спинами друг к другу.

2

Проснувшись, Кирилка увидел, что Алешка колет дрова и, как всегда, припевку под нос поет.

Со звоном отлетали от чурбака сухие еловые поленья. Широко расставив босые ноги, Алешка помахивал колуном, как игрушечкой. «Все же здоровый наш Алешка,— подивился Кирилка,— а синяк-то на скуле — ую-ю!»

Кирилка выбрался с сеновала и сел на перекладину лесенки, нахохлившись.

Море было тихое, покрытое рябью. А солнце над ним, словно в марлю обернутое, тоже не успело протереть глаза, смотрело вниз подслеповато. Скалы и лиственницы у выхода из бухты стали серыми.

Сквозь мóрочную серость утра Кирилка все же разглядел катер. Шел катер от другого берега.

— Кирилл, посмотри хорошенечко, будто бы «Нерпа» идет?

Это вдруг тихо спросила мама. Она вышла на крыльцо в клетчатом платье с засученными рукавами и в фартуке. На груди и на животе старенький фартук посекся. Мокрые мамины руки блестели, она держала их на весу.

Разглядывая чурбак, Алешка сказал:

— Кроме «Нерпы», никто на ту сторону и не ходит.

Мама точно не слышала.

— Ну, Кирюша,— повторила она,— у тебя глазки острые.

— Ты что,— сказал Кирилка,— разве угадаешь, такая даль!

Мама вошла в дом и позвала пить чай.

«Зачем она про «Нерпу» спрашивала?» — соображал Кирилка.

Алешка тоже что-то почувствовал, отбросил колун и грыз ноготь.

Однако садиться за стол было рано: самовар не вскипел. Перед чаем Алешка успел натаскать ушат воды и в стайке у боровка вычистил. Когда хотел, все у него в руках горело. Кирилка же отлично понимал такое рвение, думал: «Ишь, жулик, маме угодить старается!».

Пили чай, ни слова не говоря. Мама закатала рукава повыше и пошла в угол к жарко пылающей печи. Пламя через всю кухню грело кирилкину щеку.

Кирилка чувствовал: что-то должно случиться.

Возле шестка на табуретке громоздилась квашня, переполненная белым ноздреватым тестом. Тесто грелось, дышало, нависая над краем квашни. Мама заметила, что вот-вот оно вывалится, стала сильно шлепать по тесту ладонями. Неожиданно она выпрямилась и закричала, покраснев:

— Ты в школу пойдешь? Ты мне одно скажи.

Алешка раздул ноздри и закричал в ответ, как петух, поднимаясь на носки:

— Все равно теперь не пойду! Пусть она взорвется, твоя школа! Я работать пойду, а на твоей шее я сидеть не буду!

— Собирайся, Кирилл, на занятия,— устало сказала мама,— а на тебя, подлеца, я управу найду. Думаешь, вышел из материнских рук? Не вышел, голубчик... Вот в город соберусь, посоветуюсь с Николаем и с Натальей... В милицию обращусь. Пусть делают, что хотят.— Мама вздохнула, утерла глаза и совсем тихо сказала: — Пропащий, пропащий ты теперь, Леша, человек!

«Что же будет?» — думал Кирилка, глядя в блюдечко. Стало жалко Алешку невыразимо.

Алешка отвернулся к окну, опустил голову. На затылке у него упрямо торчала светлая прядка волос. За окном же солнце, большое, красное, прорвало мóрок, и по Байкалу на длинных ножках бежали полосатые лучи.

3

Из школы, кому по пути, все заходили на пристань. Кирилка и Борька Климов из параллельного четвертого «Б» тоже пошли. Сначала постояли возле базарчика, где торгуют мясом, омулями и кедровыми орехами. Закинув за плечи портфельчики, читали на заборе объявление: где-то строился комбинат, огромный, требовались рабочие всех специальностей. На Береговой улице потолкались между прохожими, чувствуя упоительную безграничную свободу.

Вышли на пристань. Байкал казался тихим, как небо.

Борька Климов был рыжий и толстый. Был он также весь чистенький, причесанный на пробор, в вельветовой курточке.

— Тинь-тиль-тиль,— сказал Борька, оглядывая мол.— Комбинат — это что, Кирюха, это как завод?

— Это пять заводов,— ответил Кирилка,— и все под одной крышей... Это — ух, большое дело!

У волнореза покачивалась старая, ободранная баржа, груженная железным ломом. Рядом, задрав нос кверху, пришвартовалась «Нерпа». Вдоль крашеного ее борта, покрякивая, плыла стайка домашних уток. Птицы эти, как известно, без меры углублены в себя и равнодушны.

Обнаружив под ногами ржавую гайку, Борька запустил ее в воду. Утки лениво описали на воде полупетлю и двинулись по борту дальше, все такие же чопорные и до наглости уверенные в себе.

— Жалко, нет еще гайки,— сказал Борька.

На пристани валялись пустые ящики. Борька приглядел какой почище, сдунул с него пыль и рукой немного потер, затем сел. Штанишки туго обтянули толстые борькины бедра.

— Посидим, Кирюха, что ли?

Кирилка вдруг запечалился. Подумал, что придется все же пойти сейчас домой, а там мама не знает, что делать с Алешкой. Запахнул на себе Кирилка поплотнее пальтишко, старенькое, бобриковое, нахмурил брови, вздохнул. Стало ему казаться, что нет у него никого на свете, остался один-одинешенек.

Борька Климов в молчанку играть не любил.

— Хорош катер «Нерпа»,— сказал он,— правда, законная посудина?

— Ну да, законная,— согласился Кирилка.

— А старшину с «Нерпы» знаешь?

— Знаю, усатый, Головин.

— Тоже законный старшина. В войну на «морском охотнике» ходил. Два года, говорит, «Нерпа» без ремонта отработала — и как часы! Две тыщи часов... Порядочно?

— Ничего...

— И остойчивость, говорит, исключительная, осадка — два метра.

— Устойчивость,— поправил Кирилка.

— Именно остойчивость! — заспорил Борька.— Ты что, не знаешь — по-морскому... Кирилл, гляди-ка, твоя мать идет.

Из магазинчика против пристани вышла мама в накинутом на плечи платке с кистями. Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам. Шла не быстро, ступала тяжело: наверное, опять немножечко кололо сердце.

В руках мама несла бутылку вина и сверток.

— У вас кто пьет? — с великим интересом спросил Борька.

— Никто,— растерянно ответил Кирилка,— никто у нас не пьет, может, гости...

Мама завернула за угол. В ту же минуту из-за угла на полном газу выехал бензовоз, сделал крутой разворот, влетел с ходу в кювет и, буксуя, оглушительно затарахтел.

— Слушай,— просияв рыжими веснушками, хохотнул Борька,— может, она вашему Лешке бутылку купила?

— Не городи! — насупился Кирилка.— Он у нас не пьет и не курит, он только балованый.

— Он просто хулиган, ваш Лешка,— беспечно объяснил Борька,— ты не заступайся.— Борька хитро улыбнулся.— Зимой вся школа от него стонала... Два года в шестом просидел, а нынче и совсем перестал ходить... Он кому доказывает? Школа-то от него отдыхает.

Кирилка холодно посмотрел вокруг спокойными, чистыми глазами, поджал губы да вдруг поднес к борькиному носу крепкий кулак.

— Это видел?

— Вру?! — заерепенился Борька. Нос, однако, отвернул.— Он себя взрослым считал, учительниц обсмеивал, на вечерние сеансы в кино ходил, прическу завел... А зачем учительниц обсмеивать? — строго спросил Борька.

Кирилка вздохнул и согласился:

— Он у нас смешливый, дуралей, и вспыльчивый. Ему совестно на маминой шее, здоровый такой... А ты знаешь, какой у нас Лешка добрый? Вот никто этого не знает.

— Далеко ты на доброте уедешь,— неумолимо ответил Борька.— Пропадет, как пить дать!

Кирилке опять стало жаль Алешку.

— А вот я кончу десять классов,— сказал Борька,— да, думаю, с серебряной медалью...

— А с золотой? — скучно спросил Кирилка.

— Не, мне бы на серебряную. Выучусь — в летчики пойду. У меня высшее образование будет, отца с матерью на иждивение возьму.

«Получится из тебя летчик — черта с два!» — подумал Кирилка. Стало отчего-то совсем грустно, завалился бы в лодку и поплыл по волнам куда-нибудь. Захотелось уплыть далеко, месяца на два; вернулся бы — сердце у мамы прошло, жизнь бы наладилась.

Потом Кирилка подумал, что на серебряную медаль Борька, пожалуй, кончит: тетрадки у него чистенькие, в газетку обернутые, отметки хорошие.

— Айда домой,— позвал Кирилка,— надо маме помогать, подмести или еще что.:. Она у меня больная, ей надсажаться нельзя.

4

Возле магазинчика ревел мотор бензовоза. Стоя одной ногой на подножке, перемазанный шофер газовал и заглядывал под заднее колесо. Машина покачалась взадвперед. Мотор заглох. Ругаясь на чем свет стоит, треснул сам себя шофер кулаком по лбу и сел на подножку, опустив руки.

— Мазила,— сказал Борька,— на телеге бы ему ездить.

Едва сошли с пристани, встретили Головина. Старшина с «Нерпы», маленький, круглый, не спеша, покачиваясь, как колобок, катился посредине Береговой улицы, словно на тротуаре ему было тесновато. Одет он был в кожаную куртку и в фуражку с узеньким лаковым козырьком и малиновой звездочкой.

Его усы, пышные, сивые, плыли как по воздуху вразлет, а из усов торчала коротенькая трубочка. И только вблизи можно было разглядеть, что у старшины под пышными усами есть также рот, маленький и твердый, возле уха узловатый шрам сантиметра на три, под распахнутой курткой — шерстяной свитер и грудь крутая, как дуга.

— Эй, земляк! — закричал старшина шоферу.— Ты что? Я тебя, браток, на заре ждал. Придется теперь горючее вечером сливать. Команде отдых дан, до семи нольноль с собаками никого не разыщешь.

Голос у старшины был глуховатый, с хрипотцой.

Вразвалочку он подошел к машине, поглядел под нее и спрятал в карман трубочку.

— Граждане-товарищи! — сразу властно начал приглашать старшина.— Подходи, кто сочувствует! Ну, ну, без стеснения, не дадим человеку помереть, не пообедавши.

Кирилка с Борькой побежали к машине. Неуверенно подошел лысый парикмахер из орсовской парикмахерской с чемоданчиком в руках. Решительно подошла толстая сторожиха с лесной биржи. Остановился, помахивая тросточкой, Сашка-киномеханик в шляпе и резиновых сапогах. За киномехаником ринулись к бензовозу человек пять верных ребят, известных контрамарочников. Подошел затем инженер с рыбзавода в очках из синего стекла. Все обступили машину.

— Слушай мою команду! — сказал старшина и уперся руками в цистерну.— Давай, Сеня!

Шофер дал газ, завертелись колеса, обрызгивая толкачей грязью. Старшина заорал:

— Взяли! Улю-лю, взяли!

Бензовоз задрожал и вылетел на дорогу, покатил к столовой. Ребята уселись на крылечко магазина. Пошел разговор о шоферах да о машинах, даже кулаками помахивали.

В это время появился Алешка. Он шел с парнями, держали они в руках развернутый бумажный лист и громко читали. «Честное слово,— прошептал Борька,— они объявление про комбинат стащили...» Кирилка посмотрел исподлобья и отвернулся: знал, что Алешка сейчас придираться начнет.

— Ты что здесь делаешь? — подозрительно спросил Алешка, подойдя ближе.

— Машину вытаскивали...

— Я тебе дам машину,— сказал Алешка,— сейчас же домой! Уроки иди учи! Смотри, все равно узнаю, бегал или нет.

5

Когда Кирилка вернулся домой, стало совершенно ясно, кому куплена бутылка вина. В столовой за столом сидели мама и старшина Головин.

— Так это ваш, Анна Федосеевна? — покачал головой старшина, увидев Кирилку.— Подойди, малец,— приказал он и положил на плечо Кирилке тяжелую руку.— Были мы с тобой знакомы лет шесть назад,— он вытянул губы и пошевелил сивыми усами, подсчитывая в уме,— как раз шесть лет, малец. Должны вы помнить, Анна Федосеевна, когда в Нижний меня на работу переводили, заходил я к вам.

— Помню,— вздохнула мама.— А вот этому нравится все военное,— сказала она,— и он мне хорошо помогает. Тот учиться сам не хочет, а на этого, слышу, покрикивает: «Садись за уроки!»

Старшина снял руку с плеча, крепко взял Кирилку за подбородок и заглянул в глаза ласково и насмешливо. Оборотившись к маме, он загадочно проговорил:

— Подбородочек характерный, толк будет.

После этих слов старшина окончательно отвернулся и про Кирилку словно забыл, взялся за трубочку.

Стояла перед ним на столе бутылка, опорожненная на одну треть, и закуска на тарелочках — редька в масле, огурчики, сало, нарезанное ломтиками, да банка рыбных консервов. Старшина курил трубочку, похлопывая коротенькими пальцами по жестяной коробке из-под леденцов, в которой хранил табак, и с добротой глядел на маму.

Мама рассеянно сказала:

— Налей себе супу, чугуночек на шестке, и в самовар, Кирюша, подложи.

Она потянулась через стол к граненому стаканчику, но старшина, цокнув языком, стаканчик прикрыл ладошкой, говоря:

— Буде. Мне, конечно, от такой мерки ничего не станет, но и запаху не должно быть, Анна Федосеевна. Через два часа у меня заливка горючего, и срочно уходим. А команда... За полсекунды унюхают. Скажут: с нами, братец, ты строг, а вот это самое — и будьте здоровы и так далее...

— Еще чуточек,— сказала мама.

— Ни-ни. Принял дозу из уважения, а теперь посижу, вас послушаю.

Кирилка поставил тарелку с гороховым супом на стол, сел между старшиной и мамой и незаметно пощупал подбородок.

— Все дети как дети,— говорила мама, подперев щеку,— но в кого у меня Алексей, не знаю. Одно у него достижение, что, хотя и нагрубиянит, а что ни скажу по дому,— сделает. Все у меня ребята старательные... А сама я без труда хоть сколечко жила? При отце двух коров держали. Отец приучал ребят к трудолюбию: в лес ли по дрова, и на сенокос, и по ягоды — всей семьей. По шести ведер ягод выносили. Вам ли, Степан Степанович, мужа не знать? Сколько вы с ним на «Кругобайкальце» проплавали!..

«Тэк-с!» — сказал себе чуть ошеломленный Кирилка, сунул в рот ложку распаренного гороха и заново стал осматривать старшину. Но ничего нового не заметил, кроме мухи, которая ползала по его бронзовой, продубленной ветрами щеке.

— Как я их растила в войну!..— вспоминала мама.— Раздам на ужин по кусочку хлеба, спрашиваю: «Ребята, еще хотите?» «Ну, раз нету, мама, не надо»,— говорят. «Ребята,— говорю,— давайте я вам расскажу, как мы в старину песни пели». Начнем петь. А ребята просят: «Давай еще, мама!» Так с песней и уснут, а я сижу и плачу над ними...

Маме жарко стало, она потянулась, сдвинула занавеску и распахнула окно. На клеенку легли косые солнечные блики.

Старшина выпустил в потолок облако табачного дыма.

— Помню, помню я вас,— задумчиво протянул он и невесело, для порядка, подмигнул Кирилке.— Быстрая вы были, в красной косыночке... Жизни не поддавались... Да... и достижения у вас определенные имеются.

— Достижения, конечно,— сказала мама и грустно улыбнулась.— Один Алешка мой все посвоему поворачивает.

Старшина внезапно лицом посуровел, стукнул ребром ладошки по столу и сказал, как отрубил:

— Об этом деле, на мой взгляд, хватит.

Кирилка вылупил на него глаза и отчего-то испугался.

— Решили правильно,— категорически говорил старшина,— пусть включается в работу, коли нет стремления учиться. А раз просите определить в пароходство,— сделаем. Несмотря на малый его возраст, сделаем! Уже кое-какие соображения бродят у меня по этому поводу.

Мама от этих слов неожиданно сильно расстроилась, стала она говорить, как хотелось ей дать Алешке хотя бы десятилетнее образование. Старшие дети — Николай, Татьяна и Кеша — закончили десятилетку.

Спохватившись, мама принесла из кухни начищенный шипящий самовар и карамельки в синей прозрачной вазочке, подаренной ко дню маминого рождения Татьяной. Самовар шипел и задиристо высвистывал однотонную песню.

Мама с надеждой сказала:

— Может быть, с врачами мне о нем посоветоваться да тайком полечить? Он же на уколы не согласится.

— От чего же вы ему уколы собираетесь делать?—хитро спросил старшина.

— Вспыльчивый он,— вздохнула мама,— от нервности бы полечить... И насмешник он. На занятиях скажет что-нибудь смешное, все хохочут, надрываются, а его — за двери. Вот еще заедаться он с парнями любит...— Мама отвернулась к окну с затуманенными глазами.— И вот уж сомнения передо мною витают... Так ли надо, не так? Но какие я разные меры перепробовала... Говорила ему: «Выгоню». «Уйду»,— отвечает. И уйдет, не маленький...

Тихо стало в комнате. Самовар уже не шипел, и лишь ширкал и ширкал маятник ходиков над маминой кроватью.

Кирилка громко шмыгнул носом. Мама, откинувшись на спинку старенького креслица, сплетенного из тальниковых прутьев, сучила в пальцах рукав платья. Глаза ее сверкнули и стали мокрыми.

— Ладно,— сказал старшина, покашляв в кулак,— для полного вашего успокоения могу этого вашего хулигана и под свой глаз взять. Возьму на «Нерпу» матросом, пусть поплавает, денег матери подработает.

Мама спросила, глядя в окно:

— Что же вы теперь делаете на «Нерпе»?

— Неплохи дела. Плоты водим, дела ответственные... На той стороне громаднейший лесной комбинат закладывается, ему таскаем.

Кирилка понял, что теперь Алешка, конечно, поплывет. И Кирилке показалось, что это он сам поплывет, оставит школу, уйдет куда-то в неизвестность, в тяжелое и опасное дело.

6

Вскоре Лешка уплыл, мама проводила его. Произошло это в серое, ненастное утро, когда был Кирилка в школе.

Из школы домой он возвращался в одиночестве, так как у Борьки Климова на этот раз было на один урок больше.

Обвязавшись поверх платья холщовым полотенцем с зелененькими каемками, мама стирала белье. Задумавшись, долго она терла синюю лешкину майку. И гофрированная алюминиевая доска, и руки мамы, и лешкина майка — все потонуло в мыльной пене, мягкой и искристой.

Наскоро поев, Кирилка подошел к окну и стал смотреть на море. Но все было серо: Байкал, небо и воздух, прошитый тысячью плотных водяных струй.

Кирилка спросил, скоро ли приедет Алешка. Мама помолчала и ответила, что недели через две «Нерпа» станет брать плоты в Ближней запани и тогда Алешка сможет бывать дома через два дня. Все это мама сказала устало и спокойно. Но вдруг, словно подтолкнул ее кто-то, рассердилась и закричала:

— А ну, голубчик, садись за уроки! А то я с тобой не так, как с ним, разделаюсь!

Кирилка разложил на столе тетради и принялся выдумывать фразы с глаголом второго спряжения.

Часу в четвертом, когда дождь поутих, на заборе показался Борька Климов в отцовском брезентовом плаще с капюшоном.

Борька кричал Кирилке, чтобы

шел к ним. Но Кирилка не любил ходить к Климовым. У Борьки была вредная мать. Едва покрутишь рычажок радиолы или дотронешься до нового пушистого ковра, сразу закричит: «Руки грязные!» Отец у Борьки — человек веселый и похожий на Борьку лицом, рыжий. Но дома он никогда не бывал, потому что работал засольщиком на рыбзаводе.

Отодвинув капюшон, Борька оседлал забор и закричал, что есть дельное предложение — начать новую игру под названием «теннис».

Кирилка, сбросив башмаки и подвернув штанишки, вышел во двор; побрел по теплой глянцевитой луже, гоняя ногами круги.

Ногой об ногу размазывая грязь, Кирилка сказал, что тоже отлично знает игру в теннис: видел ее в городе, когда ездил с мамой в гости к Николаю,— для игры этой много разного добра надо иметь.

— Пустяки,— отвечал Борька, вертясь на заборе в твердом своем плаще,— ракетки мы сделаем из фанеры, выпилим, мячик гуттаперчевый у меня есть. Чего еще? Сетка? Веревку натянем. Договоримся, ясное дело, чтобы под веревку не бить, как ударил — гол!

— Можно,— согласился Кирилка, поглядев в небо,— прояснит малость, подсохнет — попробуем.

С неба сыпалась тонкая водяная пыль, даже голову не намочило. Похоже было, что дождь выдохся, выливаются остаточки.

— Иди, побродим,— великодушно позвал Кирилка.— Знаешь, как полезно, грязью от ревматизма лечат.

— Мать заорет,— сказал Борька,— свяжись с ней... да у меня и ревматизма пока нет.

Вдруг дождь припустил, лужа запузырилась. Кирилка бросился к дому.

— Будь здоров! — закричал он, прыгая то на одной, то на другой ноге.

Борька тоже что-то закричал и скатился с забора.

7

С этого дня дождь зарядил на неделю. Маме пришлось сушить белье на сеновале.

В жизни Кирилки наступило затишье и невероятная скука. В природе же так все стало серо, так тягостно, словно земле было неотвратимо суждено размокнуть от дождей.

Кирилка однажды подумал, что в такую вот погоду, очевидно, и начался когда-то всемирный потоп, о котором он где-то слышал или читал. На всякий случай он соображал, на чем можно будет плавать, если снова получится что-нибудь вроде потопа. Для этой цели вполне подходила тяжелая наружная дверь (лишь снять ее с петель) или пустой курятник. В нем с прошлого года не было куриц, они подохли в один день, наевшись какой-то дряни на улице.

Однажды выглянуло солнце, но потом снова заморосило, и так, вперемежку, шло еще с неделю.

Как-то в дождь прибежал Алешка, веселый и мокрый. Мама усадила его за стол и стала расспрашивать:

— Ну, как там у тебя?

— Ничего.

— А как кормят?

— Ничего.

— Трудно тебе?

— Ничего.

— Хорошо к тебе относятся?

— Конечно, хорошо! — закричал Алешка. — Чего ты, мама!

— Учат?

— Конечно, учат!

— Ну, слава богу, — вздохнула мама. — Сколько платить будут, говорили?

— Не говорят, — сказал Алешка, — авансу триста дали. — Алешка полез в карман. — Вот! — сказал он и, вытаращив глаза от гордости, положил на стол деньги, завернутые в тряпицу. — Здесь двести, а на сто я куриц купил, вон там, под сараем, я их в мешке положил...

— Зачем же ты куриц покупал?

— Так, — сказал Алешка, — на Ключевой куры дешевые, все брали, и я взял.

Мама бросилась во двор, принесла в мокром мешке кудахчущих кур и стала выпускать их по одной в курятник.

— Хорошие? — спросил Алешка.

— Хорошие, — неуверенно ответила мама.

Она поднялась с коленок, лицо у нее было очень доброе.

Алешка сбросил сапоги и босой пробежался по дому, заглядывая во все углы, потом поспал. Проснувшись, первым делом подскочил к зеркалу, наглаживая ладошкой волосы: на макушке торчал вихор.

И вообще Лешка весь был торчащий: нос сильно задран и широк, пятачком, глаза же смешливы, и озорство в них, как золотистый гвоздок острием вперед.

Нагладив волосы, Алешка обулся, поплясал на месте, похлопывая себя по животу, сказал: «Пойду-ка я в клуб». И убежал.

Вернулся он заполночь. Мама ворочалась в постели, не спала. А наутро Алешка снова уплыл.

8

Едва началась хорошая, устойчивая погода, Борька с Кирилкой вспомнили про теннис. После уроков Кирилка говорил:

— Домой приду, маленько поем, так? Потом дров маме наколю, будем двор подметать, сделаем площадку поболе, широкую.

Когда же Борька пришел к Кирилке, тот сидел на завалинке невеселый.

— Чего ты? — спросил Борька. — Поел?

— Нет, — ответил Кирилка, — суп поставил варить... Плохо без мамы.

— Где же она?

— В город уехала... От Николая телеграмма пришла, у него жена в родильном...

— А, понятно,— кивнул Борька,— кто, мальчик или девочка?

— Не написали.
Борька предложил:
— Давай пока ракетки делать? Вот, гляди, мячик, хороший, крепкий.
Начали выпиливать из фанеры ракетки, рассуждая о всякой всячине.
— Лешка обещался взять меня с собой на катер, — говорил Кирилка,— на один рейсик. Не худо? Он бы на этот раз взял, да с ними начальник из Москвы в кожаном пальто поплыл на комбинат смотреть, толстый, как боров... Лешка сказал: «Еще заругается за посторонних».
— Балда все же ваш Лешка, — ответил Борька, — вот что я тебе скажу. Я бы и не поплыл с ним, он какое хошь коленце выкинет. Будет теперь матросом всю жизнь. Ну, подумай ты головой! Какая это специальность? Вон на баржи даже девчат матросами берут. Выучился бы уж на какого техника... Мне мать говорит: «Не вздумай, как Лешка Логинов, я тота,— говорит,— тебя сразу живого утоплю...» А мне такая дурость никогда в голову не взбредет.
— Иди ты к черту! — заорал Кирилка и стукнул ручкой пилы по завалинке. — Чего ты мне внушаешь про Лешку, мне, может, самому его жалко!.. А что ты сделаешь, если жизнь так складывается? Ничего ты не сделаешь. Может, он еще таким матросом станет, что его на океанский пароход возьмут!
— Ну, ладно, — сказал Борька, — мне-то какое дело... Гляди, — показал он на ворота, — ваша Галина на горизонте появилась.
— А, — посмотрел Кирилка, — Галина Алексеевна?
— Она у вас строгая?
— Не, ласковая.
— А ну, забалуйся у нее на уроке!
— Ну, это хоть до кого доведись, а так ласковая. Она мне вчера пятерку по арифметике поставила, — удивленно сказал Кирилка, — а почему, не знаю.
— А с места спрашивала?
— Было один раз.
— Вот с ходу и поставила.
— Давай теперь, — сказал Кирилка, — площадку немного подметем.
Но игра в этот день так и не состоялась. Только собрались расчищать площадку, в воротах показался Алешка.
Размахивая котомочкой, Алешка пел во все горло:

Обо мне все люди скажут:
Сердцем чист и не спесив.

Он был в новеньком брезентовой курточке, в резиновых сапогах.
— Видали, спецодежду выдали! — сказал он притихшим ребятам и, горланя песню, пошел в дом. Дома же он стал петь тише и тише, наконец, вышел на крыльцо и спросил, где мама.
Узнав, что мама уехала, Алешка обозлился и начал придираться к Кирилке:
— У тебя что в кастрюле варится?
— Суп.
— Ты так варишь, да? Может, там все перепрело?
— Не перепрело...
— Уроки ты сегодня учил? Чего молчишь? Ну-ка, покажи дневник!
— Ты кто такой? — чуть не плача, закричал Кирилка.— Дневник еще требует...

— Я тебе дам, кто такой! — предупредил Алешка, показав кулак. — А ты, рыжий, исчезни! — закричал Алешка на Борьку. — Сам, небось, все уроки уже выучил.
Борька в одну секунду забрался на забор и сказал оттуда:
— Ты не матрос, а настоящий барбос!
Кирилка, прижавшись плечом к забору, мрачно сопел.
Алешка продолжал шуметь. Он остался ночевать дома и, чувствуя себя хозяином, никуда вечером не пошел, покрикивал на Кирилку, заставлял учить уроки и убираться в доме.

9

Алешка, переночевав дома, предложил все же сходить на катере до Талой. Кирилка и не думал отказываться, закрыл дом на замок, за боровком попросил поглядеть соседку и был готов.
Отплыли на заре. Алешка снял с кнехта канат, как обезьяна, пробежал по краешку пристани и перекинул ногу через борт, когда пристань поплыла в сторону и между нею и катером показалась синяя чистая вода.
Тотчас старшина сказал Алешке:
— Принайтовить!
Не очень долго возясь, Алешка привязал к поручням на корме две железные бочки с бензином.
Старшина, пошевеливая сивыми усами, смотрел сначала, как он управляется. Затем, подойдя, молча стал развязывать. Алешка чесал затылок и смотрел в небо.
Вдвоем они бочки укрепили заново. Окончив же, Алешка вытащил откуда-то швабру и тряпку, ведро на веревочке, начал обливать и тереть палубу, все скрести, да чистить, да протирать соляркой.
Запахнув пальтишко, широко расставив ноги, Кирилка стоял на палубе. Стало ему невесело, а отчего,— не знал. Катер слегка покачивало, наверху развевался красный флажок.
На берегах раскинулся лиственный лесок; видно было, что он побурел и порыжел и скоро облетит.
Вдруг стало Кирилке все здесь казаться ненастоящим, временным, даже похожим на баловство — и сама поездка и алешкина работа на «Нерпе». Было это вроде игры, которую, правда, не запрещают пока, но и никак уж не одобряют. Косятся и помалкивают до времени. А про себя ведь все понимают, что Алешке же учиться надо. И чем это баловство кончится, никому не было известно.
Алешка в последний раз окатил палубу, перевернул ведро кверху донышком и сел на него, распевая свое «обо мне все люди скажут...»
— Леша, — спросил Кирилка, — почему они тебя одного все делать заставляют?
— Ты чего! — заорал Алешка.— У каждого свое же дело!..
Поплевывая за борт, он объяснил обязанности моториста, помощника моториста, штурвального Бояринцева, которого звали «дядя Федя Бояринцев».
Скоро показался на палубе и сам моторист Максим в черном комбинезоне, заправленном в сапоги. Он был ростом с Алешку, в плечах пошире, скуластый и краснощекий.
Зловеще улыбаясь, Максим вразвалочку подошел к Алешке.

Алешка сразу приподнялся, напружинился весь, словно они еще вчера договорились подраться, и тоже заулыбался. Тут, ни слова не говоря, начали они поталкивать друг друга и схватились бороться.
Топтались на месте, пока не вышел из рубки старшина и не закричал: «Ну-ну!» Алешка руки опустил, косял на него задиристые глаза.
Старшина, поглядев на часы, спустился в кубрик.
— «Последние известия» пошел слушать,— сказал Алешка с беспечным видом.
— Побаиваешься Головина? — хитро сказал Максим.
— Я-то? — угрожающе улыбнулся Алешка и легонько отпихнул Максима. Опять они стали толкаться, приговаривая:
— Постой-ка, постой!
— Так, так!
— Мы тебя выправим, выправим,— из стороны в сторону, как щенка, покидывая Алешку, весело повторял Максим,— ты, слыхать, первейший хулиган на Сосновом был... Ах ты, малявочка бесхвостая!
— Я тебе выправлю! — злился Алешка.
Взопрев от усталости, вдруг они уселись: Алешка — на ведре, Максим — на крышке люка, замолчали, тяжело дыша.
Кирилке стало весело. Максим спросил:
— Ты, Кирилл, не знаешь, отчего у Лешки нос кверху задран?
— Не,— смеясь, отвечал Кирилка.

— Шел Лешка по тротуару,— сказал Максим, неторопливо сворачивая папироску,— на один конец доски наступил, другим по носу ударило.
Алешка моментально вскочил, замахал кулаками, но из кубрика поднялся старшина. Алешка растерянно поднял ведро и зачем-то заглянул в середину.
— В Северной Корее снижены цены,— сказал старшина. Он постоял, придирчиво поглядел вокруг, говоря: — Почему ты, Логинов, приборку в кубрике не начинаешь?
— Сейчас,— ответил Алешка и сразу спустился в кубрик. Кирилка поплелся за ним, думая: «Головин вредный...»
— Леша, я помогать тебе буду? — спросил Кирилка.
— Хочешь, так помогай! — сердито сказал Алешка.
Вдвоем вытерли шваброй жилую палубу, выбросили в иллюминатор окурки из пепельниц, стерли пыль со стола, с коек. Койки опустили, а матрацы убрали в рундуки. Потом затопили плиту и поставили греться чайник и большую эмалированную кастрюлю с водой.
Когда взялись чистить картошку и рыбу, пришел Максим. Он забрал у Кирилки нож, пихнул плечом Алешку и стал ему помогать.
— Я пойду на палубу? — спросил Кирилка.— Можно?
— Иди, мне-то что,— сказал Алешка,— спрашивает еще...
По морю ходили небольшие

волны. За кормой вода пенилась, брызжа. По бурлящему следу, как конь на привязи, тянулась узкая лодочка,— поглядеть на нее, так кажется, скорость у катера бешеная.

Берег был далеко. На вершинах сизо-бурых гор лежал снег. В рубке у штурвала стоял дядя Федя Бояринцев, неподвижный и важный, как часовой. Рядом, дымя трубочкой, что-то наговаривал ему старшина и смеялся, ладошкой оттягивая ус.

Рядом с худым, высоким дядей Федей старшина казался настоящим коротышкой. Шерстяной свитер на его широкой груди натянулся; фуражка с малиновой звездочкой сдвинулась набочок.

Кирилка осторожно заглянул в открытую дверь рубки.

— Давай, заходи! — разрешил старшина.

Кирилка шагнул, поглядев сначала на морской компас, потом, исподлобья, на старшину.

— Охота плавать на катере?

— Совсем мне неохота,— строго сказал Кирилка.

— Отчего так?

— Полы-то мыть... Я вижу, Лешка наш совсем не разгибается.

— Ишь ты,— лениво сказал старшина.— Ты, небось, сразу командиром хочешь стать? Хитер. Я когда службу начинал, меня канат выжимать заставляли...

— Как? — спросил Кирилка.

— Очень просто, пеньковый канат из воды вытянут да скажут: «Выжимай!»

«Ври!» — подумал Кирилка. Старшина повернулся к Бояринцеву.

— Бери, Федор, левее, с той стороны зайдем.

Кирилка вскинул глаза — слева наплывала запань, забитая бревнами.

Дядя Федя нагнулся к переговорной трубке и негромко сказал:

— Малый!..

10

Теперь Кирилку поташнивало. Он лег на койку лицом вниз, тогда сделалось еще тошнее, закружилась голова. Кирилка вскочил на ноги и ухватился рукой за стойку, чтобы не упасть.

Катер бросало. Удары волн заглушали шум машины, стальной корпус гудел, и было похоже, что вот сейчас что-то треснет и развалится.

Наверху, за камбузом, загремела дверца, и в кубрик спустился дядя Федя Бояринцев, старый, седой, с провалившимися щеками, но чисто выбритый, глаза ясные, синие. Он осторожно отряхнул фуражку, закурил и сел, плотно расставив на столе локти. Сидел так, не двигая ни одним мускулом,— отдыхал.

Скоро показался Алешка. Он не успел захлопнуть дверцу, и в кубрик ворвался ветер, на лицо Кирилки брызнуло холодной водой; он стер капельки рукавом. Поборясь с ветром, Алешка захлопнул дверцу, закрепил ее на обе задрайки и скатился вниз.

— Весело? — спросил он.

— Тошнит,— жалобно сказал Кирилка и посмотрел на Бояринцева.

Бояринцев, положив голову на ладони, дремал.

— Мужик! — сказал Алешка и засмеялся, лукаво стрельнув глазами.

На минуту стихло вокруг, но сразу волна ударила спереди, и катер начал проваливаться, весь гудя. Затем его словно выперло куда-то вверх. Тут же он снова провалился.

Бояринцев поднял голову, прислушиваясь.

— Ложись, отдохни,— велел он Алешке.

Алешка сбросил мокрую брезентовку, опустил койку и полез наверх.

Кирилка не ложился: боялся, что мутить начнет. Бояринцев сидел, не двигаясь. Вдруг он широко зевнул, блеснув вставными зубами из нержавеющей стали, и усмехнулся Кирилке. Кирилка в ответ сморщил лицо, засмеяться не мог.

Алешка внезапно, как сумасшедший, сорвался с койки, в два прыжка поднялся по трапу и наклонился над умывальником.

Потом, когда, вытирая лицо, он присел рядом с Бояринцевым, Кирилка сказал, тараща глаза:

— А сам?.. Матрос еще!

— Ну и что? — сердито ответил Алешка.— С нами прошлый раз замминистра плыл, даже его рвало... так качнуло!

Спустя минуту к умывальнику помчался Кирилка.

Проходя через тесный камбуз, Бояринцев сказал, зевнув:

— Иди на палубу, легче станет.

Он открыл дверцу, одной рукой хватаясь за поручни, другой придерживая фуражку, прошел в рубку, где у штурвала стоял Головин. Кирилка слегка высунулся за Бояринцевым. Волны заливали корму.

Испугавшись, Кирилка видел гороподобные пенистые валы и серое, низко опущенное небо, все в клочьях. Ветер нес по воздуху полосы пены. Сильная волна хлестнула по катеру, обдала Кирилку, и в маленьком камбузе залила пол по щиколотку. Он закрыл дверцу и сразу схватился за крюк над плитой, на котором раскачивался чайник.

Внезапно что-то изменилось. Катер перестал дрожать, повернулся на месте, и стало его бросать как-то иначе. Ветер заревел со свистом. На ходу натягивая куртку, пробежал Алешка.

— Леша, что? — тоненьким голосом спросил Кирилка.

— Мотор заглох! — крикнул Алешка и выскочил на палубу.

Плечи у Кирилки подергивались. Рядом, топая сапожищами по железной палубе, кто-то пробежал туда и обратно. Кирилка ослабел. Спуститься вниз и лечь казалось бессмысленным: сразу бы пришлось возвращаться к умывальнику.

Кирилка, держась руками за крюк и за переборку, вроде дремал. Когда приподнимал ресницы, предметы перед ним уходили то вверх, то вниз. Когда же закрывал глаза, было легче.

Стоя, он задремал покрепче. В это время слышались удары волн, похожие на раскаты грома.

11

В том, что происходило на «Нерпе» в следующие часы, Кирилка никакого участия не принимал, угнетенный морской болезнью.

Но, впрочем, ничего из ряда вон выходящего и не случилось.

Было мórочно во все стороны. Обрывки свинцовых облаков летели низко над водой поперек курса, их гнал култук — ветер, занозистый и мрачный. Волны били в борт, двигались в корыте валы.

Хлестал дождь со снегом. Маленькая «Нерпа» ныряла и взбиралась на водяные бугры, черные и упругие. Скорость ее была ничтожной, потому что на буксире она вела огромный пучковый плот. Напряженная дрожь до клотика мачты пронизывала горячее тело «Нерпы», мотор каждую минуту честно отсчитывал полторы тысячи оборотов.

Когда мотор заглох, все собрались в машинном отделении. Максим пробовал заводить раз десять. Стартер бессильно подвывал. Тогда старшина приказал прекратить бесполезную заводку: он боялся вывести из строя аккумуляторы.

Наконец, гремя ключами, Максим сказал, что полетела шестерня распределения. Не дошли до Талой шесть километров.

Алешка, бледный, исподлобья глядел на старшину и ничего не понимал. Алешку тошнило.

— Смотри! — закричал старшина на Максима.— Заново осмотри!

Алешку послали на палубу следить за плотом. Он поднялся наверх.

Край неба стал черен. В брызгах, в пене, в снегу, тающем на лету, «Нерпу» болтало и кружило, креня то на правый, то на левый борт. Уцепившись за поручни, Алешка секунду последил за плотом. Стоять было холодно. Как черные букашки, пучки бревен прыгали с гребня на гребень. Буксир натянулся и ослаб, упал в воду. Тогда один пучок (казалось, рядом с кормой) поднялся высоко, выше катера. Алешка на мгновение закрыл глаза, ожидая удара, но сразу же открыл; передний пучок исчез, словно провалившись в бездну.

Мокрый снег хлестнул по щекам. Алешка еще поглядел на плот. В это время волной окатило Алешку, как из ушата. Он лязгнул зубами. И ему захотелось в кубрик.

Перед самым его носом раздался удар о борт и тотчас другой. Алешка растерялся и нырнул головой в машинное отделение, крича:

— Степан Степанович, лодку валом бьет!

Вчетвером, по колени в воде, едва-едва минут за десять они вытянули на палубу лодку; ее наполовину залило водой. Когда, укрепив лодочку, собрались на совет в рубке, Алешка вспомнил, что весной возле острова Ольхон затонул, перевернувшись, рыбацкий сейнер и его потом нигде не нашли, хотя искали его даже самолеты.

Но совета никакого не было.

— Впаялись мы в историю,— сказал старшина.— Мотор нам не наладить. Темнеет, гляди, видимость пропадает. Приходится отдать буксир. Плотом нас расшибет.

— Расшибет,— подтвердил Бояринцев.— Если плот не раскидает, найдем потом. Если раскидает — и так раскидает...

— Один уже расколошматило,— сказал Максим,— четвертый.

А катерок валяло и бортовой, и килевой качкой, и всеми качками на свете во все стороны.

Один пучок бревен прибило к борту. Катерок слегка стукнуло, он вильнул, и пучок затем на гребне вала отнесло вбок.

Все выскочили на палубу.

12

Когда мама вернулась из города, ей сказали, что «Нерпа» исчезла.

Слух пополз, но, как всегда, не было никакой возможности установить, кто первый сказал об этом, потому что слухи носят ветры.

С утра в этот день на поселок упал снег, в трубах засвистел ветер. Сила его достигла шести баллов, и весь снег унесло в море. Байкал после этого загрохотал; высокие волны, свирепея с каждым часом, обрушились на скалистый берег.

Ветер начал ослабевать через сутки. Днем в поселке установилась штилевая погода, выглянуло солнце, осветившее высокие лиственницы на склонах гор.

Весь этот день Анна Федосеевна Логинова провела в диспетчерской на пристани. На краешке скамьи у дверей, не меняя положения, она сидела много часов, сжав руки, ничего не говоря. Когда звонил телефон, она поднимала голову и смотрела на диспетчера. Отвечавший на звонки худенький старичок-диспетчер с большим кадыком на тонкой розовой шее не мог выносить ее взгляда, сутулился и словно сжимался весь. Но, повесив на рычаг телефонную трубку, он облегченно вздыхал.

— По другому вопросу звонили, Анна Федосеевна,— говорил он, вытирая со лба капельки пота.— Подождем...

В сумерки, поддерживаемая под руку толстой сторожихой с лесной биржи, Логинова пошла домой.

Потом, когда сторожиха возвратилась в диспетчерскую, пассажиры, сидевшие здесь на чемоданах и узлах в ожидании парохода, смогли удовлетворить свое любопытство.

Они узнали, что муж Логиновой погиб в первые месяцы Великой Отечественной войны, на руках у нее осталось восемь детей. Старшему было тринадцать лет.

— Чудо дивное, как семья никак поднималася, в труде и в горе...— рассказывала печальная, добрая сторожиха.— Анна Федосеевна на консервном работала укладчицей, зарплата малая, счастье, что ей оттуда, от профсоюзу, ежемесячную поддержку оказывали — углем, рыбой, ботиночками для ребят. Да еще пособие райсовет выдавал. А что ты на него в то время купил бы, на пособие, когда за булочку хлеба спекулянты на базаре двести рублей заламывали? Сама-то, бедная, в обтопках ходила, в телогрейке латанной-перелатанной, но на это уже не смотрела, во всем баба выход искала: за мерку картошечки на людей стирала по ночам, может, когда и не спала совсем. Ребята в школу ходили, потом, конечно, подросли... Старшой, Коля, в город собрался, ударился там по металлической части, сейчас он фрезеровщиком на заводе, на той неделе дочка у него родилась. В городе у нее и средняя дочь, Наталья, бухгалтером. А Катя, самая тихоня и аккуратистка, на пароходе буфетчицей плавает, вот как поплывете, вы ее увидите. Была еще Ленка... Эта отчаянная головушка сознательно на Дальний Восток укатила, чтобы матери полегче стало. С собой взяла гитару и пару белья, и никакого от нее известия не приходило с

Дальнего Востоку, кроме того, что щеки она себе обморозила... А сейчас живет очень хорошо, заведует детским садом, а муж у нее — мастер по бурению. Теперь кто же у них еще? Значит, еще у них Анатолий, в армии он, карточку прислал, танкист, и Костя в Ленинграде служит, начальником он там, вроде как бы по торговле. Двое, меньшенькие, здесь, при Анне Федосеевне... Теперь жизнь у них очень красиво складывается. За ребят за своих она орденом удостоена, и завидуют ей люди: говорят, какую семью выходила... Теперь они ей переводы шлют, телеграфом. А которые при ней, Алексей и Кирилка...— сказала сторожиха и не договорила.

Дверь отворилась, и вошла Логинова, на плечах ее повис деревенский суконный платок с кистями. Теперь все ее разглядели: крупная, медлительная, обута в мужские сапоги из кирзы. Казалась Логинова спокойной, только губы очень белы. Она тяжело оперлась о косяк, сразу, как вошла, поймала глазами диспетчера.

Старичок, нервно заворошив бумажки на столе, ответил глухо:

— Нету, Анна Федосеевна, нету пока известия.

Логинова медленно провела ладонью по лицу, сказав:

— Ты разреши мне, посижу здесь... не могу дома...

Она села на лавку и заплакала.

13

Кирилка же в это время ни о чем не думал: спал.

Пробуждение после минувшей беды всегда похоже на сказку. Кирилка же этого сразу не почувствовал: слишком долго он приходил в себя.

Ночью один раз Алешка выводил его на палубу. Все вокруг катера было черно. Кирилка стоял, пока не промок и не замерз.

Кирилка видел, как Алешка сшивал два черных одеяла, но зачем он это делает, не спрашивал, потому что в голове от качания был туман. Помнил Кирилка также, что в кубрик спустился старшина, тормошил спящего Алешку, крича ему:

— Лодку спустили!

Затем позже Кирилка пришел в себя от толчка в плечо.

— Вставай чай пить,— говорил над ним Бояринцев,— горячий чай, хороший.

Кирилка вскочил, ошалело поводил глазами, а Бояринцев протянул ему большую эмалированную кружку, говоря:

— Да не ставь ты на стол, расплескается, держи в руках, тебе говорят.

Кирилка сделал глоток, гортань приятно обожгло, и с жадностью выпил весь чай. Чай был сладкий.

Катер подбрасывало, однако не очень сильно. Кирилка испуганно подумал, что сейчас снова затошнит, но не тошнило. Болела голова.

— Есть хочешь? — спросил Бояринцев.

— Не хочу. Где Леша?

— Алексей? — ответил Бояринцев.— Ждем...

Но Кирилка не расслышал и не понял ответа. Лег, поджав колени к подбородку, и сразу задремал. Сон теперь был живительным и долгим. Проснулся он на этот раз часов через шесть и сразу почувствовал облегчение: болезнь ушла.

Рядом раздался глуховатый, с хрипотцой голос старшины Головина. Он говорил:

— Парусок из одеял натянули, нас заметней понесло к берегу. Матросика я подремать отпустил.— Старшина несколько раз чихнул и чертыхнулся.— Простыл насквозь, а спать охота до смерти...

Кирилка приподнялся на локте и сел. За столом пили чай старшина Головин и незнакомый человек в черном потрепанном кителе с масляными пятнами на рукавах. Каким чудом он попал сюда, этого Кирилка никак не мог сообразить.

Старшина подлил кипятку из чайника в кружку. Отпил небольшими глотками. Мутные, сонные глаза его закрывались сами собой. Он закурил, пустил дым через нос, объяснив: «Я таким образом насморк выгоняю...» Сразу он сердито похлопал ладонью по бумажкам, разложенным на столе, и сказал, чихнув:

— Накануне мне телеграмма была: на строительстве лес ждут. Я об этом помню каждую минуту. Сгоряча я было хотел облаять Максима крепко, да сдержался: какая же вина — металл отказал. Он мне две навигации безаварийную работу обеспечил. Значит, я отвлекся,— продолжал он.— В шесть, в седьмом замечаю: по очертаниям берегов придрейфовали как бы к станции Кедровой, отсюче от курса километров на двадцать. Но якорь не зацепливается. Потом якорь начало хватать. Подобрали метров двадцать цепи, еще приблизились к берегу, руководя парусом. Скоро опять стало хватать якорь, зацепились. Отдали остатки цепи и встали. Спустился я в кубрик растолкать Логинова. Посапывает, кулаком подперся... Говорю ему во весь голос, чтобы враз сон согнало: «Быстро вали с Максимом в лодку, добирайтесь до железнодорожного телеграфа, в порт звоните». Ветер и волнение уменьшились, а раньше-то мне их отправить было нельзя, их бы у берега захлестнуло...

Кирилка чувствовал, что катер движется, но кругом было тихо, мотор молчал,— это казалось удивительным. Он внезапно стал понимать, что Алешка, очевидно, погиб. Соображение это вдруг испугало Кирилку страшно.

— Где же наш Лешка? — закричал Кирилка.

— Наверху погляди,— сказал старшина.

Кирилка, не дослушав, пулей выскочил на палубу. Прежде всего он увидел солнце и бирюзовую воду, всю в блестках. Далеко впереди шел двухмоторный морской буксир и на длинном тросе тащил за собой «Нерпу». Над буксиром развевался красный флажок.

Алешка сидел рядом с Максимом на корме и плевал в воду. Лицо у Алешки было грязное, немытое, под глазами черно, непокрытые волосы скатались и прилипли ко лбу.

«Бедный наш Лешка»,— подумал Кирилка. Он подошел ближе, Максим и Алешка сидели молча. Кирилка ждал, когда они заговорят, чтобы расспросить, каким образом они добирались до железнодорожного телеграфа. Но оба они — плечо к плечу — молчали, серьезные и печальные. И Кирилка не решился нарушить молчание.

Впереди катера над самой водой пронеслись чайки, широко размахивая крыльями. Сощурив глаза, Максим сказал:

— В сторону Соснового полетели.

Кирилка живо повернулся и стал глядеть вперед.

14

Утром, когда Алешка собирался на катер, мама надела новое пальто и подошла к зеркалу.

— Ну, ребята, нравится? — спросила она.

— Откуда оно у тебя? — в один голос закричали Кирилка и Алешка.

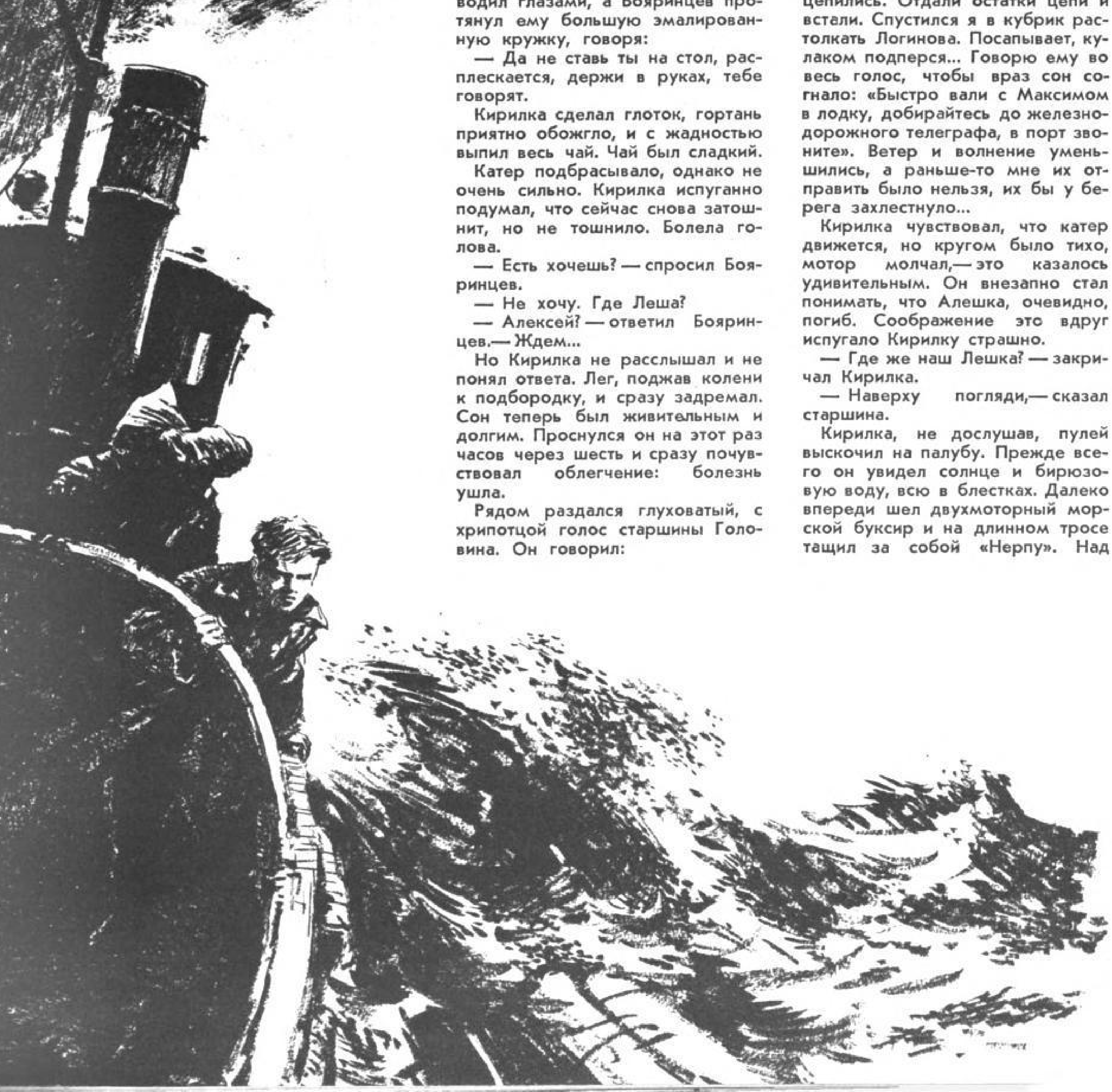
— Заработала, ребята,— ответила мама и тихо улыбнулась. Она погладила рукава, любуясь материей. Затем сняла пальто и аккуратно повесила на плечики, рассказывая: — В город я прикатила, собрались все вместе у Николая, Наталья пришла с мужем и Катя как раз подъехала... собрались... Катя говорит: «Довольно нашей маме в какой-то курмушке ходить. Давайте купим ей вскладчину пальто, я от себя двести даю». Наталья говорит: «Я тоже двести». Катя заспорила. «Я,— говорит,— одинокая, а вы вдвоем с мужем работаете, давайте триста». Тут Николай возьмись ее подзадоривать: «Правильно, Катерина! Чтой-то она скупится, мы с женой сегодня же снимем с книжки триста и дадим маме...» Я стала смеяться над ними, говорю: «Да что вы, ребята, вам же самим надо...» Они мне говорить не позволили, деньги собрали, на другой день я пальто выбрала да еще семьдесят рублей сэкономила. Тебе, Кирилл, новую шапку к зиме купила. Вот, погляди,— мама достала из сундука новенькую ушанку с цигейковым мехом.

Кирилка немедленно натянул шапку на голову. Алешка, собравшись уходить, стоял в дверях молчаливый.

— Ты не обижайся, Алексей,— вздохнула мама,— тебе я ничего не купила.

— Да что ты в самом-то деле! — сказал Алешка, отворачиваясь.— Я еще вот сам тебе куплю. Куплю тебе шерстяную кофточку... Я видел в магазине, будь здоров! Ну, я пошел,— заявил он, но с места не тронулся, стоял, ковырял в дверной щели пальцем.

— Вам, ребята, приветы от всех,— сказала мама, отбирая у Кирилки шапку и кладя ее в сундук.— Николай в гости звал... Тебе, Алексей, он наказывал насчет учебы: если, говорит, все же захочет учиться, пусть приезжает, устрою в школу взрослых и на работу устрою при заводе... Техникум у них же при заводе есть.

Алешка помолчал, потом сказал:

— Очень мне нужен его техникум! Ну, я пошел, а то Степан Степанович заругается.

Он быстро сбежал по ступенькам крыльца, а на улице сразу запел.

Мама покачала головой.

— Ты, Кирилл, в школу не опоздаешь? — спросила она.

— Я уже пошел,— сказал Кирилка.

В школе было как в школе: те же уроки, та же беготня на переменах. Но после уроков собрались купаться на старицу,— там теплая вода.

Кирилка с Борькой побежали, размахивая портфельчиками, но возле пристани натолкнулись на кирилкину маму. Кирилка сразу все понял: мама провожала Алешку. Вернее, она стояла одна в стороне и глядела на суетню возле «Нерпы». Утром еще Кирилка не знал, что Алешка так скоро поплывет. Это было неожиданно.

— Постой! — сказал Кирилка Борьке.— Поглядим.

На палубе, вытирая руки тряпкой, стоял тот самый мужчина в замасленном кителе, которого Кирилка впервые увидел в кубрике «Нерпы». Он оказался механиком, присланным из порта для ремонта мотора. Алешка носился вокруг, заканчивая приборку.

На минуту показался из машинного отделения Максим, и они успели с Алешкой немножечко потолкать друг друга. Затем Алешка, схватив пустой мешок, прыгнул на пристань и помчался в орсовский магазинчик напротив.

Откуда-то появился старшина Головин в кожаной курточке и прихрамывающий на одну ногу длинный, тощий начальник запани. Они остановились, хромой говорил:

— Плот вам приготовлен. Сегодня опять телеграмма была. Надо аккуратно довести. Отведете и отправитесь тот искать, который бросили.

— Не бросили, а судно спасали,— хмурясь, ответил Головин.

— Правильно, это ясно,— закивал хромоногий.

— Сказано, значит, сказано,— оборвал его старшина, рассердившись,— пойдем искать. Если раскидало его весь, не ручаюсь. А такелаж найдем, где-нибудь на бревнах плавает.

Старшина поднялся на палубу «Нерпы».

— Где Логинов? — спросил он.

— Продукты забирает,— ответил кто-то.

Старшина увидел маму, и лицо его подобрело, он вернулся на пристань.

— Извиняйте, Анна Федосеевна, ой, извиняйте, дорогая моя! — сказал он, подходя.— Поговорить бы надо, и есть о чем, да время вышло.

— Понятно,— улыбаясь, отвечала мама,— служба... что ж, в другой раз, Степан Степанович.

После этого они молча пожали друг другу руки. И старшина сказал, покашляв:

— На ремонт, значит, на зиму, я его в мастерские переведу. К весне он четвертый слесарный разряд заимеет, на земле это не валяется. Но еще потолкуем...

Пробежал Алешка с наполовину набитым мешком за плечами. Через несколько минут катер тихо, незаметно начал отваливать. Никто не смотрел на него, потому что явление это обычное: каждый день в поселок приходили и уходили из поселка десятки разных суденышек. Но смотрела мама, и смотрел Кирилка. Может быть, одним глазом смотрел Борька Климов, другой его глаз давно уже косил в сторону старицы.

Мама смотрела внимательно, спокойно, два раза махнула рукой, но сразу, застеснявшись, руку опустила. Кирилка стоял, вспоминая позапрошлую ночь и поэтому чуть тревожась за Алешку. Началось штормовое время, и лучше бы, конечно, Алешке не плавать сейчас. Но никто, разумеется, рейс отложить не мог. Дело было очень важное. Это Кирилка понимал. И это, очевидно, понимала мама. Смешно было бы откладывать строительство комбината до тех пор, когда Байкал станет тихим и гладким, как стеклышко. Да, все было просто и очень понятно и все-таки чуть тревожно.

Алешка, возясь с чем-то на корме «Нерпы», уже орал какую-то песню. Потом он повернулся и, выделывая фокусы руками, смеялся во весь рот.

Вообще Алешка был веселым человеком, он плевал на разные там опасности и забывал о них сразу, едва они проходили.

Катер был теперь далеко. Из рубки вышел старшина и говорил что-то Алешке. Старшина Головин, конечно, тоже ничего на свете не боялся. Он-то на своем веку встречал немало бед.

— Знаешь, Борька,— сказал вдруг Кирилка,— вот из нашего Лешки вышел бы настоящий летчик, это факт! — И в эту минуту Кирилка, сам не ожидая, почувствовал маленькую гордость за Алешку, подумав, что, несмотря на всю борькину пренебрежительность, Алешка теперь занимается серьезным делом и даже мама, кажется, потихоньку уважает его.

— Вот так додумался ты! — возмутился Борька.— Да он же недисциплинированный, ваш Лешка. Он сразу машину разобьет и сам всмятку.

— Не сразу,— сказал, подумав, Кирилка,— сначала бы ему внушили, приучили бы маленько... Ну, пусть бы даже всыпанули для начала несколько раз...

— Слушай! — заорал Борька.— Я ждать не буду! Ты идешь или нет?

— Да что же ты спрашиваешь? Конечно, иду,— отвечал Кирилка.— И что же мы стоим? Побежали!

Катер был теперь совсем далеко и постепенно превратился в маленькую черную точку.

Зимнее

Леонид ХАУСТОВ

Пушкинские горы

По главной улице влетев,
Взметая снежную обновку,
Автобус «Остров — Новоржев»
Внезапно сделал остановку.

Какая легкая зима!
Какое солнце молодое!
На гребнях белых волн дома
В своем причудливом покое.

Из чайной два бородача
Идут, беседуя степенно.
С широкой ленты кумача
Глядит призыв антивоенный.

И чье-то — надо же с утра! —
Мне счастье перешло дорогу:
На коромысле два ведра
И валенки на босу ногу.

Прошел с поклоном старичок,
Синея, вьется дым из трубки,
И пламенеют горячо
Романовские полушубки.

На нескончаемую ширь
Смотрю с отвесного откоса,
Где Святогорский монастырь,
Весь белый, в синеву вознесся.

Смотрю на речки синий лед,
На снега чистое блистанье,
И мне покоя не дает
Какое-то воспоминанье.

И я себя на том ловлю,
Что это все я видел где-то,
Что это все давно люблю,
Лишь вспомнил только что об этом.

Но так и не раскрыв секрет,
Влезаю я в автобус тесный,
И вдруг приходит, как ответ:
«Мороз и солнце; день чудесный!»

Подруги

Жар от печки, а утром холод —
Все тут делится пополам.
Радж Капур, что к стене приколот,
Чей он! — даже не знает сам.

Все тут с шуточкой: дров добавить,
Мыть посуду, варить компот
И на восемь будильник ставить —
Только лежа, чудак, идет!

А когда по ночам ненастье
Белой лапою бьет в окно,
Ах, как думается о счастье,
Будто рядом уже оно!

А оно, может, в небе кружит
Или ходит по кораблю,
Может, так же вот с кем-то дружит,
Не сказав своего «люблю».

Крепко схваченная зазимком
Даль открытая хороша...
Где-то в Вологде спят в обнимку
Две подружки — одна душа.

Богатырь

Стесняясь за коньки простые,
Он приходил на стадион.
Ему ребята озорные
Кричали: «Горе-чемпион!»

По виду вроде и неловкий,
Он от насмешек не страдал,
Имел двойные тренировки
И по три ужина съедал.

Еще не ясно, что бы вышло,—
Был график, словно утро, сер,—
Когда б она на круг не вышла
И не взяла секундомер.

Он в эти памятные зимы
Ей ничего не обещал,
Но счет секунд неумолимых
Еженедельно сокращал.

И вот орущими рядами,
Как бы сходящими с ума,
Встречала свежими цветами
Его швейцарская зима.

И взгляд одних людей лучился,
Других был каменно-тяжел,
И с кем-то обморок случился,
Когда он шведа обошел.

И все, чем жил он, все сгустилось
В одном неистовом рывке,
Что в «Правде» скромно поместилось
В одной-единственной строке.

„Ваша жизнь продается"

Уильям Ричардсон — американец. В годы войны он редактировал американский армейский журнал «Янк». Работал также военным корреспондентом при штабе главнокомандующего союзными войсками в Европе генерала Эйзенхауэра. Большой интерес представляет его статья, появившаяся в январском номере лондонского еженедельника «Пикчюр пост» под заголовком «Ваша жизнь продается». Статья развертывает перед читателями картину той самой «личной свободы» в США, которую восхваляет, в частности, «Вашингтонская хартия» Эйзенхауэра — Идена.

* * *

Поводом для статьи Уильяма Ричардсона послужила идущая на экранах Англии новая американская кинокартина «Держите вора!». Одна из героинь фильма, богатая американка, говорит, обращаясь к молодому человеку: «Вы слишком симпатичны, чтобы я могла вам верить. Я обязательно прикажу, чтобы вас расследовали». Ричардсон вспоминает, что в Нью-Йорке зрители встретили эту реплику, прозвучавшую с экрана, нервным и немного смущенным смехом: они знали, что это не выдумка сценариста, а нечто весьма близкое к жизни. «Установлено, как абсолютный и никем не скрываемый факт,— поясняет Ричардсон,— что каждый второй американец так или иначе становится объектом «расследования» при помощи сыска: прямо, косвенно, иногда добровольно, а больше — поневоле, иногда с его ведома, а часто — и без ведома... Ни один американец не может быть избавлен от того, чтобы в его жизнь не вторглась слежка, будь этот американец служащим крупнейшего треста или мелким бакалейщиком, знаменитым киноактером или поваром».

Ричардсон приводит ошеломляющую цифру. Она намного превосходит ту, которая была названа в свое время журналом «Форчюн» (20 миллионов человек, официально подвергшихся «проверке лояльности»). Автор статьи в «Пикчюр пост» утверждает, что если принять во внимание «расследования», выполняемые детективами частного сыска, то налицо секретные досье, составленные не меньше чем на 60 миллионов американцев. Армия же детективов, используемых только в частном сыскном «бизнесе», достигает более полутораста тысяч человек.

Молодой врач из западного штата приехал в Нью-Йорк и там влюбился в девушку. Отец отказался выдать за него дочь. «У вас плохое прошлое,— заявил он незадачливому жениху.— Вас исключили из университета за игру на скачках. Примерно тогда же вы не уплатили за костюм, купленный вами в магазине готового платья. Вас привлекали как виновника автомобильной катастрофы в Де-Мойне в 1953 году. На следующий год вашу мебель описали за просрочку очередного взноса». На вопрос ошеломленного молодого человека, откуда взялся этот список полузабытых фактов, отец невесты самодовольно ответил: «Это стоило всего пять долларов». Сведения были получены в одном из полутора тысяч сыскных агентств, разбросанных по всей территории Соединенных Штатов.

«Крупный правительственный чиновник,— пишет Уильям Ричардсон,— сказал мне, что годовой расход на всякого рода «расследования» составляет круглую сумму в два с половиной миллиарда долларов. На эти деньги можно было бы сделать процветающей экономику любого отсталого района мира».

Каков самый распространенный способ политической и бытовой слежки за гражданином США? Подслушивание частных телефонных разговоров, отвечает Ричардсон. Этот метод официально узаконен в некоторых штатах. «Один нью-йоркский судья недавно заявил мне,— рассказывает Ричардсон,— что в этой практике нет ничего противоречащего закону: не можете же вы помешать людям собирать нужную им информацию!»

Кто подслушивает? В статье дан обширный перечень: «чиновники учреждений, служащие контор, банков, детективы бракоразводных бюро, администраторы отелей, игорных домов». Многие крупнейшие банки и корпорации, продолжает автор, официально признают, что специально выделенные служащие подслушивают десятки и сотни телефонных разговоров. Цель — неусыпно следить за «производительностью труда», за «лояльностью» и «моральным состоянием» рабочих и служащих. Одна из крупнейших транспортных авиакомпаний США установила аппарат... в мужской уборной своей главной конторы для подслушивания разговоров своих сотрудников. Ричардсон приводит и такой случай: было применено подслушивание разговоров, как он выражается, «одной из выдающихся женщин Америки» — мисс Клэр Люс, нынешнего посла США в Риме. Ее квартира и личная жизнь «освещались» в течение двух месяцев, прежде чем она получила назначение на этот высокий дипломатический пост...

Уильям Ричардсон замечает не без горечи, что по иронии судьбы мания всеобщего сыска и доносительства фантастически разрослась после того, как американцам был подан пример в виде многочисленных «расследований», которыми занимались специальные комиссии конгресса и Верховный суд. «Нет, не сказочного волка, стерегущего у двери, боится американец, а «расследователя»,— заключает Ричардсон.— Вот почему он так нервно смеялся, услышав реплику в картине «Держи вора!».

Слежка за американцами имеет свою технику в самом прямом смысле этого слова. Ричардсон считает, что нынешняя телефонная техника «расследований» личной жизни американцев стареет с каждым днем. «Гитлер и Гиммлер перевернулись бы от зависти в могилах,— говорит автор статьи,— если бы увидели, какой прогресс проделал автоматический сыск после войны». На помощь правительственному и частному детективу приходит телевидение. Частные разговоры американцев — за письменным столом в учреждении, у станка на заводе, в гостиной собственного дома — могут быть не только услышаны, но и «увидены» дежурным детективом на расстоянии двух или трех миль. Для этого служат тайные передатчики и приемники, размером часто не превышающие сигарную или даже спичечную коробку. Их можно поместить за картиной, висящей у вас на стене, либо за зеркалом, вделать в потолок или стены помещения, даже спрятать в вашем диване. Эти миниатюрные аппараты выпускаются на рынок по цене от 300—400 до нескольких тысяч долларов. Более ста таких аппаратов уже установлено в Нью-Йорке. Одна из нью-йоркских «звезд», Анна Корно, узнав, что ее частную жизнь много месяцев «изучали» с помощью телевизионных аппаратов, воскликнула: «Теперь у меня такое чувство, словно я ежедневно купалась в прозрачной стеклянной ванне». Широко используют «новую технику» и «боссы» обеих политических партий для собирания всяких скандальных данных о своих политических противниках.

«Целые горы фактов, подобных приведенным, собраны юристами и другими специалистами»,— заключает Уильям Ричардсон. Американский профессор, специально изучавший методы слежки за американцами, признался автору статьи: «Если говорить чистую правду, у нас в Америке аппарат «расследований», имеющий своим объектом частную жизнь американцев,— самый всепроникающий и разветвленный во всем мире».

Профессор сделал при этом попытку оправдать это явление разного рода причинами, которые обусловлены особенностями истории США: широким развитием банковского и иного кредита, что вызывало-де необходимость выяснять «всеми доступными путями» кредитоспособность клиента или конкурента; распространением гангстерства, для борьбы с которым потребовалась «широкая сыскная сеть»; и, наконец, как полагает профессор, война тоже принесла с собой «некоторые потребности в расследованиях в интересах безопасности». Впрочем, свой оправдательный исторический экскурс профессор заключил неожиданно грустным аккордом: «Вы сами видите, однако, что получается, когда лихорадка расследований овладевает такими людьми, как Маккарти!»

Менее «ученую», но зато более жизненную картину нарисовал Уильяму Ричардсону один старомодный частный детектив, ныне стоящий во главе крупного сыскного бюро в Нью-Йорке. «Скажу по совести,— заявил он,— несколько десятков лет тому назад попытка использовать против когонибудь частные слухи или сплетню грозила нашему брату большими неприятностями. Теперь люди как-то переменились. Им привита эта привычка перемывать косточки ближнему. Ну, а если они отказываются выложить то, что нам нужно, достаточно шепнуть слово «коммунист» о человеке, которого вы «расследуете»,— и сразу языки развязываются».

Ричардсон подтверждает, что предметом общенациональной слежки все более становится в наши дни не финансовое положение и кредитоспособность американца, а «моральный облик» американца, а заодно и его «политические связи».

В конце статьи Уильям Ричардсон характеризует описанную им систему универсального вторжения сыска в жизнь американцев: «Это — то, что один выдающийся американский юрист назвал моральным, политическим и психологическим Дюнкерком для демократии».

Таков написанный американским публицистом Уильямом Ричардсоном полезный фактический комментарий к одному из основных тезисов «Вашингтонской хартии» — о «свободе личности» в капиталистическом обществе.

Л. ВЕТРОВ

А. П. Рябушкин (1861—1904). ПИР БОГАТЫРЕЙ. 1888 год.

Ростовский областной музей изобразительных искусств

«Огонек». 1956.

А. С. Степанов (1858—1923). ЛОСЬ И ЛАЙКИ. **Ростовский областной музей изобразительных искусств**

И. И. Левитан (1861—1900). ОСЕНЬ. Ростовский областной музей изобразительных искус

П. И. Петровичев (1874—1947). ВЕСЕННЯЯ ОТТЕПЕЛЬ В ДЕРЕВНЕ. 1913—1914 годы. Ростовский областной музей изобразительных искус

К. А. Коровин [1861—1939]. РОЗЫ. 1916 год.

Ростовский областной музей изобразительных искусств

Из фондов музея в Ростове-на-Дону

Левитан, Коровин, Степанов, Рябушкин, Петровичев — художники одного поколения, одной школы — тесно были связаны с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества. И вместе с тем это разные по характеру творчества живописцы, у каждого неповторимо своеобразный художественный почерк, своя индивидуальная манера письма. Публикуемые произведения этих художников — из собрания Ростовского областного музея изобразительных искусств.

К числу самых любимых русским народом художников принадлежит И. И. Левитан — певец русского пейзажа. Художник-поэт глубоко чувствовал бесконечную красоту окружающей природы и как никто другой умел передать ее в своих произведениях. Вот один из любимых Левитаном мотивов — «Осень». Легкие березки, тоненькие и стройные, необозримые дали, синее небо, на фоне которого золотом переливаются пожелтевшие листья. Чист и легок прозрачный воздух.

Узами тесной дружбы связан был с Левитаном художник А. С. Степанов. Он нежно любил русскую природу, в его пейзажах тонкий лиризм, мягкая задушевность.

А. С. Степанов известен не только как пейзажист и жанрист. Он мастерски изображал животных, любовно писал охотничьи сцены. Длительное время он руководил мастерской по изучению животных при Московском училище живописи, сам был страстным охотником.

О Степанове так говорил М. В. Нестеров:

«И. И. Прянишников и В. Г. Перов — страстные охотники тургеневского типа — учили и Алексея Степановича любить охоту не только как спорт, меньше того, как бесцельное хищничество, сколько то, что в предрассветные часы «тяги» совершается в природе,— они учили любить поэзию охоты».

Одним из блестящих образцов такого рода картин является полотно Степанова «Лось и лайки». Художнику удалось необычайно верно передать выразительный образ красивого, обезумевшего от испуга зверя.

Цвет — вот чем страстно увлечен К. А. Коровин, талантливый живописец и художник-декоратор, оформивший много дореволюционных спектаклей Большого театра, частной оперы С. И. Мамонтова, Мариинского театра. Богатство и тонкость колорита, свежесть красок отличают творчество К. Коровина. Может, поэтому он так любил писать розы — благодарный материал для живописца.

А. П. Рябушкин — мастер исторической картины. Уже в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, куда он поступил в 1875 году, определилась эта его склонность и к бытовому сюжету и к изображению истории русского народа. Среди преподавателей в училище был известный русский историк В. О. Ключевский, который дал ученикам глубокие и серьезные познания в этой области.

«Пир богатырей у ласкового князя Владимира» — так полностью раньше называлась картина, написанная очень быстро. Но, тем не менее, в ней чувствуется многое из того, чем отмечено творчество художника: любовь к прошлому своего народа, к его национальному быту. Как и всегда, у Рябушкина герои картины — степенные, спокойные, осанистые. Это как бы беглый рассказ художника о людях, которых он изображает, о деталях обстановки, обо всем том, что он великолепно знает.

Пейзажи П. И. Петровичева лиричны, приятны по цвету. Теплым поэтическим чувством овеяна его картина «Весенняя оттепель в деревне»: снег еще не стаял, но все вокруг уже полно ожидания весны.

Петровичев является одним из тех старейших художников, которые бережно пронесли лучшие заветы замечательных русских пейзажистов в советскую живопись. В этом значение его творчества.

А. АБРАМОВА

ДЕТИ БУХТЫ ИЛЬИЧА

И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

Новый поселок в Баку, в бухте имени Ильича, вырастал у подножия горы вместе с лесом нефтяных вышек. Тут же, на месте старой мастерской, поднялись корпуса судоремонтного завода имени Вано Стуруа, позже ставшего и судостроительным. На воду стали сходить многосильные буксиры и большие грузовые баржи, исчезая в далекой сизой дымке Каспия.

Жить под горой становилось тесно. Новые дома поднимались по склону все выше, пока наконец не дошли до самого верха.

Семь домов сомкнули круг на горной террасе, образовав большой общий двор. И не успели люди внести свой домашний скарб в квартиры, как на дворе зашумела, закружилась красногалстучная, разноязыкая детвора.

То были будущие хозяева бухты Ильича, о них у входа во двор чья-то рука крупными буквами написала слова:

«...пионеры это — смена, это — резерв, это — законнейшие наследники всего, что сделано и делается» (Горький).

И та же рука разбросала по стенам веселые сюжеты из детских сказок, колонки стихов. Во дворе на зависть всем другим дворам поднялась высокая, белая, настоящая корабельная мачта. И появилось расписание режима дня — от поднятия флага до его спуска.

Здесь возник свой пионерский лагерь со всеми его атрибутами, созданный для детей натруженными руками их родителей.

В поселке всякий скажет: на стенах рисовал отец Генки Левкина Алексей Федорович, художник-любитель, по должности мастер заводского ОТК. А помогал ему корабельный маляр Николай Дригалов. И детские стулья и столы тоже никто не покупал в магазине. Родители-конструкторы подготовили чертежи, котельщики сделали трубы, сварили металлические детали, передав все это родителям-плотникам. Эти уже довели дело до конца: соорудили и большую беседку, и лодки-качели, и горки для малышей. На воскресниках очистили двор от строительного мусора, покрыли дорожки асфальтом, вместе с ребятами насадили саженцы деревьев. Хорошо стало жить детям на горе!

А с некоторых пор Владимир Трофимович Барышников, председатель завкома, стал время от времени заглядывать в обширное полуподвальное помещение одного из домов, пока пустовавшее. Измерив его площадь, прикидывал, сколько потребуется денег и материалов, чтобы привести все это в нужный вид. Тут одним лишь энтузиазмом родителей не обойдешься!

Когда подошла осень, лагерь закрыли. В разработке плана Барышникова теперь уже участвовала и школа № 163, в которой учатся дети рабочих Судостроительного завода имени Вано Стуруа.

Однажды директор завода Ибрагим Мухтарович Асадов был приглашен в поселок. Здесь его окружили члены заводского комитета, педагоги.

— На дворе уже холодно,— говорили они.— Ребятам после школы некуда деваться. Они привыкли за лето к организованности, к совместным играм и занятиям. Девочки, например, интересуются рукоделием, и пионервожатая школы Людмила Туркова берется их учить. Мальчики хотят выпиливать по дереву. Есть и знаток этого дела, ученик десятого класса Шура Чепенко, он может создать кружок «Умелые руки». Дети мечтают о своей фотолаборатории в поселке. Но где все организовать? Наконец, это же дети судостроителей. Должны они знать, как строятся корабли, или нет?

— Чем может помочь дирекция? — спросил Асадов.

— Перегородить помещение, чтоб вышло четыре комнаты, сделать окна, оштукатурить и покрасить стены, потолок, настелить пол...

Детский клуб в поселке имени Вано Стуруа решили открыть к октябрьским праздникам. Женщины пошили скатерти и занавеси, инструмент и материалы кружковцам дал завод, завком купил настольные игры, школа передала библиотечку. Плотник Михаил Макаров взялся изготовить для ре-

Миша Бондаренко рассказывает сверстникам о будущем своем корабле.

В кружке «Умелые руки». Слева направо: Валерий Жижин, Дима Оленин и Володя Татевосян.

Скоро весна.

бят верстаки. Дворник тетя Сима сказала:

— Буду убирать клуб без всякой платы, потому что это — дело доброе. Для детей наших польза.

...9 часов утра. Олимпиада Ильинична Маслова, общественный директор клуба, торопливо перебегает двор. Сейчас в клуб придут педагоги, они помогают тем, кто хочет готовить уроки под их наблюдением. До 12 часов в клубе тихие, учебные часы. А затем клубом завладеет детвора, чтобы поиграть в настольные игры, почитать интересную книжку. Олимпиаду Ильиничну среди дня подменяют другие домохозяйки. Разве откажется Сугра Исмайлова, у которой семеро ребят, подежурить в клубе, созданном для ее же детей?

Да и кто из родителей остался бы равнодушным к этому начинанию? И мы думаем и надеемся: немало отцов и матерей теперь охотно используют опыт бакинцев.

Вечером наступают самые горячие часы. В фотолаборатории зажигается красный свет. «Умелые руки» работают по очереди с рукодельницами. Больше всего детей в судомодельном кружке. С ними занимается заведующий заводским складом Николай Варфоломеевич Квасинский, в прошлом мореход, энтузиаст заводской организации ДОСААФ. Для юных судостроителей техник-конструктор Мамед Мамедович Алиев изготовил между делом чертеж моторчика. Модель корабля может быть спущена на воду!

В кружке есть один малыш, которого руководитель подчеркнуто величает Михаилом Петровичем. История такова. Сын заводского котельщика Миша Бондаренко долго просился в модельный кружок, но его не принимали: мал. Мальчик горько переживал свое малолетство, и вот однажды в клуб пришла целая делегация.

— Сделай исключение, Николай Варфоломеевич, прими мальца,— попросил член завкома Николай Маслов.

— Хорошо,— сказал Квасинский Михаилу Бондаренко,— приму, но только с условием: не срываться! Постараешься — будем звать тебя Михаилом Петровичем, станешь шалить — прогоню.

Будущий корабельный мастер тянется изо всех сил. Счастливый и гордый ходит он среди своих сверстников во дворе, показывает им, как надо измерять правильность торца, размечать шпангоуты.

Дети заняли большое место в жизни бакинских судостроителей. Часто в завкоме после рабочего дня нет-нет, да и завязывается разговор активистов о детском клубе, о будущей смене. Родителей радует любовь и уважение детворы к их профессии. Да и может ли быть иначе, если с завоеванной детьми горы открываются глазам заводские стапели, где то и дело спускают на воду корабли! Возрожденный или новый корабль постоит немного у бухты, даст прощальные сигналы и исчезнет в далекой дымке моря. А за ним летят детские мечты.

Геннадий Левкин спускает модель на воду.

СЕМЬЯ, ГДЕ ВСЕ—ПИСАТЕЛИ

Испанские писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон со своей дочерью Аитаной.

Фото Я. Рюмкина.

По заснеженным улицам Москвы медленно идут двое: красивая женщина с полными света глазами и седой, небольшого роста мужчина.

Охваченные волнением, они не сразу замечают обращенные к ним приветливые улыбки прохожих. Их узнали. Вот высокий человек в черной каракулевой шапке быстро прошел мимо, потом обернулся и негромко сказал: «Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон!»

Да, это они!

Рафаэль Альберти — один из самых крупных поэтов, пишущих на испанском языке. В 1949—1950 годах все страны Латинской Америки и Испанию облетели его «Строфы Хуана Панадеро» — Хуана Булочника. В них поэт от имени простых людей, от имени всех хуанов обрушился на врагов, готовящих новую войну:

Одним словом, мир,
истинный мир,
мир, поднимающийся с зарею
и не умирающий в ночи...
Этого требует Хуан Панадеро.

Верный сын своего народа, Рафаэль Альберти принимает активное участие в его борьбе. Во время испанских событий 1936 года Альберти — один из организаторов альянса антифашистской интеллигенции. Под его редакцией выходит фронтовой журнал «Моно асуль». Вместе с созданной им «Театральной бригадой» он объезжает фронты. В дни ожесточенных бомбардировок Мадрида он и его жена — талантливая писательница Мария Тереса Леон — организуют эвакуацию культурных сокровищ. И в то же время поэт создает замечательные героические и сатирические стихи, многие из которых стали народными песнями. В сороковых годах, уже находясь в Аргентине, Альберти становится одним из руководителей испанцев— сторонников мира, принимает участие в работе Конгресса в защиту мира.

Его соратник и друг Мария Тереса Леон ведет работу среди женщин, отдает много сил популяризации испанской культуры, плодотворно работает как писатель. Ее перу принадлежат книга о национальном герое Испании — Сиде, «Рассказы о современной Испании» и другие произведения.

В семье Альберти есть и третий писатель. Это дочь Рафаэля и Марии — Аитана Альберти. Девочке всего 14 лет, но ее небольшой сборник стихов знают уже во многих странах. Она пишет о детях Аргентины, о школе, о цветах, о своей грусти. Образность языка, лиричность стихов Аитаны дают основание предполагать, что из нее выйдет настоящий поэт.

Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон впервые посетили нашу страну в 1932 году. В 1934 году они принимали участие в работе Первого съезда советских писателей в Москве.

Е. КОЛЧИНА

Баллады и песни реки Параны *

Рафаэль АЛЬБЕРТИ

1

Облака принесли мне сегодня
летучую карту Испании.
Как мала над рекой эта карта,
и какая огромная тень
от нее ложится на пастбище!

Коней табуны накрыла
эта тень, что легла от карты.
На коне в этой тени искал я
селенье свое и свой дом.

Я въехал во двор, где когда-то
вода из фонтана била.
Хоть не было там фонтана,
фонтан звенел неустанно.
Вода там не била, а все же
она меня напоила.

2

Петь и петь, чтоб стать цветком
моего народа.

Пусть пасется рядом скот
моего народа.

Пусть запомнит песнь мою
пахарь моего народа.

Пусть внимает мне луна
моего народа.

Пусть поят меня моря,
реки моего народа.

Пусть меня сорвет однажды девушка
моего народа.

Пусть меня прикроет, как земля,
сердце моего народа.

Потому что, видишь, одинок
я без моего народа.

(Впрочем, сам я не жил дня
без моего народа.)

3

Я ведь знаю, что голод уносит мечту,
но я должен попрежнему петь,

что застенок туманит собою мечту,
но я должен попрежнему петь,

и что смерть убивает мечту,
но я должен,
я должен попрежнему петь.

4

Нового мы создаем человека,
если мы с песней идем.

Нового в нашей Испании,
если мы с песней идем.

Нового в мире,
если мы с песней идем.

Я пою этой звездною ночью,
я в ней одинокий изгнанник.

Но нет на земле никого,
кто в песне своей одинок.

Подпевают дереву листья,
а если засохло оно, то не дерево больше оно.

Птице — ветер и облако,
а если немая она, то не птица она.

Подпевают волны морям,
радостной песне морей — корабли.

Огню — языки его, искры,
даже тени, когда он высок.

Одинокого нет ничего на земле.
Нового мы создаем человека,
если с песней идем.

Перевод О. Савича.

* «Баллады и песни реки Параны», небольшие образчики которых я предлагаю читателю, были написаны среди бескрайнего одиночества аргентинских пространств, пересекаемых огромной рекой. В этих стихах, словно проекция, возникают неизменно испанские пейзажи, сочетаясь с моим постоянным стремлением вернуться на еще не отвоеванную родину. **(Примечание автора.)**

Опять в Москве

Мария Тереса ЛЕОН

И вот снова снег! Снова братски протянутые руки, радость встречи — все, как было в далеком 1932 году. Но посмотрите, как изменилась столица! Куда девалась наша Москва тридцать второго года? Какая чудодейственная сила сокрыла ее от нас? Огромный город разворачивает перед нами бесконечную вереницу своих улиц. Тысячи людей наполняют их. Они проходят темными силуэтами, закутанные в зимние теплые одежды. Лица их трудно различить под платками и шапками, но я знаю: это идут героические дети труда и веры.

Эти два слова раскрывают перед нами весь смысл существования советских людей, уверенно и спокойно идущих вперед, людей, жизнь которых полнокровна и прекрасна. Они живут так, как если бы их путь озарял свет гораздо более яркий, чем сама наша надежда. Приятно смотреть на них. Каждый уверенно идет к своей цели... Дети с коньками подмышкой, молодые люди с книгами в руках.

Каждый, кто побывал в Москве, не мог не заметить одной весьма характерной детали: советский человек никогда не расстается с книгой, она повсюду с ним, так же как и его длинная папироса с картонным мундштуком. Он открывает книгу даже в трамвае, отсчитывая остановки по главам. Говорят, это потому, что все советские люди учатся. Мне кажется, что дело не только в этом: книга притягивает к себе советского человека неиссякаемой возможностью расширить свой горизонт.

Еще тогда, в те далекие тридцатые годы, в Москве, от которой архитекторы не оставили теперь и следа, я видела в поездах и трамваях молодежь с книгой в руках. Это были учебники, руководства по механике, электротехнике, как стать отличным механиком, как стать совершенным электротехником, как стать совершенным советским человеком. Я помню молодых ясноглазых парней, радостно и восхищенно следивших за ростом своей индустрии.

Молодые люди, которых я встречаю теперь в Москве, полны спокойной уверенности. Учебник сменили научные книги, юноши, испытавшие нетерпеливую жажду знаний, стали солидными учеными. На смену зарождающейся промышленности пришел индустриальный расцвет. Сотни битв выиграли эти люди, и теперь сознание собственной силы наполняет их справедливой гордостью.

Москва — это огромное горнило; здесь сосредоточивается все многообразие советского мира.

Мы входим в один из ресторанов столицы, и сейчас же к нам обращаются глаза всевозможных оттенков: черные, голубые, карие, серые. Мы слышим мягкий говор самых причудливых языков Востока, на которых говорил еще Тамерлан или пела Шехерезада.

В этом городе тысячи и одного чуда улицы заботливо и неустанно очищаются от снега, а он, мелкий и густой, все падает, падает, падает. Столицу убирают и чистят, как гостиную в хорошем доме. Им наполняют потом грузовики и вывозят его далеко за город, в поле. Снега очень много. Но москвичи и не думают жаловаться на это. Всем известно: чем больше снега, тем больше хлеба. И сейчас под горностаевым покровом выпавшего снега спят спокойно нежные ростки озими, ожидая тепла и солнца.

По улицам непрерывно движется поток машин и людей. Разноцветный светофор регулирует движение. Я смотрю на него, и мне опять вспоминается 1932 год, одинокая фигура милиционера в подтянутой форме на перекрестке. Машин тогда было так мало, что казалось, милиционер открывает «зеленую улицу» озорному московскому ветру. Так у меня и остался в памяти этот парень, со всей серьезностью регулирующий движение воображаемых машин будущего. Милиционер, которого я увидела в этот раз, не был, конечно, похож на моего старого знакомого. Его магической палочке покорно повиновались настоящие машины и грузовики. Будущее, о котором могли только мечтать в 1932 году, пришло.

Мы не перестаем удивляться всему виденному и без конца спрашиваем: «Что это такое?» «А это, это?»

Вот машина повернула, и перед нами вырос огромный многоэтажный дом, целая вереница сверкающих огней.

Что москвичам ветер, холод! Снег может сколько угодно залеплять окна, стучать в них своими ледяными пальцами — в дом ему не войти. Советская семья собралась вокруг стола за вечерним чаем. Сколько работы выполнили мужчины и женщины, которых мы встречали на улице!

Я смотрю на светлые лица этих новых людей и вновь узнаю их: да, это они, те самые советские люди, чьи братские руки согревали меня раньше, греют сейчас и будут греть всегда.

Поэты

Антана АЛЬБЕРТИ

Есть поэты,
которые только умеют стихи сочинять.

Не поют,
не смеются,
не любят ни звуков,
ни красок,
ни цветка или атома,
ни мшистой полоски среди черепиц,
ни капель дождя,
сияющих капель дождя.

Есть поэты,
которые только умеют стихи сочинять.

Взгляните сюда:
оторвите глаза от всегда повторяемых слов.
Я вам новое чувство несу,
с каждым полднем рождается снова оно, как и я.
Взгляните сюда.
Я встаю из глубин неисследованных,
из подземных ущелий, где нефть,
я вас жду
у прозрачных спиралей науки.

По волнам всех вселенных придите,
шагая в пространствах
по планетам, блуждающим звездам.
Из глубоких пластов океана придите
с кислородом, с планктоном.

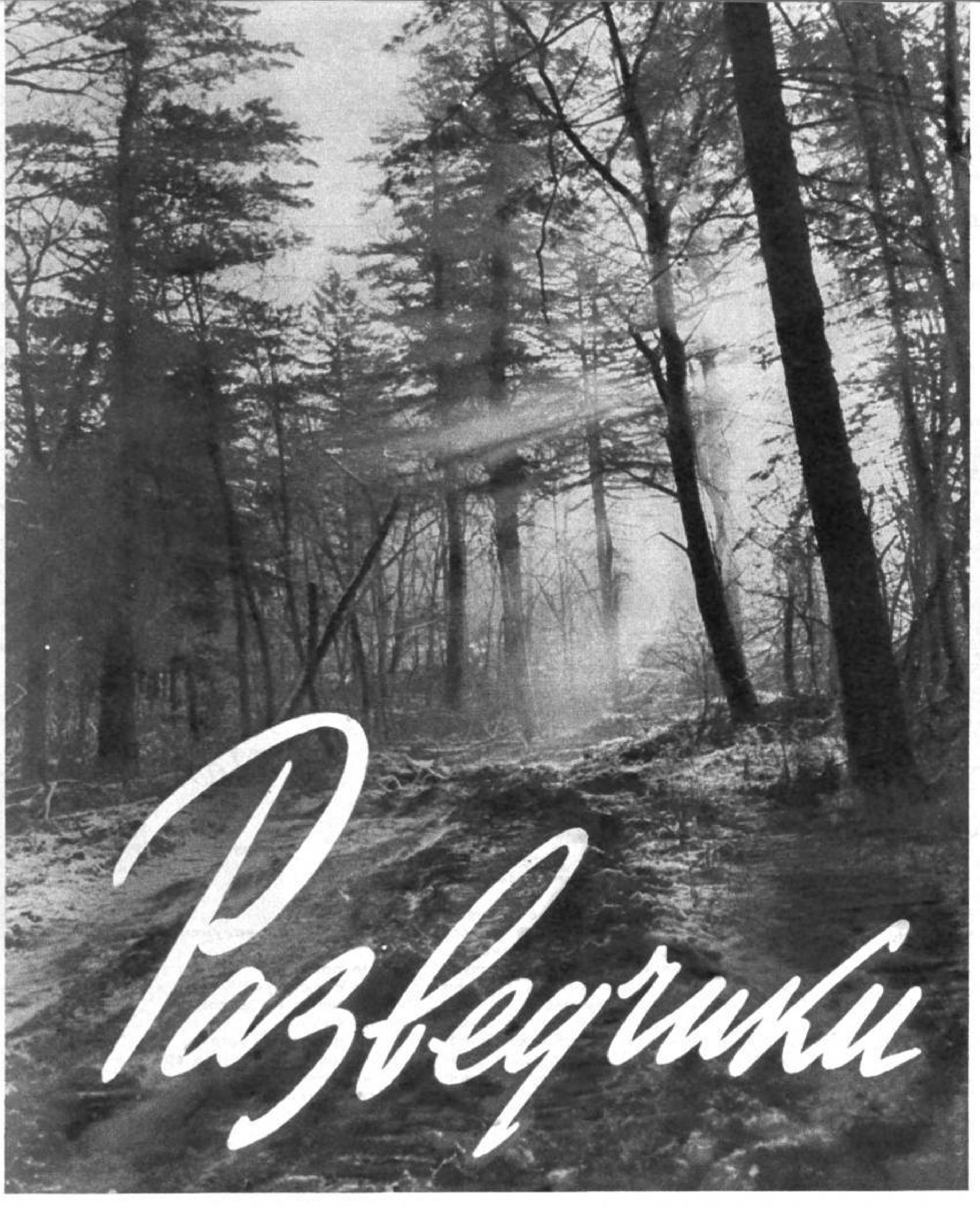
Взгляните сюда,
поднимите глаза.

Я новую кровь вам несу,
кровь, обновленную в лабораториях,
кровь, обновленную в поле пшеничном,
кровь, обновленную
всем удобрением мысли.

Идите за мной.
Оставьте все то, что привычно,
изношено.
Вырвите все ваши корни
из истощенной земли.
Взгляните:
в руке я несу
ПОЭЗИЮ.

Перевод О. Савича.

Разведчики

Утро в тайге. Фото Л. Беляева.

Вл. ШУСТИКОВ

В нашей стране широко ведется разведка недр, открываются новые большие запасы углей, нефти, руд черных, цветных и редких металлов и других полезных ископаемых.

«Надо отдать должное нашим геологам. В истекшей пятилетке они поработали хорошо и добились неплохих результатов»,— сказал товарищ Н. А. Булганин в докладе на XX съезде КПСС.

Мы печатаем очерк об одном геологоразведочном отряде, работающем на Дальнем Востоке.

Сопка ничем не отличалась от тех, что окружали таежный разъезд Мартынушкин, но Гусельников, шедший впереди нашего геологического отряда, сказал, что это особенная вершина: по обычаю, все, кто уходит в тайгу, делают на Лысой горе первый привал.

— Здесь до сердца доходит,— добавил Гусельников и улыбнулся. Обычно веселое цыганское лицо его с темнокарими глазами приняло задумчивое выражение.

Сколько ни прощаются геологи в поселке с друзьями, как ни крепко жмут им руки, а все не верится, что они надолго покидают обжитые места. И только здесь, на Лысой горе, когда уже пройдено несколько километров и когда каждый увидит в последний раз дымок, поднимающийся над поселком,— только здесь и вступит в сердце грустное чувство, которое всегда испытывает человек перед дальней дорогой.

Вот и вершина Лысой горы. Несколько минут мы молча глядим в сторону поселка, едва виднеющегося за сопками. Наверное, у каждого геолога есть такая сопка, где он прощается с родным домом, отправляясь в странствия.

Разделенные сотнями километров, геологические партии прокладывают по дебрям маршруты, собирая образцы пород. А потом придут сюда плотники и прорабы, сколотят из лиственничных бревен первые дома, и, глядишь, уже новый горняцкий поселок поднялся там, где недавно прошел со своим молотком разведчик. Славное дело у геолога!

Геологическая партия, на базу которой идет отряд, разведала месторождение редкого металла. Геологи старались все работы по разведке нового месторождения завершить еще в 1955 году. Но для этого нужно было доставить в тайгу приборы, обувь, питание. Эту задачу и решал наш отряд. По пути он должен был сделать некоторые наблюдения. Нужно было торопиться: шли дожди, и таежные реки грозились выйти из берегов.

Куда ни взглянешь с вершины, все лес и лес. Еле заметная тропа, по которой предстоит идти отряду, будет плутать где-то у тех дальних сопок, что затянуты плотной ультрамариновой дымкой. А вокруг — таежный хаос, и на душе как-то неспокойно перед тем неизвестным, что ждет нас в пути. Об этом, как мне казалось, и думали сейчас геологи. Но техник Миша Панчук сказал вдруг без всякой грусти:

— Не хочется сегодня уходить в тайгу. Лучше бы завтра.

— Почему?

— Сегодня кино в клубе хорошее.

И все засмеялись.

Гусельников подошел к лошадям, проверил, хорошо ли приторочены вьюки, и сказал, что привал окончен.

...Все дальше уходит отряд. Вот и Ивака осталась позади. Издалека она как будто спокойна, эта таежная река. Но нрав у нее оказался тяжелый. Небольшую лодчонку, на которой мы переправлялись, перевернуло вверх дном, но это случилось уже у самого берега, так что мы успели схватиться за ветки.

— Теперь, Тася, твои сапоги раздадутся,— острил Павлов по адресу Кучегаровой: Тасе сапоги были тесны, и она все искала по дороге лужи, стараясь размочить свою походную обувку.

Все глуше и мрачнее лес. Все непролазнее кустарник. Идущий впереди Гусельников то и дело скрывается от нас в этом зеленом царстве. Только какое-то мгновение там, где он прошел, колышутся кусты, но тут же ветки смыкаются снова, и кажется, что впереди вообще никто никогда не проходил.

Иногда отряду преграждают путь вывороченные ветром деревья — корни вместе с пластом земли стоят торчмя, и видно, как цепко они держат попавший между ними камень. Сыростью тянет от замшелых колод, на которые едва только наступишь, как они легко продавливаются, и нога по колено уходит в труху. Небольшой ручеек, вдоль которого мы шли, постепенно мелел, и наконец вода в нем иссякла, хотя каменное русло его было четко различимо. Вода ушла ниже и, закрытая валунами, глухо гудела.

Тайга настороженно молчит. Так и кажется, что вот сейчас из-за свежего бурелома выйдет свирепый медведь, обеспокоенный тем, что люди пришли в его исконные владения.

Мы подходили к неширокой безымянной речушке, как вдруг сбоку послышался треск сучьев. Гусельников, подняв руку, остановился. Все последовали его примеру. На тропу выбежала серая, с темнокоричневыми подпалинами, широкогрудая собака, а за нею показался плотный старик с крепким, свежим лицом. Оказалось, это совхозный пасечник по фамилии Свистунов. С геологами он был знаком.

— А мы думали, медведь,— сказал Гусельников, поздоровавшись.

— Где там, Александр Афанасьевич, медведь! Медведя повстречать — особое везение нужно. Обходит зверь человека. Я один раз выхожу на полянку, а медведь ломает лапами черемуху, лакомится ягодой. Увидел меня — и ходу.

— Что-то не верится,— сказал Николай, молоденький парнишка, первый год работающий в геологической партии.

— Вот скажи мне хотя бы ты.— И старик ткнул наугад в грудь стоящего рядом с ним. Это был Гелий Павлов.— Сколько ты медведей видел? Только доподлинно, а не так, чтобы померещилось.

— Четырех.

— Что?— Старик даже откинулся назад и развел руками от неожиданности.

— Так это за все тринадцать лет, которые хожу по тайге!— поспешно добавил Гелий; несмотря

на свою молодость, он опытный таежник.

— Теперь поверю. Получается меньше чем по полмедведя в год. А ходил, небось, по самым чащобам? Знаю вас, геологов.

— Приходилось и по чащобам.

— Значит, тебе, Коля,— Гусельников повернулся к молоденькому парнишке,— можно верных три года бродить по тайге без опаски. Простой арифметический подсчет: тринадцать лет разделить на четыре медведя. А вот как три года пройдет — там берегись.

Старик попрощался, сказав, что ему, если хорошо топнуть, два часа — и дома, а геологам идти да идти.

Так же дремуче гудели вверху кроны кедров, так же ворковала невидимая под камнями вода, такой же сторожкой тишиной была полна тайга. Но вот коротенькая встреча, и что-то новое появилось в настроении: нет, не так дики эти места, как могло показаться с первого взгляда.

Пошел дождь. Мелкие, частые капли — не дождь, а мельчайшая пыль — мягко и неслышно опускаются на землю.

Впереди идущему приходится расталкивать плечом ветки, и холодные брызги воды обрушиваются вниз. Чтобы этот душ был не таким плотным, надо, вытянув вперед палку, стучать ею по ветвям, но и это не помогает. Через каждые полчаса вперед выходит тот, кто шел вторым, а промокший до нитки головной пристраивается в хвост отряда.

Идем по распадку. На мгновение показываются и снова вязнут в сером тумане темносизые склоны сопок. Все заметно приустали, но все-таки темп держится прежний: сегодня во что бы то ни стало нужно дойти до речки Карасевы. В верховьях льют дожди, река набухла, и если сегодня мы еще кое-как переберемся на другой берег, то завтра, когда вода прибудет, переправа станет невозможной.

Сыро и темно внизу, под плотным пологом леса. Бурый мох не только устилает сплошь поверхность земли, но и поднимается вверх по стволам деревьев. Все чаще попадаются чахлые лиственницы, от корня до макушки заросшие этим мхом. Изредка встречается дикий виноград: такова особенность дальневосточной тайги — север здесь уживается с югом.

Лошади вконец измучились и останавливаются все чаще. Вдруг лес поредел, и перед нами открылась широкая поляна, заросшая невысоким багульником с мелкими глянцевитыми листьями. Красивый светлозеленый мох покрывал все это пространство. Кое-где мерцали пунцовые ягодки брусники.

Гусельников остановил отряд и приказал проверить, как держатся вьюки и можно ли в случае необходимости быстро снять их.

— Марь расквасило,— сказал он мрачно.

Первые несколько шагов показали, что опасения были не напрасны. Росинант, которого Николай хотел обвести вокруг небольшого плеса, увяз передними ногами, но, сделав несколько прыжков, все-таки сумел выбраться из трясины.

— Не сворачивать со следа! — закричал Гусельников другому коноводу, который хотел было обойти опасное место.— Там еще хуже.

Так и продвигался отряд. Сначала проводили Росинанта, причем все шли рядом, готовые придти на помощь, если вдруг трясина начнет затягивать коня, потом, выбравшись на сухое место, возвращались за другой и за третьей лошадью.

Первые несколько сот метров каждый старался прыгать с кочки на кочку. Но стоило раз — другой провалиться по пояс, как эквилибристика сделалась излишней, и все пошли напрямик. В сапогах хлюпала теплая вода.

Трудно переставлять ноги, хочется присесть отдохнуть, но нужно двигаться, чтобы успеть сегодня переправиться через реку, нужно двигаться, чтобы во-время доставить на базу приборы, которых ждут с нетерпением.

Отряд преодолел почти половину пути по этой мари, как вдруг Росинант ухнул в затянутое ряской «окно». Подбежавший Гусельников, сбросив на ходу куртку, как был — в сапогах и одежде,— полез в эту жижу. Он быстро развязал веревки, которыми крепились вьюки. Мешки с грузом отнесли в сторону.

Сообща принялись вытаскивать лошадь. Росинант с трудом встал наконец на твердое место.

Было ясно: навьюченные лошади по мари не пройдут. Гусельников распорядился снять поклажу со всех лошадей и разделил ее поровну между членами отряда. Тася Кучегарова, которую обошли при распределении груза, обиделась и отобрала у одного из мужчин его заплечный мешок.

Идти стало куда труднее. Все пружинит под ногой мох, все не кончается марь. Николай, оступившись, упал, да так и остался лежать, бормоча: «Я сейчас, я сам...»

Павлов с трудом поднял его, но Николай, пройдя несколько шагов, сел на землю: «Не могу».

Павлов молча взял у него часть поклажи; отряд продолжал путь.

Сколько времени идем мы по мари? На часы смотреть бесполезно: стекло изнутри так запотело, что стрелок не видно.

Отряд неуклонно идет все вперед и вперед. Откуда берут силу геологи? Может быть, все они опытные таежники, такие, как Гелий Павлов и Гусельников? Ничуть не бывало! Тася Кучегарова, русая, голубоглазая девушка из Тамбова, всего три года назад закончила учебу и до того, как приехать на Дальний Восток, видела тайгу только в кинокартинах. Миша Панчук, скромный паренек с комсомольским значком на груди, знает тайгу и того меньше. Он лишь год как попрощался со своими однокурсниками в Киеве.

Но вот наконец мы ощутили под ногами твердую землю, марь кончилась. Скоро отряд подошел к реке. Хотя вода уже выходила из берегов, брод все-таки удалось нащупать, и отряд благополучно переправился на другой берег. Часа через два, уже в полной темноте, отряд подходил к двум заброшенным домикам; здесь геологи обычно останавливаются на ночлег.

Задымила печурка, подогрелись консервы, и вот уже отряд устроился за столом. Поужинав, все повалились на нары, где лежало вдоволь свежего сена. Не было ни костра, ни разговоров, были только уставшие люди, которые хотели спать. Но каждый знал, что завтра отряд зашагает вперед. Может быть, каждый из геологов в отдельности бывает слаб, но все вместе они сильны. А тайга покоряется только сильным.

...К утру дождь кончился, и, хотя туман еще не разошелся, солнечный луч уже весело скользил снизу по серым мягким облакам, оттеняя каждую неровность. Близкие сопки зарумянились, а голубизна дальних стала еще нежнее и тоньше. Низко, почти над самой головою, ветер несет легкий розовый пар. Спокойно и глухо шумит тайга.

Гусельников босиком вышел на порожек и спросил у коноводов, поднявшихся чуть свет, как идут дела. Все было в порядке, и выход назначили сразу после завтрака.

— Передохнуть бы денек! — мечтательно говорит Гусельникову Николай. Он сидит на пне у входа и зашивает штанину.

— Мы с тобой будем загорать, а месторождение кто разведает? — ответил тот полушутя.

И снова геологи в пути.

Вечером на вторые сутки, уставшие и продрогшие, мы подходили к базе. Считалось, что переход завершился благополучно. Ссадины на коленях и на локтях, разорванная одежда в расчет не принимались. Больше всех пострадал Росинант: неловко задев за корневище, он раскроил переднюю ногу от колена до копыта.

Перед тем, как входить в лагерь, Гусельников остановил отряд и велел всем привести в порядок, насколько это возможно, свою одежду.

— Чтобы на базу пришли по всей форме!

— Прихорашиваетесь? — раздался вдруг совсем рядом густой бас. Из-за кустов вышел бородатый, но еще очень молодой человек.— Вас совсем потеряли. С Мартынушкина по радио запрашивали, из области несколько раз справлялись, не пришли ли вы на базу. Заждались совсем...

Вот и таежный бивуак геологов. Кажется, ничего особенного — три домика, столовая, где повар готовит обед и выпекает хлеб, небольшая банька, на «Центральной площади» натянута волейбольная сетка. Но как приятно увидеть этот обжитой угол тайги!

На многие тысячи километров тянется дремучая тайга. В южных отрогах Сихотэ-Алиня цветут абрикосы, а к северу южные породы вытесняются елью, даурской лиственницей и могильной сосной. На неприютных, угрюмых гольцах гнездится тундровая куропатка. И везде — на севере и на юге, в долинах рек и на крутых спадах сопок, у истоков безымянных ручьев и там, где совершенно нет воды,— везде можно встретить такие вот бивуаки геологов. А сколько рабочих поселков возникло на Дальнем Востоке за последние несколько лет!

Бревенчатый домик, в котором мы расположились, сложен как будто бы наспех, но пазы в стенах аккуратно прошпаклеваны мхом, доски пола плотно пригнаны друг к другу. Рам нет, просто в бревнах сделаны проемы, в которые вставлены цельные куски стекла.

Мы сидим — кто на высоких нарах, кто на складных койках — и, развесив около железной печки на палках промокшую одежду, рассказываем, что нового в Мартынушкине. Потом радист объявляет, что передают концерт и, кто хочет слушать, пусть подвигается поближе. Он кладет на стол наушники. Все окружают стол, на котором стоит рация.

Вот и концерт окончился, но никто не расходится, хотя разговор постепенно угасает. Уже сон, подкравшись сзади, закрыл было своими теплыми ладошками глаза, но в это время голоса окрепли и кто-то ясно сказал басом:

— А я говорю, должны пойти нам навстречу...

— Но этот вопрос уже ставился, и ничего не изменилось.

— Значит, нужно ставить еще! — гремел бас.— Скажи мне, кто лучше нас, таежников, знает, как много будет пользы для дела, если геофизики и геологи будут работать вместе?

В разговор вступил Павлов:

— Мы же друг без друга дышать не можем: у геофизиков точные приборы, которыми можно определить, где залегает месторождение, а у геологов мощные средства для горных работ. А работаем отдельно друг от друга. И в результате едут на Дальний Восток из Ленинграда люди, тащат с собой мензурки и колбы, а для чего? Для того, чтобы пройти по нашим следам. И ничего не скажешь: нам дано одно задание, им другое. А если нас объединить?

— Но тогда геофизические и геологические тресты тоже придется объединить...

— И портфелей и расходов будет меньше, а дела больше.

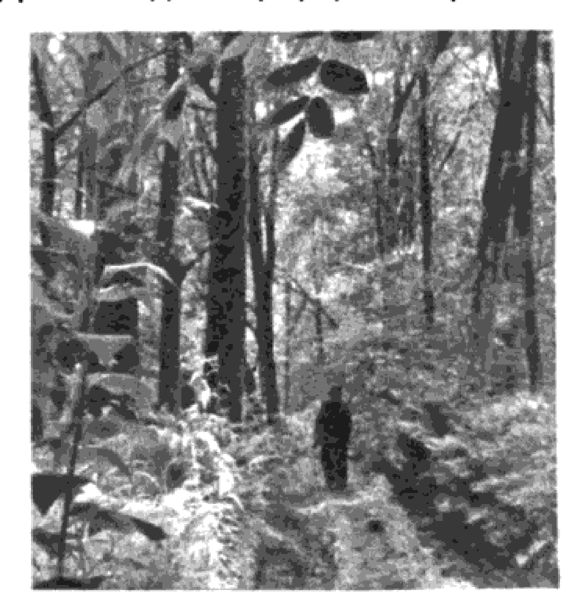
— Все так, но у нас один инженер из экспедиции заикнулся об этом — как его отбрили!

Разговор становился общим. Я вышел на волю. Ночь была темным-темна. Где-то,— вероятно, в домике, стоящем рядом,— тихо пели песню:

Закури ты, дружок, закури,
Завтра рано, с восходом зари,
Ты уйдешь по тайге опять
Молибденовый блеск искать...

Но вот и песни не слышно: бивуак уснул.

Глухо шумит, склонившись над домиками и баюкая их, высокий густой кедрач. И только протяжный рев изюбра нет-нет, да и нарушит эту чуткую тишину.

В приамурской тайге.
Фото В. Миронова.

Мастер сатиры

Более тридцати лет служит советскому народу острое, талантливое перо выдающегося белорусского писателя-сатирика Кондрата Кондратьевича Крапивы.

Сын крестьянина, сельский учитель, в годы гражданской войны красноармеец, потом писатель, академик, депутат Верховного Совета Белорусской ССР — таковы вехи жизненного пути Кондрата Крапивы.

Примечательна и его литературная судьба. Первые же выступления К. Крапивы в печати — сатирические стихотворные фельетоны, басни, юмористические новеллы — завоевали широкую популярность среди читателей. Сочный народный язык, яркие образы, богатый юмор, заразительный смех, острота и злободневность тематики — все это полюбилось народу.

Умея быстро откликнуться на самую животрепещущую тему, Кондрат Крапива зорким, пристальным глазом художника всегда подмечает самые характерные, важные явления в жизни. Это придает его произведениям долговечность. Многие басни и стихи К. Крапивы, написанные на актуальнейшие темы, вот уже десятки лет живут на эстраде. Некоторые образы, созданные писателем, стали нарицательными.

В начале своего пути К. Крапива отдал много сил «смыванию дооктябрьской грязи с деревни», как заявил он в своем раннем стихотворении «Кто там чешется?». Под обстрел острой и жгучей сатиры Кондрата Крапивы попадают чиновники и бюрократы, кулаки, буржуазные националисты и нытики-интеллигенты — все те, кто, уподобясь жабе, пытался залезть в колею, чтобы свернуть наш советский воз («Жаба в колее»).

В 1934 году поставлена пьеса К. Крапивы «Конец дружбы». С тех пор, год от года совершенствуя свое мастерство, он успешно работает в этом жанре. Появляются пьеса «Партизаны» — о гражданской войне в Белоруссии, сатирическая комедия «Кто смеется последний», обошедшая сотни театров Советского Союза. Эта пьеса с неизменным успехом идет на сцене Первого белорусского государственного драматического театра имени Янки Купалы уже 17 лет. На драматургии К. Крапивы воспиталась и выросла большая группа наших актеров.

В своих пьесах Кондрат Крапива всегда занимает боевую, действенную позицию. Пассивность и созерцательность чужды драматургу. За жизнью он следит пристально и по-хозяйски требовательно.

В годы Великой Отечественной войны редактируемый писателем сатирический журнал-плакат «Раздавим фашистскую гадину», стихи и басни К. Крапивы белорусские партизаны принимали на вооружение вместе с автоматами и взрывчаткой. В послевоенное время Кондрат Крапива пишет ряд пьес; среди них широко известна комедия «Поют жаворонки». Писатель публикует серию интересных теоретических статей о белорусской литературе, помогает творческому росту младшего поколения литераторов.

Отмечая шестидесятилетие К. Крапивы, советские читатели и зрители ждут от него новых талантливых и остроумных произведений.

Андрей МАКАЕНОК

В доброй традиции

В годы первой пятилетки на один из советских заводов был приглашен в качестве специалиста по прокату металла английский мастер. За солидное вознаграждение он неукоснительно выполняет пункты договора, но свои производственные методы держит в секрете. Даже дорожку к своему рабочему месту посыпает песочком на ночь, чтобы следы были видны, ежели кто-нибудь захотел бы раскрыть эти секреты.

На заводе подручным работает молодой Арсений Дружинин. Он учится сталепрокатному делу у старого мастера Лукича. На стане «750», где трудится Дружинин, происходит небольшая авария из-за неточности, допущенной иностранным специалистом при расточке валов. Об этом догадывается Лукич, но прямых доказательств у него нет.

Перед отъездом на родину английский мастер дает в цехе своеобразный прощальный «концерт». Он становится на место Дружинина у стана «750» и показывает пример точной и четкой работы.

Мгновенье — и сразу болванка на взлете,
Мгновенье — и четче валов перестук:
Мол, знайте,
Все дело в английском расчете,
В привычке, уменье и твердости рук...
Казалось, валы заработали чаще,
Болванки уже растянув до полос,
И кто-то кричал, восхищаясь:
— Блестяще! —
Открыто и честно ему:
— Виртуоз!

Проходят годы. Под руководством Лукича Дружинин вырастает в первоклассного мастера. Он едет делегатом на съезд металлургов в Англию. На одном из сталелитейных предприятий Бирмингама Дружинин встречает английского специалиста, работавшего когда-то в Советском Союзе. Специалист — правая рука владельца завода — делает вид, что не узнал Дружинина, поскольку хозяин не очень рад гостю из Москвы.

Заводчик предлагает советскому мастеру стать к станку, поделиться своим новаторским опытом. Дружинин отказывается, так как в Москве на этих работах давно применяется автоматика... Но, заметив ироническую ухмылку владельца завода, решает тряхнуть стариной:

— Подайте, пожалуйста, мне рукавицы,
Прошу, подержите-ка шляпу мою...
Теперь прикажите ускорить подачи,—
Дружинин, смеясь, выступая вперед,
Стальную болванку в дыханье горячем,
Как ясную радугу, в клещи берет.

Безукоризненное мастерство русского гостя вызывает горячее одобрение английских рабочих. И специалист, вначале «не узнавший» Дружинина, теперь протягивает ему руку. Заканчивается поэма строфой:

Немало великих и светлых традиций
Хранит наш рабочий прославленный класс.
Мы честно тебе говорим, заграница,
Хорошему будем и ныне учиться,
А жизнь создавать поучитесь у нас.

Таково вкратце содержание поэмы Александра Филатова «У прокатных станов». Динамическое, насыщенное многими реалистическими подробностями стихотворное повествование имеет стройную, законченную форму. Взяв большой жизненный материал, поэт сумел выбрать и подчеркнуть в нем главное. Приемы сюжетного построения сделали рельефными и зримыми характеры действующих лиц. Поэма написана живым разговорным языком. Запоминаются простые, естественные по своему звучанию, оригинальные рифмы: «нашим — опояшем», «виски — по-английски», «клещи — блещет», «слесарен — лучезарен». Эпитеты и сравнения А. Филатова свежи, не претенциозны. Следуя принципам реалистического письма, поэт избегает украшательства, подчинив образность развитию действия.

Поэма «У прокатных станов» позволяет говорить о творческой удаче ее автора.

А. КОВАЛЕНКОВ

А. Филатов. У прокатных станов. Поэма. Альманах. «Молодая гвардия» № 15. 1955 год.

О типическом

В 1861 году, живя в Твери, Щедрин написал рассказ «Клевета» — сверкающую злобой и негодованием сатиру. Она была направлена против «Глупова» и «глуповцев» — носителей всего реакционного, косного, обывательского, что таилось в недрах дворянско-чиновничьего общества и мешало демократическим силам страны в их борьбе за строительство «города Умнова».

Появление «Клеветы» в печати — в некрасовском «Современнике» — вызвало большой шум, особенно «по губерниям». «Моя «Клевета»,— писал Щедрин П. В. Анненкову 3 декабря 1861 года,— взбудоражила все тверское общество и возбудила беспримерную в летописях Глупова ненависть против меня. Заметьте, что я не имел в виду Твери, но Глупов все-таки успел поднюхать себя в статье. Рылокошения и спиноотворачивания во всем ходу...»

Но «Глупов» «поднюхал себя в статье» не только в Твери, но также в Рязани и Оренбурге, в Казани и Вятке... Публикуемый ниже документ — письмо участника революционного движения шестидесятых годов Л. Рагозина к Н. Г. Чернышевскому,— добавляя в этот перечень городов еще один, является новым свидетельством современника о типизирующей мощи и широкоохватности щедринской сатиры.

Л. Рагозин — Н. Чернышевскому

Нижний Новгород, 25 декабря 1861 г.

У нас собирается подписка в пользу Михайлова. Не зная путей для передачи этих денег ему и слышав, что у Вас также составлялась подписка с тою же целью, я решился просить Вашего позволения переслать деньги на Ваше имя, рассчитывая на то, что Вы вероятно имеете возможность переслать их на место будущего жительства Михайлова.

Я позволяю себе воспользоваться этим случаем, чтобы сообщить Вам очень интересное и многознаменательное событие. Существует мнение, что «Клевета» Щедрина написана на Рязанское (другие говорят на Тверское) общество, и тем самым ограничивают значение «Глупова» отдельною местностию, одним губернским городом, придавая статье этой характер исключительный, случайный. В опровержение такого ложного мнения позволяю себе привести следующее интересное и само по себе событие: по получении Октябрьской книжки Современника в Нижнем, Нижегородские дворяне, собравшись по обыкновению в клубе, толковали много о статье Щедрина, и пришли к тому результату, что «Клевета» написана на них (на воре шапка горит). Этот вывод был для них до такой степени несомнителен, что они стали искать, кто бы это мог передать их тайны Салтыкову, кто знаком с ним и т. д., все те же глуповские приемы. Не забудьте, что это дворянство, **первое** в России заявившее о необходимости освобождения крестьян! Что-же в других губерниях?

* * *

Письмо печатается впервые по перлюстрационной копии, снятой в III Отделении и сохранившейся в делах этого учреждения в Центральном Государственном историческом архиве в Москве. Шеф жандармов докладывал о документе царю Александру II. Подлинник письма был, вероятно, задержан и до адресата не дошел. Н. Г. Чернышевский в это время уже находился под усиленным агентурным наблюдением царской полиции. В начале письма речь идет о подписке в пользу М. И. Михайлова, известного литератора и революционного деятеля, осужденного на каторгу. Подписка в Петербурге действительно производилась, но конспиративно. Н. Г. Чернышевский принимал в ней участие.

* * *

Сверху рукой Александра II подчеркнута фамилия Л. Рагозина и написано: «Кто такой? Подписку, если правда, не допускать». Несколько ниже рукою шефа жандармов: «О Рагозине доложено, что он такой, по прежним нашим сведениям. Что касается до подписки, то, по словам ген.-ад. Паткуля (петербургского обер-полицмейстера) и по нашим данным, она официально не производится. 5 января (1862 г.)».

С. Макашин

НОВЫЕ ГРАНИЦЫ „СТРАНЫ ПЭЭФ"

Высокочастотная установка в забое шахты «Центральная-Боковская».

И. АГРАНОВСКИЙ

Позапрошлым летом по донецкому городу Боково-Антрацит распространился слух о том, что на шахте «Центральная-Боковская» будут добывать уголь с помощью... телевизора. Слух этот возник в связи с приездом в Боково группы московских инженеров, прибывших для испытания какого-то нового прибора. Нашлись знатоки, которым спущенная в шахту аппаратура показалась схожей с генератором телевизионной станции. На расспросы один из москвичей ответил, что их аппарат действительно излучает такие же волны, как и генератор телецентра, и что с помощью этих электроволн предполагается провести опыты по разрушению горных пород. Не совсем точно переданные, эти слова и породили слух о добывающем уголь «телевизоре». Естественно, что в день испытаний у забоя, где была установлена «таинственная» аппаратура, собралось много интересующихся. Аппарат, большой ящик, водруженный на вагонетку, имел впереди нечто вроде хобота — направленный излучатель-антенну.

Один из москвичей стал возле пульта управления, через который аппарат был подключен к электросети, другой направил «хобот» к каменной груди забоя. «Георгий Ильич, включаю»,— сказал первый москвич, на что второй нетерпеливо откликнулся: «Да, да, Юрий Лаврентьевич!»

Через несколько минут все услышали, как стена забоя, на которую был направлен излучатель аппарата, затрещала. От нее начали откалываться и падать куски породы, кто-то невидимый рушил ее невидимым отбойным молотком.

Хотя гудел генератор и неподалеку падали куски породы, казалось, что стоит напряженная тишина. Некоторые шахтеры, присутствовавшие при испытании, помнили, как обушок сменился отбойным молотком, как начали работать в шахтах первые врубовки, первые горные комбайны. А вот сейчас забой пробивали какие-то невидимые лучи...

Тишину нарушил один из присутствовавших:

— Новые границы «страны ПЭЭФ»,— не так ли, Георгий Ильич?

* * *

«Страна ПЭЭФ» — так называется одна из книг доктора технических наук Георгия Ильича Бабата. У электротехников есть свой язык специальных терминов и буквенных обозначений. Электрики всех стран мира обозначают буквой «пэ» мощность тока, буквой «эф» — частоту его колебаний. По этим двум величинам можно начертить некую «карту» мира электричества, карту «страны ПЭЭФ», так же, как по координатам долготы и широты строят карты географические.

Подобно области высоких широт в географии, область высоких частот в электротехнике исследуется сравнительно недавно. Здесь еще есть свои малоизученные «белые пятна» — свои «Антарктиды» и «Земли Санникова». Автору книги «Страна ПЭЭФ» пришлось не только описать, но и участвовать в расширении границ этой «страны», в исследовании новых «материков» безграничного электрического мира.

К началу тридцатых годов, когда молодой Бабат окончил институт, токи высокой частоты применялись почти исключительно в одной лишь радиотехнике. Только для радиосвязи использовалось открытое в конце XIX столетия замечательное свойство электромагнитного поля: при большой частоте колебаний тока в проводнике отрываться от этого проводника, излучаться в пространство. Великому русскому ученому Александру Степановичу Попову принадлежит приоритет практического использования этого свойства.

В числе гигантских задач, вставших перед учеными в XX веке, была и такая: как использовать свойства токов высокой частоты и передавать без проводов не только слабые радиосигналы, но и мощные потоки электроэнергии. Проблема эта полностью не разрешена и до сих пор. Но токи высокой частоты, токи «ВЧ», как их стали называть, уже работают не на одну только радиотехнику.

Цирки нашей страны обошла недавно программа, которая называлась «Чудеса без чудес». Артист Сокол жарил яичницу, держа сковороду на некотором расстоянии над... холодильником. Публике раздавали электролампочки, и они загорались прямо в руках у зрителей, хотя и не были включены в электрическую сеть. «Чудеса» эти выполнялись с помощью токов высокой частоты. Это они, не требующие проводов токи «ВЧ», из ящика холодильника направлялись на сковородку и раскаляли ее, это они, посылаемые из-за кулис цирка, заставляли светиться электролампочку.

Для зрителя, знакомого со свойствами токов высокой частоты, цирковые «номера» теряли таинственность. Но еще в 1939 году даже электрики, приглашенные в Ленинград на первую всесоюзную конференцию инструментальщиков, были поражены «чудесами», которые показывал в Доме культуры инженер электролампового завода «Светлана» Бабат. Он раздал диски из мягкой стали и заявил, что делегаты конференции могут провести термическую закалку дисков тут же, в фойе. По тому времени считалось, что закалку металлов можно проводить только в печах. В фойе же стоял небольшой шкаф, нечто вроде того холодильника, над которым в цирке жарили яичницу. Из шкафа торчал виток медной проволоки. Стоило вставить в него диск, как сталь начинала нагреваться, накаливаться, хотя сам медный виток оставался холодным. Через секунду — две диск падал в ведро с водой. При проверке оказалось, что с помощью такой вот нехитрой установки диск закален на наивысшую твердость и что эта твердость придана только тонкому, поверхностному слою металла, внутри же сталь осталась мягкой и упругой — идеальное сочетание для целого ряда деталей машин и приборов.

Разработанный в СССР новый — простой и экономичный — способ закалки стал быстро внедряться во многие области нашей металлообрабатывающей промышленности. Токи «ВЧ» применяют не только для поверхностной закалки. Ими нагревают металл перед ковкой и штамповкой, плавят лучшие сорта стали. Но не только металлам, не только проводникам передают свою энергию токи «ВЧ». Электромагнитное поле вызывает движение молекул в полупроводниках, в изоляторах. Используя это свойство, советские инженеры стали применять токи высокой частоты для быстрой сушки разных материалов, стерилизации консервов, спекания пластмасс, для плавки оптического стекла. Пользуются токами «ВЧ» и в медицине, «пронизывая», прогревая ими больные органы.

Но во всех этих случаях энергия токов высокой частоты передается без проводов только на очень небольшие расстояния. Как увеличить «дальнобойность» тока «ВЧ»? Об этом много думал Бабат блокадной зимой в осажденном Ленинграде.

Толчком к этому раздумью послужила заметка в «Ленинградской правде», где сообщалось, что известный ученый-электрик Никола Тесла обратился со словами привета к антифашистскому всеславянскому митингу. Значит, он жив, этот знаменитый сербский изобретатель, чьи многофазные моторы и высокочастотные трансформаторы вошли в обиход свыше полувека назад? Жив деятельный мечтатель, выпустивший в конце прошлого столетия манифест «Передача энергии

Г. И. Бабат.

Фото Б. Кузьмина.

на расстояние без проводов, как средство установления всеобщего мира»?

В библиотеке Электротехнического института, где в получении книг расписывались карандашом, потому что чернила замерзли, Бабат разыскал труды Теслы, полные пророчеств об изобилии, которое наступит в мире, пронизанном энергией токов «ВЧ». Мечта о потоках электричества, которые могли бы свободно притекать по воздуху сквозь кольцо блокады, была особенно заманчивой. Не было бы тогда этих замерших заводов, оборванных снарядами трамвайных проводов, этих коптилок, при свете которых приходится читать об электрических снах Теслы. И не было бы этой мучительной дороги из дома на завод, на которую уходят последние калории микроскопического блокадного пайка. Под дорогой лежали бы провода, по которым текли токи высокой частоты. Над дорогой возникла бы насыщенная энергией зона. Небольшая антенна черпала бы энергию электромагнитного поля и приводила в движение моторчики «вечемотоциклов» и «вечемобилей».

В часы между воздушными тревогами Бабат проверял формулами свои мечты. Он подсчитал, что при передаче энергии без проводов на 10 километров частота колебаний должна достигнуть 30 миллиардов в секунду! Электрики не научились еще строить генераторы токов такой сверхвысокой частоты. Значит, пока все это несбыточная мечта? Нет, не все. Бабат стал разрабатывать идею энергодороги без воздушных проводов с неглубоким залеганием подземного кабеля. Что она сулила? Очистить небо городов от путаницы трамвайных и троллейбусных сетей; сделать трамваи и троллейбусы столь же свободно передвигающимися, как автомобили; освободить автомобили от необходимости запасаться горючим, упростить их двигающее устройство.

Идею энергодороги Бабат воплотил двояко. Он написал «научно-мечтательную» повесть «Дорога» и разработал технический проект высокочастотного транспорта. Повесть была напечатана в «Звезде», в журнале «Техника — молодежи», технический проект запатентован у нас и за границей.

Летом 1943 года по двору Московского института электропромышленности проехал первый «вечемобиль», а в январе 1944 года заработал опытный участок «вечетранспорта» на Московском станкостроительном заводе имени Орджоникидзе. Во многих странах были опубликованы тогда статьи об интересном советском изобретении. Но ведомственные «конфликты» завели в тупик многообещающее новшество. Лаборатория «вечетранспорта» в системе Министерства автомобильной промышленности была приказом переведена из Москвы в Ленинград. Фактически же ее никуда не перевели, а демонтированное оборудование сдали на склад. «Вечемобиль» не успел еще набрать скорости, как начали действовать тормоза косности...

Правда, сторонники высокочастотного транспорта перенесли эксперименты из автомобильной промышленности в угольную. На одной из шахт Донбасса они оборудовали опытную откатку вагонеток токами «ВЧ». Но сам Бабат попал в Донбасс по другому поводу — для проверки способа добычи угля токами высокой частоты.

* * *

Голландские инженеры основали в 1932 году общество по ведению горных работ токами «ВЧ». Они задумали использовать новейшее средство электротехники для добывания полезных ископаемых по методу... одному из самых древних в истории горного дела. Столетия назад люди разжигали костры на пластах породы, содержавших руду. От жары порода трескалась, облегчая человеку доступ к ископаемым. Еще в нашем веке огневым способом добывали руду, применяя калильные лампы и горелки. Но это было и опасно (газы!) и малопроизводительно. Токами «ВЧ» тоже предполагали нагревать пласты, образовывать трещины, обрушивать породу и ископаемые материалы. Но долгие годы успеха добиться не удавалось.

После Отечественной войны эту проблему стал разрабатывать Всесоюзный институт угольной промышленности — ВУГИ. Институт привлек к своим экспериментам одного из пионеров промышленного применения тока «ВЧ» — Г. И. Бабата. Вместе со своим коллегой инженером Ю. Л. Бурьяном и горными инженерами Угольного института Бабат стал конструировать высокочастотную установку для подземных работ.

Задача оказалась достаточно сложной. Нужно было создать особый, не имевший себе подобных, электроламповый генератор токов высокой частоты. Мощный электромагнитный луч такого генератора, направленный на грудь забоя, должен нагреть участок породы, вызвать его тепловое расширение, разорвать связи между нагретыми и холодными массами: заставить растрескаться породу, подобно тому, как лопается стакан, если плеснуть в него крутым кипятком.

Все знают: гвозди вбивают не длительным нажимом, а мгновенным ударом. Удар камнем или каменным молотком — самый древний способ трансформации энергии. Небольшая сила, реализованная за короткий отрезок времени, приобретает большую мощь. Отсюда возникла идея нагревать породу методом теплового удара. Генератор будет брать от электросети 100—200 киловатт энергии, но пошлет импульсы-удары мощностью до 10 тысяч киловатт.

Такая импульсная трансформация энергии применяется при радиолокации. Радиолокаторы накапливают заряд, а потом разряжают его за одну миллионную секунды. Но разряд столь малой продолжительности недостаточен, чтобы разогреть породу. Надо было построить генератор с длительностью импульса, в тысячу раз большей, чем у радиолокатора.

Такой генератор создается. Первую лабораторную установку испытывали на станции Панки, под Москвой, где находится Угольный институт. В лабораторию привозили куски породы, приближали к ним излучатель генератора — и через несколько минут порода растрескивалась. В Донбасс повезли более мощную опытную установку. Под землей выяснили ее достоинства и недостатки. Сейчас в Угольном институте строят еще одну новую установку, которая будет испытываться в недавно построенной «стальной комнате». В прошлом при испытании «вечеотбойщика» (как называют новый аппарат) случались неприятные казусы. Потоки высокочастотной энергии падали на стены лаборатории, на людей, проводивших опыты. Промышленные образцы «вечеотбойщика» будут снабжены экранами, предохраняющими операторов от рассеянных электрических волн. Но сами изобретатели экспериментировали без экрана. В пылу работ, не замечая времени, исследователи старались не обращать внимания на весьма ощутительные тепловые удары, которые они получали. Но вот токи «ВЧ» подожгли стены лаборатории. Тогда в «пожарном порядке» стали строить «стальную комнату».

Хотя, сказать точнее, в не столь уж пожарном порядке. На первых порах в институте работали энергично. Лабораторная установка была быстро создана и испытана в Донбассе. Однако прошло полтора года после опыта в Бокове, а промышленной установки еще нет.

Узнав об опытах угольщиков, в Панки приехали горняки, добывающие железную руду, привезли глыбы железистого кварцита. Оказалось, что стоило навести излучатель аппарата на трехтонную глыбу, как через несколько минут она рассыпалась на кусочки. Оказалось, чем крепче горная порода, тем легче разрушают ее токи «ВЧ».

Сейчас в институте пока еще ставятся опыты по проходке пластов породы, а не угля. Разрушать токами пласты угля опасно, потому что при тепловом ударе уголь может загореться. Но это препятствие устранимо. Можно заставить обрушиться угольный пласт, нагревая отдельные его участки до безопасной температуры в 50—55 градусов. При очень быстром и концентрированном тепловом ударе даже при невысоких температурах напряжение между нагретыми и холодными массами угля будет достаточным, чтобы вызвать сильное растрескивание пласта. И если генератору токов «ВЧ» придать механизм, напоминающий головку фрезерного станка, он будет легко обрушивать растрескавшиеся пласты угля или породы. В институте созданы эскизные проекты таких аппаратов, которые здесь в шутку называют «гибридами телепередатчика и фрезерного станка». Конечно, строить в Угольном институте такую радиоаппаратуру сложно. Здесь очень нужна помощь предприятий Министерства радиотехнической промышленности.

Пока в Панках, хоть не столь уж быстрыми темпами, ведутся опыты по горной проходке, Г. И. Бабат и Ю. Л. Бурьян думают о новом расширении границ «страны ПЭЭФ». Они хотят с помощью токов «ВЧ»... строить дома. Обычная земля — глина, песок — смешивается с угольной пылью. Смесь формуется в блоки. На блоки направляется энергия токов «ВЧ». Во всей толще блока загораются частицы угля. Масса земли «спекается», приобретая твердость лучших строительных материалов.

Много еще иных идей вынашивает Г. И. Бабат вместе со своими коллегами, но не имеет возможности быстро реализовать их.

Странное дело, крупнейший специалист по токам «ВЧ», обладатель свыше 100 авторских свидетельств и патентов, один из авторов способа поверхностной закалки металлов, получившего широкое распространение во всем мире, доктор технических наук Г. И. Бабат не имеет сейчас своей лаборатории. Между тем и его старая, незаслуженно забытая работа по высокочастотному транспорту и его новые идеи стоят того, чтобы их широко разрабатывать и доводить до промышленного внедрения.

У токов высокой частоты большое будущее. Их глубокое изучение раздвинет дальше границы «страны ПЭЭФ» — чудесного мира электричества, в котором предстоит еще открыть бесконечное количество новых «материков» и «континентов».

На отдыхе зимой

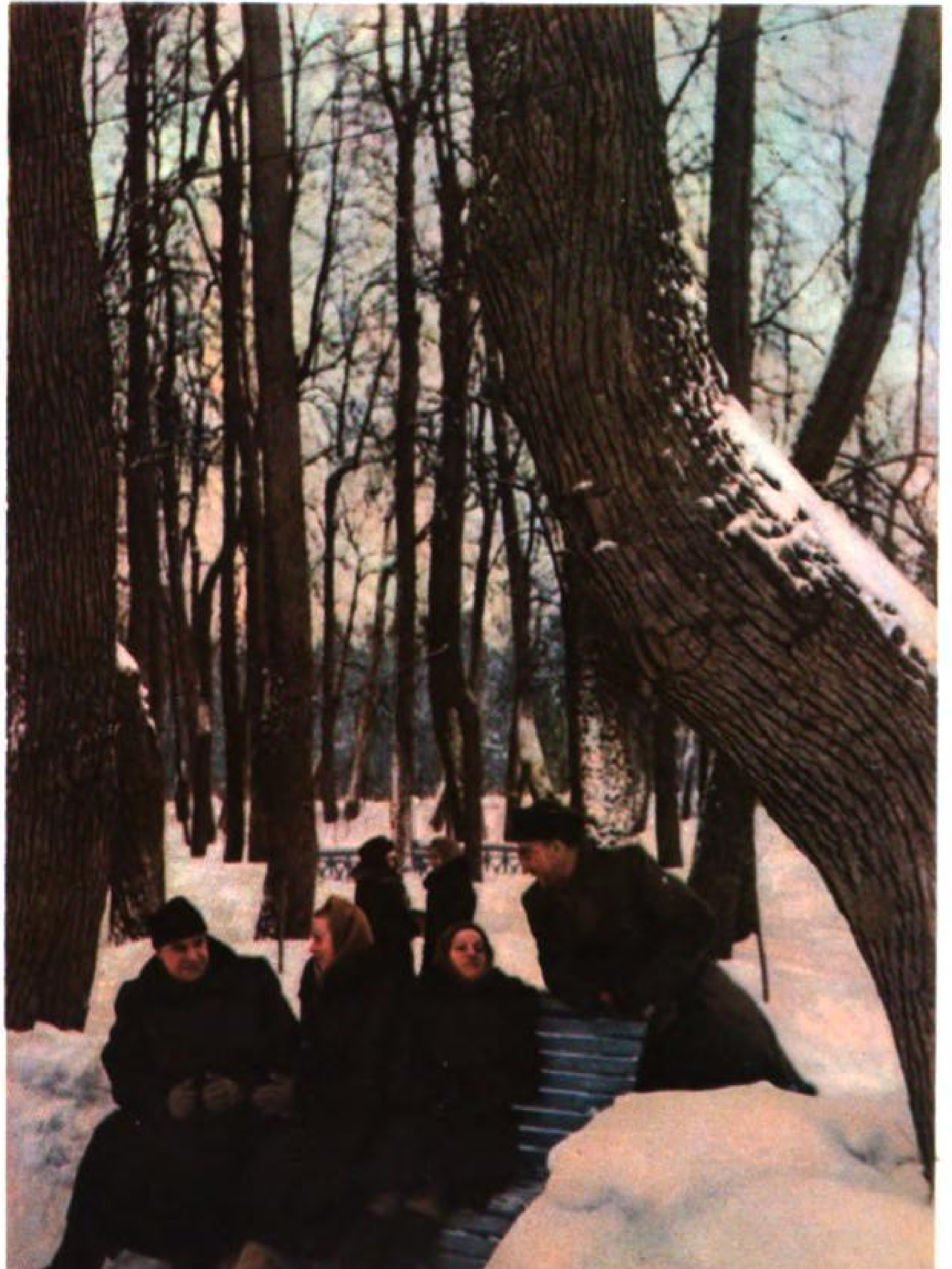
Фото Я. РЮМКИНА.

Здравницы в нашей стране работают круглый год: разве мало у нас любителей зимнего отдыха, предпочитающих во время отпуска походить на лыжах, побродить по тропам заснеженного леса!.. Эти снимки сделаны в одном из подмосковных санаториев ВЦСПС — «Монино».

Слесарь С. И. Гырла, педагог П. Ф. Стрелков, старший техник М. Д. Суркова и мастер Д. В. Марачев — заядлые лыжники. Для них лучший отдых — это лыжные походы...

Они познакомились в санатории: научный работник В. М. Коропов, бухгалтер Е. В. Тарасова, работница Л. А. Чванова и мастер М. М. Тишурин. После дальней прогулки в лесу хорошо отдохнуть в парке.

После того, как проведешь несколько часов на морозе, щи всегда кажутся особенно вкусными. Так, по крайней мере, утверждают все сидящие за этим столом: мастер Н. А. Цыкуров, медицинская сестра В. А. Панова, работница А. И. Зеленская и рабочий И. И. Черепенин. Сегодня в столовую пришел шеф-повар А. С. Елусов. «Довольны ли вы нашей кухней?» — спрашивает он.

В гостиной санатория.

К столетию со дня рождения

ВРУБЕЛЬ

Автопортрет.

Всякий, кто посещал Третьяковскую галерею, Русский музей в Ленинграде, Музей русского искусства в Киеве, хранит в памяти волнующие и возвышенные образы, созданные Врубелем: тоскующий темный взор поверженного Демона, пристальный взгляд гордой женщины в испанской таверне, таинственную Царевну Лебедь, голубоглазого Пана, который в сумерках поднимается из глухих зарослей и сам похож на мшистый, корявый, узловатый пень. Эти образы причудливы, фантастичны, порой в них ощущается какая-то тревога, мучительное напряжение, а иногда они полны очарованием сказок, пленявших наше воображение в детстве.

В истории русского искусства Михаил Александрович Врубель представляется стоящим особняком. Он как будто бы ни на кого не похож — своеобразен, необычен. И вместе с тем в картинах Врубеля нельзя не почувствовать глубоких, внутренних связей с русской жизнью, не увидеть воплощения тех же противоречий современного ему общества, над которыми задумывались русские писатели, тех трагедий, которые наложили печать на творчество Достоевского.

Врубель и его современность — такое сопоставление, на первый взгляд, может показаться странным. Ведь, кроме нескольких портретов, Врубель не посвятил ни одной картины изображению современности. Он черпал сюжеты из русских былин, сказок, из произведений Шекспира и Гете, Пушкина и Лермонтова. Но большой художник всегда живет думами своей эпохи, всегда так или иначе ее отражает, даже если не изображает ее непосредственно. Поэт Александр Блок — художник, по духу очень близкий Врубелю,— часто повторял, что музыка эпохи пронизывает собой личное мироощущение и творчество истинного поэта и дает ему ритм, краски, созвучия.

«Музыка» Врубеля тревожна и полна диссонансов. В его искусстве много смутного, лихорадочного, надломленного. Но мы никогда не поймем подлинного значения этого художника, если не будем искать истоков его личного своеобразия в условиях исторических, общественных. Врубель был предельно честным художником. Он, по его словам, страстно и вдохновенно стремился «будить... от мелочей будничного величавыми образами», создавать монументальные вещи, полные высокого значения. И в этом сказывалась его чуткость: ведь время, в которое он жил и творил, рубеж двух столетий, было кануном гигантских потрясений и переустройства мира. Очень далекий от политики, Врубель, однако, чутьем большого художника остро ощущал предгрозовую атмосферу времени. Неопределенное, тяжелое томление, порывы к чему-то высокому, но неясно осознаваемому отозвались в творчестве художника.

Трагические искания Врубеля воплощены им в образе Демона. Демон Врубеля — прямой наследник лермонтовского Демона, но разница между ними ощутима сразу. Демон у Лермонтова тяготится своим горделивым одиночеством, но он еще могуч, силен, он «царь познанья и свободы».

В первой законченной картине, посвященной теме Демона, Врубель изображает его сидящим на вершине скалы, устремившим печальный взгляд в беспредельное пространство, где узкой золотой полосой догорает вечерняя заря. Здесь Демон предстает молодым титаном, у него тело исполина, могучие мускулы, но поза выражает какую-то беспомощность, спина сгорблена, бессилие особенно чувствуется в жесте рук, в переплетенных, ослабевающих пальцах. Поразительный контраст мощи и беспомощности — суть образа. В дальнейшем художник много раз возвращается к теме Демона — в рисунках, в эскизах и в замечательных иллюстрациях к поэме Лермонтова. Он придает этому образу различные аспекты — Демон то проклинает мир в ожесточенном порыве, то в отчаянии ломает руки, то становится задумчивым и кротким. Трагическое завершение темы дано в большом полотне «Демон поверженный». Это крушение, гибель. Крылья поломаны, тело разбито, руки, некогда могучие, бессильно раскинуты.

Кризис индивидуализма, дорогой ценой познанная бесплодность мятежа одиночки — таково было содержание образа Демона, многие годы занимавшего помыслы Врубеля и, конечно, навеянного острыми вопросами современности. Наряду с этой темой Врубеля постоянно волновала и другая, представлявшая как бы антитезу первой: ему хотелось найти образ «цельного человека», уже не одинокого, не отщепенца, а, напротив, живущего в гармонии с миром, сильного своей органической слитностью с природой, с людьми, с землей. И вот в поисках такого образа художник погружается в эпический мир русских былин и сказок.

Он пишет могучего, кряжистого Илью Муромца. Изображает вещую Царевну Лебедь, лешего, витязей, выходящих на брег морской. Пишет монументальное панно на сюжет былины о Вольге и Микуле Селяниновиче — о крестьянине-землепашце, оказавшемся сильнее богатыря-воина. И художнику действительно удается выразить силу труженика, неутомимого пахаря, который и сам, кажется, не сознает своей мощи.

Одновременно Врубеля начинает привлекать тема «Пророка» — тема художника, призванного «глаголом жечь сердца людей». «Пророку» Врубель также посвящает ряд композиций.

Каждое произведение Врубеля было для него плодом глубоких раздумий и сосредоточенных художественных поисков. Художественный язык Врубеля своеобразен, гиперболичен и, на первый взгляд, странен, но он основан на тончайшем проникновении в натуру, на пристальном изучении всего богатства природных форм, особенностей их структуры, их светотеневых и красочных переливов. В своих рисунках и живописных этюдах Врубель блистательно решал самые сложные художественные задачи и умел претворить в прекрасное, в поэтическое создание самый простой мотив. Его работы яснее слов говорят о красоте и бесконечном разнообразии реального мира, хотя художник и придает этому миру оттенок сказочности.

Но не только это делает для нас искусство Врубеля живым. Современный зритель ценит горение духа в созданиях художника. Они действительно жгут сердца людей. Выразив и трагедии и заблуждения своего века, сам сломившись под этой тяжестью, Врубель стремился к идеалам высоким, человечным, пусть и не имеющим для него определенных, ясных очертаний.

Н. ДМИТРИЕВА

Демон.

ПОДВИГИ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

Михаил Тетюхин, токарь Батракской МТС Куйбышевской области, получил приглашение прибыть в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Приглашение, конечно, обрадовало, но, признаться, озадачили заключительные слова: «...для получения подарка Министерства сельского хозяйства Чехословацкой Республики».

За что же министерство братского государства оказало советскому рабочему такое внимание?

Во время Великой Отечественной войны чехословацкое правительство наградило Тетюхина медалью «За храбрость».

С тех пор, как советский воин освобождал Прагу, прошло более десяти лет. Но, оказывается, все эти годы о нем помнили. И теперь из Чехословакии прислали подарок Тетюхину в честь 10-летия освобождения Чехословакии.

В конференц-зале Всесоюзной сельскохозяйственной выставки собралось около ста передовиков сельского хозяйства — участников боев за освобождение Чехословакии. Они приехали из Сибири и Заволжья, с Алтая и Урала, из Белоруссии и с Украины — со всех концов необъятной Советской страны. В присутствии представителей Чехословацкого посольства бывшим советским воинам вручались аккордеоны, радиолы, радиоприемники, фотоаппараты, изделия из хрусталя.

Комбайнер А. Кириллов получил подарок.

Ценные подарки получил Н. Серов — директор второй Бежецкой МТС Калининской области, А. Кириллов — комбайнер Михайловской МТС Херсонской области, бригадир тракторной бригады колхоза имени Ворошилова, Ульяновской области, Н. Сержантов, председатель колхоза имени Жданова, Чувашской АССР, А. Семенов.

Ценный подарок получил Сергей Данковский, комбайнер Федоровской МТС Рязанской области. В свое время он был награжден медалью «За освобождение Праги».

Участники боев в Чехословакии, показавшие образцы выполнения воинского долга, теперь отлично работают на колхозных полях.

Кроме того, Министерство сельского хозяйства Чехословакии отправило детям советских солдат и офицеров, сражавшихся против гитлеровских захватчиков на земле Чехословакии, около ста сорока посылок с бельем и игрушками. В адреса колхозных детских учреждений и клубов пришли посылки с кухонной посудой, картинами и пишущими машинками.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Памятник А. В. Потаниной

В городе Кяхте, Бурят-Монгольской АССР, открыт памятник первой русской женщине-путешественнице по Центральной Азии и Китаю — Александре Викторовне Потаниной. Памятник сделан по проекту скульптора А. Тимина.

Александра Викторовна принимала участие в экспедициях своего мужа, известного путешественника Григория Николаевича Потанина. Вместе с экспедицией она посетила Восточный Тибет, Центральную Монголию и Северный Китай. В своих этнографических очерках она тепло описывает быт и нравы китайцев, монголов и тувинцев. Во всех ее работах подчеркивается та мысль, что русскому, монгольскому и китайскому народам надо жить в дружбе и в мире. Ее этнографический очерк «Буряты» был удостоен золотой медали Русского географического общества.

Александра Викторовна скончалась 19 сентября 1893 года, во время путешествия, и была похоронена в Троицкосавске (ныне Кяхта).

Р. ТУГУТОВ
Фото А. Сурмач.

Юбилей старейшего протезиста

С Лидой случилось несчастье: она попала под поезд и лишилась рук. Левую отняли почти до плеча, правую — немного ниже локтя.

Надо ли говорить, что семья Мартыновых была в отчаянии! Четырнадцатилетняя девочка стала совершенно беспомощной.

Лиде Мартыновой взялся помочь старейший советский ортопед-протезист Василий Иванович Цепаев.

Случай был весьма сложный. Василий Иванович сделал несколько пробных протезов, на «примерках» просил девочку взять карандаш, достать с полки шапку, но оставался недоволен. Так было проведено десять проб, пока мастер наконец не достиг своей цели: протезы получились легкими, прочными и подвижными.

— Теперь будешь осваивать все движения, как я тебя учил. Вот тебе книга,— сказал Цепаев, провожая Мартыновых на вокзал.

В вагоне Лида увидела, что вместе с инструкцией Василий Иванович положил ей в подарок «Как закалялась сталь».

Прошло несколько лет. Лидия Мартынова окончила среднюю школу, медицинский институт и работает сейчас врачом-физиотерапевтом в уральском городе Миньяре.

Сорок лет своей жизни отдал Василий Иванович Цепаев важному и благородному труду, вернувшему в строй сотни людей. Среди них — воины первой империалистической войны, герои гражданской, участники Отечественной войны. Герой Советского Союза А. Маресьев, Герой Социалистического Труда комбайнер П. Нектов, инженеры-конструкторы Б. Ефремов и В. Подрезков и многие другие — пациенты Василия Ивановича Цепаева.

Недавно коллектив Московского протезно-ортопедического завода имени Карла Маркса отмечал сорокалетний трудовой юбилей В. И. Цепаева, начальника экспериментальной мастерской завода. Среди тех, кто пришел чествовать юбиляра, была Ирина Ивановна Петрова, перенесшая в детстве тяжелый паралич, полностью лишивший ее способности двигаться. Мастер сделал сложный корсет и механизмы, буквально поставившие девушку на ноги. В клуб приехал Серафим Михайлович Павлов, инженер-строитель, готовящий ныне кандидатскую диссертацию. Он лишился на фронте обеих ног. Сейчас Павлов попрежнему работает, часто бывает на стройках, водит собственную автомашину...

Справа налево: В. И. Цепаев, И. И. Петрова, С. М. Павлов.
Фото Г. Санько.

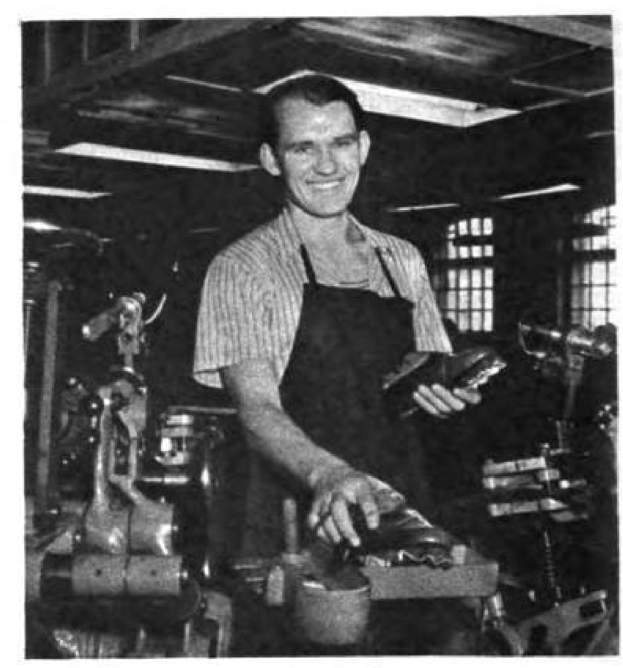
Все эти люди трудятся, живут полнокровной жизнью, они возвращены в строй.

И. ИЛЬИЧЕВА

ПОСЛЕ

О том, что этот день скоро наступит, знали еще в феврале, во время работы XX съезда КПСС. И вот первая суббота с сокращенным рабочим днем! Осуществлена директива съезда партии — установить для рабочих и служащих начиная с 1956 года сокращенный на два часа рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни.

Какой была эта суббота у ленинградцев?

Заглянем на обувную фабрику «Скороход».

— День субботний короткий,— сказал затяжчик Евгений Ступко, кладя на ленту конвейера сто четвертую пару модельных туфель.

104 пары — и все первого сорта, а норма — 57 пар. Теперь объединили две операции, и молодой затяжчик работает на спаренных машинах.

В 1 час 45 минут дня затихает гул станков, шум моторов и конвейерных лент. Сразу возникает веселый говор. С верхнего этажа сбегает закройщица Валентина Ступко.

— Быстрее собирайся, вечером во Дворец культуры поедем! — поторапливает она мужа.

Людской поток все рос и рос; казалось, ему не будет конца. Через фабричные ворота обувщики выходили на залитый ярким весенним солнцем проспект. А в это время на огромной доске мелом вписывались итоги первой смены, работавшей по новому графику. Фабрика выполнила задание на 109 процентов. Чтобы обеспечить ритмичную работу, цехи еще накануне были обеспечены полным комплектом заготовок и материалов.

ГУДКА В СУББОТУ

— Мамочка пришла, мамочка пришла!
Ира бросается к матери — Татьяне Максимовне Смирновой, радуясь необычно раннему появлению ее в детском саду. Тут девочка замечает, что у двери появился Александр Андреевич Синельников — отец Толи.
— Толя, беги сюда, и твой папа пришел!
Из комнаты мигом выбежал Толя с губной гармошкой.
— Мама! Папа! — слышны возгласы детворы.
Радуются отцы и матери, радуются и воспитатели фабричного детского сада: они тоже уйдут сегодня с работы на два часа раньше.

Дневная смена покинула фабрику, ее сменила вечерняя. Но в котельной без перемен. Здесь продолжают дежурить те, кто стал на вахту еще утром: у котельщиков попрежнему восьмичасовой рабочий день.
— Но и нас не обошли,—говорит старший кочегар Павел Никонович Никонов (второй слева).— Через каждые четыре субботы мы будем иметь дополнительный выходной день. А что такое еще один выходной для меня, садовода? Клад!

Зина Юдина (слева), студентка техникума, и Галя Федотова, студентка института, склонились над книгами и тетрадками. Как дорого время для тех, кто учение совмещает с работой! Но сегодня у девушек в резерве два часа. Покинув фабрику, Зина и Галя пришли в читальный зал и сразу приступили к занятиям.

На проспекте вблизи фабрики мы встретили охотников. Куда они держат путь? Оказывается, друзья собрались на фабричную охотничью базу. Рабочий день кончился рано, нельзя же упустить такой случай! И еще важное обстоятельство заставило направиться в субботу за город: Григорий Михайлович Михайлов (слева) купил новое ружье и должен отстрелять его. А Аполлон Сергеевич Пуханов приобрел лайку...

— Что случилось, Наденька? — тревожно спрашивает, стоя у автомата, молодой человек.—Приходила? Не дождалась? — недоумевает он, услышав ответ.— Мы же договорились увидеться в субботу сразу после работы.
— А сегодня суббота, да не та! — слышит он в ответ и хватается за голову.
— Виноват, Наденька, виноват! Суббота подвела! Забыл, что сегодня ты раньше освобождаешься!

Вечер молодежи назначили в Доме культуры «Скорохода» на час раньше. К этому времени залы заполнили девушки и юноши. Заиграл оркестр. В гости к обувщикам приехали студенты: китайцы, болгары, венгры, корейцы, обучающиеся в ленинградских вузах. Молодежь шутит, смеется, танцует. Гости, знакомясь с девушками, дружески приветствуют их:
— Поздравляем вас с сокращенным рабочим днем!..

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото С. Фридлянда, Н. Ананьева.

Лев КАССИЛЬ

Фото Б. Светланова.

Когда это слово, мерно и зычно скандируемое доброй сотней голосов, впервые прозвучало над ледяным полем олимпийского стадиона в Кортина д'Ампеццо, к нам подбежал один из находившихся по соседству иностранных корреспондентов.

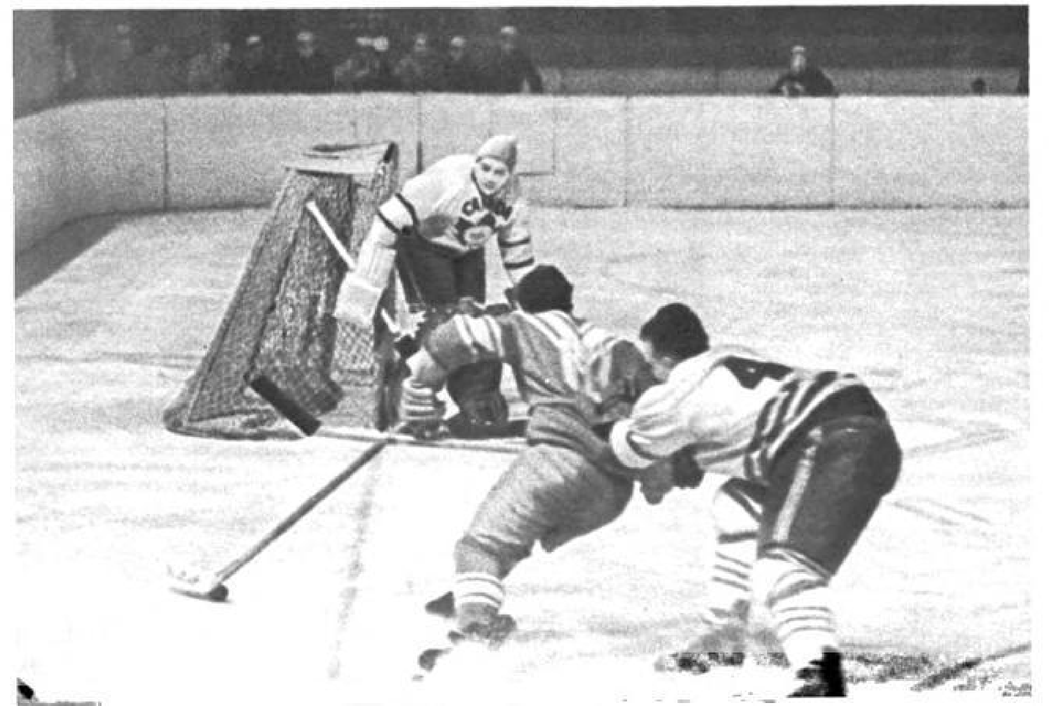
— Кэс кё сэ?.. Что это есть? Как нужно понять?.. «Мо-лёдси». Это есть по-русскому как?

Гм!.. Мы, откровенно говоря, были в некотором затруднении. Как бы это точнее объяснить иностранному журналисту, что, собственно, означает это слово? Толкового словаря русского языка с нами, естественно, не было. Да и вряд ли исчерпывали бы все то, что мы вложили в свой коллективный клич, академически суховатые пояснения, имеющиеся там на сей счет: «Молодец... 1. Молодой человек сильный, крепкого сложения. 2. Употребляется при выражении похвалы, одобрения, в значении делающий все отлично...»

Правильно, но мало!.. В хоровом кличе, которым мы стремились воодушевить наших хоккеистов после очередной забитой ими шайбы, чтобы поднять их на новые спортивные свершения, звучала не только высокая оценка силы, сложения и прочих отличительных качеств наших спортсменов. Здесь были не только «выражения похвалы», но и патриотическая благодарность за самоотверженное мужество, с каким играли в Италии советские хоккеисты, и восхищение их ошеломляющей сообразительностью, проявляемой в игре, и, наконец, просто гордость за этих замечательных, крепких и нерасторжимо спаянных, молниеподобных в своем сокрушительном натиске, могучих искусников. Защищая спортивные цвета нашей Родины вдалеке от нее, они блистательно оправдывали самые пылкие надежды болельщиков — и тех, что оставались дома, и тех, которые последовали за маленькой шайбой в ущелье Доломитовых Альп...

Прошел уже месяц, как мы вернулись из Италии, но все еще свежи в памяти волнующие подробности зимних олимпийских игр, свидетелями которых нам довелось быть. Больше того, с каждым днем эти подробности приобретают все большую рельефность. В ушах все еще неумолчно звучит громогласное слово «Молодцы!», которое вмещало и наш восторг и наши надежды.

Советские хоккеисты показали себя на седьмых зимних олимпийских играх действительно настоящими молодцами, в самом лучшем и исчерпывающем толковании этого слова. Нелегко далась сборной команде хоккеистов Советского Союза почетная тройная победа в борьбе, требовавшей высшего напряжения всех сил, в соревновании с самыми прославленными мастерами этой ослепительно бравурной игры.

Прорыв.

Ведь прошло едва лишь десять лет с тех пор, как на льду московского катка заскользила первая шайба, а советские хоккеисты, слывшие новичками в этом виде спорта, уже поднялись к самым вершинам мирового хоккея, победили все команды Европы, в том числе и своих учителей — упорных и быстрых чехов. А в позапрошлом году, разгромив непобедимую команду основоположников хоккея с шайбой, постоянного победителя всех мировых турниров — команду Канады,— вернулись домой в звании чемпионов мира.

Международные спортивные обозреватели шутили, что советские хоккеисты прошли путь от первого знакомства с игрой до первого места в мире на таких же невиданных скоростях, с какими они во время атак на ледяном поле проходили от своих ворот до ворот противника...

Быль молодцу не укор, но следует напомнить, что в 1955 году наших мастеров хоккея постигла неудача. Правда, звание чемпионов Европы они завоевали снова, однако, когда в последнем матче с канадской командой «Пентинктон» решалось, кому же стать чемпионом мира, почетное звание вернули себе хоккеисты Канады.

Тем с бо́льшим волнением наблюдали мы за развитием событий на ледяном поле в Кортина д'Ампеццо.

Сборная СССР, составленная из игроков трех сильнейших клубов страны — ЦДСА, «Динамо», «Крылья Советов»,— явила на этот раз «триединое» монолитное содружество! Уже в первых, предварительных играх на Белой Олимпиаде было немало драматических моментов, когда зрители восхищались остроумными и безукоризненно проводимыми контратаками и волевой напористостью советских хоккеистов.

Да, они многому научились с прошлого года! Игра их стала более мощной, более резкой. Однако ни один зритель на стадионе, ни один спортивный обозреватель из тех четырехсот, которые представляли на Белой Олимпиаде прессу всего мира, ни разу не назвали действия наших мастеров грубыми. Хоккеисты Советского Союза научились применять в борьбе за шайбу силовую борьбу, смело отжимать противника в сторону, на любой скорости принимать его на корпус, на бедро, умело использовать силу разгона, крепость своих мышц, вес стремительно несущегося тела, и все это не было нарушением правил, недозволенным проявлением грубой физической силы. Хоккеисты наши вели на поле честный спортивный спор. А в споре, как известно, всегда есть какая-то грань, отделяющая резкость от грубости, твердую убедительность доводов от злонамеренной тупости, сокрушительную мощь доказательств от безудержной оголтелости... И хоккеисты наши никогда не переступали через эту решающую грань, как бы напряженно ни велась игра, какое бы яростное сопротивление ни оказывал противник.

Игроки наши держались просто, общительно, но скромно. Они не давали в печати никаких широковещательных прогнозов или клятвенных заверений в том, что непременно победят. Выходя на поле, они не демонстрировали перед зрителями каких-то ритуальных приемов, якобы обеспечивающих победу, как это проделывали, например, игроки команды США, которые перед началом игры непременно все по очереди касались клюшками завороженной клюшки своего вратаря. Наши хоккеисты не придавали большого значения приметам, и выступавший под номером «13» Пантюхов вопреки всем суеверам был одним из удачливейших игроков в олимпийском турнире.

— Ваши хоккеисты — это подлинные артисты! Экстра класс! Прима! «Бель канто» хоккея...— объяснял нам владелец табачной лавочки, выставивший на прилавке большой снимок нашей команды.— Они играют сердцем! Да, они играют сердито! Понимаете? Спортивная злость. Но когда я смотрю на них, я вижу: у них кипит кровь, но не разливается желчь.

И везде, где в Кортина д'Ампеццо, в этом маленьком, переполненном спортивными страстями и кишащем яркими красками городке, появлялись светлосиние полупальто и пыжиковые шапки наших спортсменов, движение на улицах стопорилось; толпы любителей автографов окружали наших ребят, которые вынуждены были двигаться в тесном, сплошном и шумном хороводе...

Всех волновал вопрос: сколькими шайбами обменяются команды Советского Союза и США в предстоящей им встрече, одной из самых волнующих, важных и решающих во всем турнире хоккеистов?

Уже всем было ясно, что окончательный спор о золотых олимпийских медалях будет решаться между командами Чехословакии, Канады, Советского Союза и США. Но, как известно, только две команды пришли без поражений к предпоследнему дню состязаний на ледяном хоккейном поле. Это были команды Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Американцам удалось с солидным счетом (4 : 1) выиграть у чемпионов мира — канадцев. Наши хоккеисты, победившие в финальных играх шведов, чехов и немцев, также не имели поражения. Игра наших хоккеистов с американскими могла стать решающей. Если бы мы проиграли американцам, они вырвались бы вперед, а нашим хоккеистам предстояла еще последняя и чрезвычайно трудная встреча с чемпионом мира — командой Канады.

В этот день волновались не только в Кортина д'Ампеццо, но и в Доббиако и во всех других поселках и местечках, где были размещены участники и гости Белой Олимпиады. Победа отлично разыгравшихся американцев над канадцами делала их главными претендентами на звание олимпийского чемпиона. Шутка ли сказать, они убедительно выиграли у канадцев, которые совсем недавно, на предварительных играх, разгромили команду Австрии с астрономическим счетом — 23 : 0!

Во всех странах мира в этот день напряженно слушали радио, ждали последних известий с олимпийского стадиона, задерживали выпуск газет. «В этот вечер итальянцы не ужинали,— рассказывал мне впоследствии известный итальянский поэт Джанни Ро-

дари, с которым мы встретились в Риме,— вся Италия была у телевизоров...» Все понимали: в Кортина д'Ампеццо встречаются сильнейшие хоккеисты мира.

Понимали всю ответственность предстоящего состязания и наши хоккеисты. Положение их осложнялось тем, что незадолго до игры с командой США один из наших лучших защитников, Кучевский, получил тяжелую травму. Несмотря на самоотверженное стремление Кучевского выйти на лед, тренеры и врачи запретили ему участвовать в этой важной игре. Защита наша была ослаблена. Кроме того, нелегко давшаяся нам победа над сильной командой Чехословакии несколько утомила наших хоккеистов. Словом, основания для беспокойства имелись.

Да и вообще, можно ли без волнений, с тем спокойствием, к которому на этот раз уж никак не подходили обозначения «ледяное» или «олимпийское», готовиться к такой трудной игре!

Ни в одном из видов спорта, ни в одной из других спортивных игр, хотя бы самых горячих и увлекательных, человеку не приходится выкладывать такой запас всех сил в столь короткое время, как это бывает в хоккее. При встрече высококлассных команд темп игры становится таким, что даже у зрителей перехватывает дыхание и бурно учащается пульс... Что касается самих хоккеистов, то, как известно, даже самые тренированные, сильные и выносливые не в состоянии выдержать более 2—3 минут игры. Высокий, не спадающий накал борьбы царит на пространстве сравнительно небольшом, резко ограниченном, и от этого как бы повышается «внутреннее давление» в котле головокружительных схваток.

...Неукротимо атаковали с первых же минут наши ворота быстрые, высокотехничные и упорные американцы. Наши хоккеисты не только приняли предложенный противником темп, но постарались еще более убыстрить игру. Шайба металась от борта к борту со все возрастающей, становившейся почти непостижимой быстротой, словно это была некая частица, разгоняемая в силовых полях циклотрона... Тройки наших нападающих менялись без остановки игры. Стучала клюшка о борт — и мгновенно трое игроков исчезали за бортом, откуда навстречу низвергалась свежая тройка. Атаки хоккеистов СССР становились все более грозными, и только восхитительная по своей ловкости игра американского вратаря не давала нашей команде открыть счет...

Стадион ревел. Он поначалу явно «болел» за американцев. Наши хоровые подбадривающие возгласы тонули в оглушительном гуле тысяч голосов, в неистовых призывах, в перезвоне колокольчиков, которыми были вооружены болельщики американской команды.

Бесконечные атаки американских хоккеистов захлебнулись в прочной и непробиваемой защите советской команды, где особенно отличались всюду поспевавший Сологубов и вратарь Пучков, взявший несколько почти неотразимых шайб. Вы уже читали, что во втором периоде, пользуясь тем, что один из американцев был удален за грубость с поля, наши хоккеисты обрушились на ворота противника атакой, сметающей все со своего пути... Отлично прошедший Пантюхов передал справа шайбу набегавшему Хлыстову, который с ходу забросил ее в ворота.

Стадион стих, только мы что есть силы кричали свое: «Молодцы!» Стадион молчал. Он был ошеломлен. Сторонники американской команды безмолвствовали...

Однако игра еще не была решена. Американцы пытались отыграться. Да и можно ли было нашим успокоиться на счете 1 : 0, который в любое мгновение, при малейшей оплошности готов был стать ничейным!.. Американцы строили свои атаки на резких выходах. Они часто били по нашим воротам с далекого расстояния, причем били точно из любого положения. И Пучкову приходилось все время быть начеку.

Советские хоккеисты играли мощно, ровно, не пускаясь на соблазнительные авантюры, наращивая напор и как бы постепенно пересиливая американцев. И вскоре стало заметно, что американская команда начинает сдавать...

Но лишь за 4 минуты до конца произошел бесповоротно решительный перелом в игре. Стремглав вышедший вперед Бабич остроумно перескочил через шайбу, отдав ее Боброву, и грозный капитан советской команды, использовав свой знаменитый рывок, виртуозным ударом с полного хода послал шайбу в верхний угол ворот. И тут же в течение трех минут Пантюхов, а за ним Кузин вбили еще две шайбы. 4 : 0 в пользу команды СССР!

Вот когда стадион снова взревел... Мастерский бросок Боброва и две последние шайбы вызвали всеобщий восторг. Трибуны, залитые слепящим светом сотен прожекторов и невидимыми тепловыми инфракрасными лучами, обогревавшими дорогие места, не могли удержаться от оваций...

Последним покидал поле вратарь американской команды Айкола. Он шел понуро, держа в руке клюшку, не только завороженную всеми игроками США, но и благословленную перед игрой специальным пастором команды... Неожиданно обернувшись, Айкола зло швырнул свою клюшку. Она далеко отлетела, скользя по льду, и замерла на центре поля.

Нужно ли говорить о том, что было назавтра, когда на поле олимпийского стадиона в последней, решающей игре встретились советские и канадские хоккеисты!

Канадцы пытались сразу же сломить, задавить наших хоккеистов, сковать их инициативу, вбить хотя бы одну или две шайбы, чтобы уже не дать потом разыграться нашим. Но тренеры советской команды именно такого начального натиска и ждали. Команда СССР справилась с первым десятиминутным бешеным напором канадцев, основательно вымотала их и затем сама повела решительные атаки. Крылов забил первую шайбу во втором периоде. Кузин добавил вторую незадолго до конца последнего периода. Советские хоккеисты играли с полной отдачей сил, один за всех, все за одного. Играли остро, сообразительно, четко.

Не помогла уставшим канадцам неожиданная задержка в ходе состязания: по чьему-то настоянию перед последним периодом начали опять заливать лед на поле, и вместо законных десяти минут перерыв длился почти полчаса... Замолкли колокольчики и хоровые заклинания болельщиков канадской команды на трибунах. Сперва свернулся, а затем исчез канадский флаг, которым махал кто-то с трибуны. Наши выиграли.

И когда, обнявшись, усталые, но радостные, вместе со своими тренерами А. Чернышевым и В. Егоровым, окруженные роем вспышек фотоаппаратов, наши хоккеисты покидали ледяную гладь олимпийского стадиона, с трибун вдогонку неслось дружное, повторяемое уже тысячами голосов:

— Мо-ло-дси!.. Моу-лёд-си!.. Ма-ля-тци!..

Это кричали итальянцы, чехи, поляки, австрийцы, шведы, американцы.

А чей-то охрипший, натруженный бас на трибуне под нами подытоживал, бухая на весь стадион:

— Спасиба-а-а, родны-ые!.. Молодцы!

Момент игры хоккеистов СССР—США.

На олимпийском стадионе. Капитан хоккейной команды СССР В. Бобров получает золотые медали.

СОВЕТСКИЕ ЧИТАТЕЛИ — АВТОРУ «ОВОДА»

«Дорогие товарищи!

Меня искренне взволновало сообщение о том, что жива и здравствует автор романа «Овод» Э. Л. Войнич.

Да разве только меня!

Ведь эта книга — настольная в десятках тысяч домов нашей страны, настольная была, есть и будет многие годы!

Самые светлые чувства, высокие мысли, гордость за человека-борца рождает «Овод». Образ Артура служил примером многим революционерам.

Эта книга вошла в нашу жизнь с такой же силой, как «Тиль Уленшпигель» или «Дон Кихот». Через «Овод», по-моему, обязательно «проходят» все учащиеся. И нет такого, кто не замер бы от удивления перед мужеством Овода...

Автор для нас был легендой, чем-то прошлым, но дорогим. И вот автор жив!

Приветствуйте же ее от всех нас, пожелайте здоровья и радости!

Обязательно пошлите ей все издания «Овода» в СССР!

Спасибо ей за писательский подвиг! Спасибо».

Так пишет читатель «Огонька» В. Гавриленко.

Редакция получила много писем в связи с опубликованием в № 50 нашего журнала за 1955 год статьи «В гостях у автора «Овода».

Пишут учащиеся и учителя, врачи и рабочие; пишут из Закарпатья и Казахстана, из Литвы и Ставрополья. Ряд писем адресован прямо автору «Овода».

«Глубокоуважаемая товарищ Войнич!

Разрешите мне обратиться к Вам со словами привета и глубокой признательности за то потрясающее чувство восторга и восхищения, какое оставляет во мне каждый раз чтение Вашей книги «Овод»,— пишет читательница «Огонька» С. Матвеева.— Я читала ее в первый раз, когда мне было 16 лет. Она потрясла меня до глубины души. И я плакала и досадовала на Монтанелли, что он не спас Овода и отдал его на смерть. Я читала ее через несколько лет, и то же потрясающее впечатление. И опять я плакала и досадовала на Джемму, что она не узнала и не спасла Овода...

Я подарила Ваш «Овод» своему внуку, написав на книге: «Тебе, Мишута, дарю эту лучшую в мире книгу».

Сейчас мне 60 лет, но я все с тем же восторгом читаю Вашу книгу...

Вот какую книгу Вы написали!»

К Э. Л. Войнич обращаются помощник санитарного врача И. Воложенинов из Ленинграда, группа учащихся 9-го класса из города Нальчика, товарищи Донов из Иркутска, Мироглов из Казахстана и другие. Читатели В. Абрамова из Ростова-на-Дону, Б. Раус, А. Литма, М. Сандер, Н. Пренская, Х. Твирской, Е. Даан, М. Сюлла, Оденова, В. Лаанте из Вильяндиа просят передать Э. Л. Войнич свою сердечную благодарность. Мать четверых детей Е. Волохина из Закарпатья приветствует автора «Овода» от имени своего восьмилетнего сына Артура.

Редакция журнала «Огонек» выполняет пожелания своих многочисленных читателей и передает автору романа «Овод» Э. Л. Войнич горячий привет.

Пробка

Иван ГОРЕЛОВ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Именины были в разгаре.

Виновники торжества — Володя-маленький, курчавый шестилетний карапуз в синей матроске, и Володя-большой, обрюзгший седовласый профессор электродинамики Владимир Иннокентьевич Скатов, — сидели рядышком на самом почетном месте и пользовались всеобщим вниманием.

И прилипчивые, как мухи, похвалы и стрелы острот неизбежно летели в их сторону.

Гостей было человек двадцать. Их представляли главным образом родственники со стороны Владимира Иннокентьевича, коренного москвича, его коллеги по кафедре, друзья сына, дочери и зятя.

Выпили уже по третьей, а кое-кто и по четвертой. Языки развязались, и высокая голубая зала с ярко начищенной бронзовой люстрой гудела, как улей.

Многие действовали уже посекционно, разделившись по производственному принципу — кто с кем дни коротал, тот с тем и чокался.

Однако Владимир Иннокентьевич и не думал сдавать бразды правления, и трубный, покоряющий бас тамады слышался даже на лестнице:

— Аркадий Терентьевич, дорогуша! Что ж это вы не кушаете ничего? Позвольте, я к вашему зайцу зеленого горошка положу. Нуте-ка, позвольте...

— Покорнейше благодарю, коллега: меня только что огорошили, целую ложку положили, — рассмеялся доцент кафедры электротехники Рубильников, розовощекий молодой человек с усиками и с модным кустиком рыжих волос на тупом подбородке.

— А вы, Петр Исаевич, по какому такому праву скучаете? Рыбки вот возьмите кусочек. Из Таганрога прислали. Янтарь!

Низенький черноголовый электрохимик Тритонов благодарно улыбнулся и, не смея перечить начальству, взялся за вилку:

— Рыбки, что ж, с удовольствием! Боюсь только одного, Владимир Иннокентьевич: а вдруг это электрический скат. Ударит своим зарядом... Ведь семья ваша, можно сказать, насквозь наэлектризована.

— Ах, шутник, ах, шутник! — забормотал Скатов, припоминая былые годы. Он даже взгрустнул немножко. Долил внучонку Володе лимонаду в золотую рюмочку, похожую на наперсток, чокнулся с ним, потом чокнулся с Тритоновым и выпил. — Ах, шутник... А ведь и вправду, товарищи, в годы студенчества, когда я избрал жизненной стезей таинственное электричество, остряки окрестили меня на факультете электрическим скатом...

С другого конца стола долетал бойкий хрипловатый речитатив:

Проведу в свою избенку
Электрическую нить
И начну свою буренку
Электричеством доить...

Владимир Иннокентьевич поднялся и легонько постучал вилкой о граненый бокал. Но гул не утихал. Лишь гости, сидевшие неподалеку от него, без охоты приняли позу покорности. Скатов махнул рукой и уселся на стул:

— Да-а-а... Избрал я жизненную стезю... В те годы, надо сказать, это был воистину смелый шаг. И я, выходит, далеко вперед смотрел. Ведь ныне электричество движет нашу жизнь на новые, неизведанные высоты. Оно вошло в науку, покорило технику и уверенно покоряет наш быт. Захожу вчера в парикмахерскую подстричься. На вывеске еще ножницы нарисованы. А мастер берет не ножницы, а этакую, знаете, с козье копытце электрическую штучку. И раз, два — и готово!.. Давайте же наполним наши бокалы и выпьем за всевеликую силу электричества!

Послышались звуки льющейся влаги и умиротворяющий, музыкальный звон стекла.

Из-за плеча Владимира Иннокентьевича вынырнула вихрастая голова Тритонова:

— Друзья, разрешите мне сделать одно маленькое, но существенное дополнение к тосту любимого нами профессора.

Стало тише. Тритонов протиснулся ближе к столу и затараторил писклявым, птичьим фальцетом:

— Я позволю себе добавить лишь несколько слов... Я напомню вам, что вслед за главою семьи электрические профессии избрали все его наследники и близкие. Я имею в виду Игоря Владимировича Скатова, сына Владимира Иннокентьевича,— доцента кафедры электромоторов. Я имею в виду дочь Скатова Лидочку — специалиста по электротерапии. Я имею в виду, наконец, супруга Лидочки Леопольда Беркута — артиста московской областной эстрады...

Ехидный шепоток, а затем хохот прервали речь Петра Исаевича:

— А при чем здесь электричество?

— Да, да! Артиста московской областной эстрады. Я не оговорился. Талантливый артист Беркут играет на электрической гитаре! — гордо выкрикнул Тритонов. — Будем надеяться, что и вот этот кудрявый мальчик Володя, тезка профессора Скатова, не изменит славной семейной традиции и, бесспорно, изберет себе электрическую карьеру. Так поднимем же наши скромные бокалы за семью потомственных электриков!

Когда стихли приветственные восклицания, широкоплечий атлет Игорь Скатов нагнулся к Володе и громко спросил у него:

— А скажи-ка, Володенька, кем ты будешь, когда вырастешь большой?

Володя вопрошающе посмотрел на мать, как бы спрашивая ее совета, и заученно произнес:

— Инзынелом-электликом...

От хохота и от дробных аплодисментов звенело в ушах...

Около Владимира Иннокентьевича сгрудилось человек пять любопытствующих, которым он вяло повествовал о каком-то занятном случае.

— Леопольд Викторович, вы бы нам парочку фокстротиков сообразили на вашей волшебной гитаре,— любезно попросил Рубильников, нетерпеливо разминая рыжую бородку.

Из афоризмов Бернарда Шоу

Тот, кто умеет, делает; кто не умеет — учит.

Золотое правило заключается в том, чтобы не иметь золотых правил.

Критики, как и другие люди, видят то, что они ищут, а не то, что в действительности есть перед их глазами.

Когда мы научимся петь, что британцы никогда не будут господами (сейчас мы поем, что «британцы никогда не будут рабами»), тогда мы покончим с рабством.

Володя-маленький только и ожидал этих слов, чтобы на деле показать, что в области электричества и он не лыком шит. Мальчик сполз с кресла, вернее, с четырех томов энциклопедии, положенных на кресло, и торопливо зашагал в другую комнату.

Отыскав шнур электрогитары, он заметил, что один конец его у вилки сильно оголен, оторвался и болтается без дела. Будущий инженер-электрик, ничтоже сумняшеся, обмотал его вокруг вилки и воткнул ее в розетку.

Раздался треск, похожий на выстрел. Из розетки веером брызнули золотые и синие искры, и все пять комнат профессорской квартиры мгновенно погрузились во тьму.

Кто-то свалил со стола графин, который с жалобным звоном раскололся на части. Под ногами сухо хрустело стекло.

— Гм... Что там стряслось? — дрогнувшим голосом спросил Владимир Иннокентьевич.

— Ничего особенного... электрогитару включали... Короткое замыкание, видимо... пробка перегорела, — растерянно успокаивал Тритонов.

— А ну-ка, Игорек, давай лестницу!

Все сгрудились в прихожей. Мужчины поочередно чиркали спичками, стараясь помочь Игорю Владимировичу.

Игорь сопел, вывинчивая то одну, то другую пробку. И вдруг пугливо вскрикнул, словно ужаленный, и спрыгнул с лестницы на спину собственного папаши.

Тогда на лестницу поднялся Петр Исаевич и принялся вывинчивать пробки. Делал он это крайне осторожно, двумя пальчиками, словно фарфоровые бочоночки были обмазаны ядом.

В прихожей от спичек стоял уже чад. Тритонов спустился на пол и проговорил с досадой:

— Вот, черт побери! А мы ведь в институте и не проходили этих проклятых пробок...

— Конечно, вы по части других пробок специалист... Товарищи, кто в этом деле разбирается?.. Надо же нам по-человечески трапезу закончить, — жалобно вопрошал Аркадий Терентьевич Рубильников.

— А вы сами, батенька, рискните. Курс электротехники читаете...

Следом за Рубильниковым к щитку поднимались два доцента, зять Скатова и даже сама Лидочка. Но тайна перегоревшей пробки, к великому огорчению собравшихся, осталась неразгаданной.

— Да напрасно мы мозги мозолим! Гляньте, какая луна на дворе! Прекрасно можно исполнять танец русалок при таком волшебном освещении! — выкрикнул Игорь.

— Клава! Где Клавдия? А ну-ка, пошлите ее быстренько в институт. Пускай заберет у завхоза взаимообразно десятка три свечей,— сердито басил Владимир Иннокентьевич.

— Клава в «Прагу» с поручением поехала...

Скатов гневно распахнул дверь, чтобы крикнуть вахтера, и увидел в коридоре мальчика Тишку, сына лифтерши, игравшего в прятки с котенком.

— Вот кстати! Тиша... Тихон Иванович... Пойди-ка сюда, милок. Выручай, пожалуйста, нашу честную компанию. Вот тебе деньги, валяй аллюром три креста через дорогу к магазинчику, где ваксу продают... Заведующий рядом живет. Разбуди, извинись и попроси для меня десятка четыре свечей... Для научных опытов, скажи. Чтобы не сердился...

— А зачем столько свечей? — полюбопытствовал Тишка.

— Авария, братец, произошла. Пробку сожгли...

— А ну-ка, где пробки ваши?

Тишка проворно взобрался по лестнице и, уцепившись за железную скобу, стал смело вывинчивать и проверять пробки.

Тритонов, стоя на лестнице, жег для него огромный кусок газеты.

— Эва, нашел! Дайте-ка проволочки кусочек... медной лучше,— возвестил Тишка.

От электрогитары оторвали в темноте с метр провода и подали мальчику.

— Зачем же столько? Ниточку одну нужно...

Он умело выдернул проволочку, обмотал ею конец пробки и быстро ввинтил на место.

Комнаты озарились веселым светом.

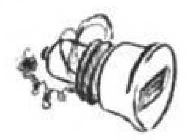
Тишка хозяйским глазом окинул щиток и сказал:

— А вот эту, крайнюю пробку тоже смените. Нагревается она. — И молча спрыгнул на пол...

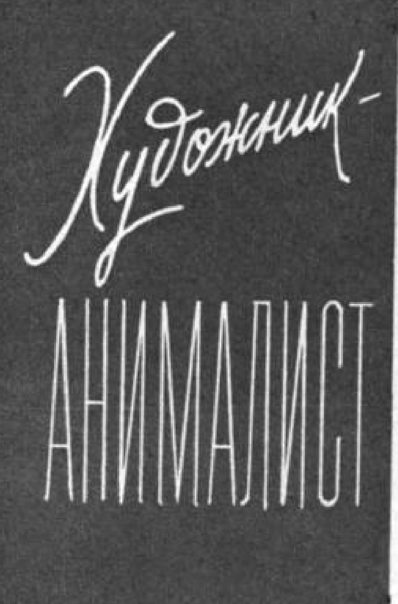
С трудом отыскали Володю-маленького, спрятавшегося под стол и уснувшего там на коврике для овчарки Пальмы. Его раздели и уложили в постель.

И голубой зал снова наполнился разноголосым гудением.

Только об электричестве до конца вечера никто не обмолвился и словом...

Художник-анималист

Тигр.

Марабу.

Орел.

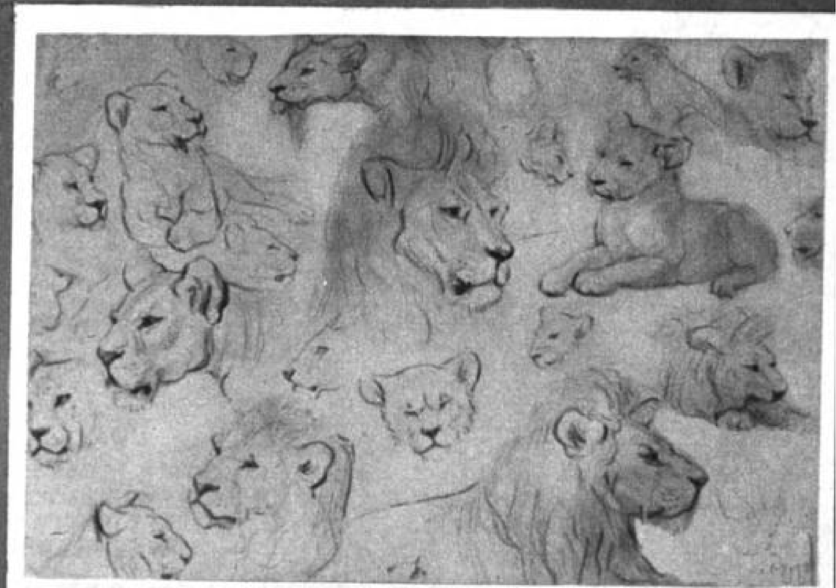
Большим терпением, острой наблюдательностью должен обладать художник-анималист. Зверей нельзя заставить позировать: им не объяснишь, что надо сидеть спокойно, не уговоришь сделать движение, которое от них ждет художник. Тот, кто рисует зверей, должен долго выжидать, а затем быстро фиксировать на бумаге или в памяти неожиданно увиденное, подмеченное.

Долгие часы проводит в зоопарке художник Н. Козодьян. В альбоме лист за листом заполняется небольшими рисунками животных. Здесь и своеобразные повороты головы, и взгляд умных глаз тигра, и быстрые наброски поз и движений, в которых художник уловил различные настроения зверей. Очень рано Козодьян начал рисовать и уже в детстве старался изобразить на бумаге своих первых товарищей — котенка, собаку, кролика, птиц.

Позже, когда Козодьян получил художественное образование, окончив Тамбовское художественное училище, он не изменил полюбившейся ему с детства теме.

Все Подмосковье изъездил художник с карандашом и небольшим альбомом, везде подстерегая зверей, подсматривая их жизнь, изучая их повадки. Сейчас у художника-анималиста собралось много интересного материала о животных.

Н. АНДРЕЕВА

Страница из альбома: в зоопарке.

Грибы—круглый год

Агроном К. Н. Черепанин осматривает шампиньоны в теплице.

Фото Б. Кузьмина.

Редко встретишь человека, который бы не любил грибов. К сожалению, подберезовики, сыроежки, маслята, подосиновики, боровики — все эти аппетитные дары природы — дело сезонное. Обычно они появляются в июле и кончаются в сентябре.

Однако есть и такие грибы, которые можно собирать круглый год. Это шампиньоны. Они очень вкусны и по своим качествам уступают лишь белым грибам. Выращивают их в теплицах.

Недавно мне пришлось побывать в одном из колхозов на окраине Москвы. Колхоз давно занимается выращиванием шампиньонов. Энтузиаст этого дела — агроном К. Н. Черепанин. Его помощник, бригадир В. И. Исаев, свыше 30 лет занимается выращиванием грибов.

На дворе трещит мороз, а в грибной теплице термометр показывает 12 градусов выше нуля. Такая температура как раз и нужна. В теплице сухо, чисто, что весьма важно при выращивании этой культуры. На стеллажах группами, иногда прижимаясь друг к другу, растут грибы с круглыми шляпками.

Шампиньоны надо собирать умело. Их не следует выдергивать: так можно повредить грибницу,— их нельзя срезать, как это делают при сборе грибов в лесу, а надо осторожно выламывать. Места, где они сидели, необходимо затем засыпать свежей, влажной землей.

— Культура эта весьма выгодная и общедоступная для разведения,— рассказывает К. Н. Черепанин.— Наш колхоз с метра полезной площади получает урожай шампиньонов от 4 до 7 килограммов, а при благоприятных условиях можно получить и до 10 килограммов.

Шампиньоны можно выращивать в любых ящиках, установив их в подвале, погребе, подполье или другом сухом помещении. Шампиньоны не переносят солнечного света, любят темноту, полумрак. Для удобрения земли нужен конский навоз. Можно использовать навоз и от рогатого скота, но содержащий большой процент соломенной подстилки.

Закладка грунта производится так: ящик набивается навозом, который слегка трамбуется. Через несколько дней насыпается еще слой навоза и тоже трамбуется. Толщина слоя удобрения должна быть 20—25 сантиметров.

В таком виде ящик с подготовленным грунтом должен стоять 20—30 дней, после чего производят посадку грибницы шампиньонов. Для этой цели пригодна дикорастущая грибница; ее находят на старых свалках, парниковых участках, у скотных дворов. Наиболее урожайная грибница — споровая стерильная; ее можно приобрести в хозяйстве, которое занимается этой культурой.

Грибница высаживается небольшими кусочками в ямки глубиной от 3 до 5 сантиметров. На один квадратный метр закладывается 8—10 кусочков грибницы. Ямки засыпаются влажным навозом.

Через месяц после посадки, когда грибница разрастется, сверх навоза надо насыпать богатую перегноем землю слоем в 4—5 сантиметров. Земляной слой грунта должен быть всегда влажным. Поливать распылителем.

Плодоношение грибов начинается примерно через месяц после насыпки земли и продолжается в течение 7 месяцев и более. Собирать грибы можно через день, а иногда и ежедневно.

С. МИНАЕВ

— Не сомневайтесь, гражданин, картина «стоящая»!

Рисунок Л. Самойлова.

В этом номере на вкладках: репродукции картин: А. П. Рябушкина «Пир богатырей», А. С. Степанова «Лось и лайки», И. И. Левитана «Осень», П. И. Петровичева «Весенняя оттепель в деревне», К. А. Коровина «Розы» и четыре страницы цветных фотографий.

Эпиграммы и эпитафии

Эмиль КРОТКИЙ

Неудачливый беллетрист

Он был в Ирбите, был в Монако...
Он ездит с помыслом одним:
«Связаться с жизнью!»
Жизнь, однако,
Не хочет связываться с ним.

Дружеский совет

Не надо чваниться!
Смири гордыню, друже.
Ты ходишь гоголем,
А пишешь... много хуже!

Эпитафия взяточнику

Покойник был любитель взяток.
Лишенный нравственных начал,
Он этот крупный недостаток
С большим достатком совмещал.

Эпитафия докладчику

Душевный вкладывая пыл
В доклады против пьянки,
Он поминутно воду пил —
И умер от водянки.

Рисовать змею с ножками

Однажды в древнем княжестве Чу несколько почтенных людей совершали обряд жертвоприношения духам.

После окончания церемонии полагалось выпить вино. Однако чаша была одна.

— Кому же пить?

Тогда один из присутствующих предложил:

— Кто первый из нас нарисует змею, тот пусть и пьет... Ну как?

Все согласились с этим предложением. Крикнув раз, два, три, они принялись рисовать на земле змею. Вскоре у одного змея была нарисована, но, заметив, что другие еще рисуют, он закричал:

— Эх, как вы отстали, тогда я успею подрисовать змее несколько ножек...

В это время другой человек, нарисовав змею, взял чашу и выпил вино.

Но тут человек, рисовавший змее ножки, закричал:

— Я первый нарисовал змею, так почему же ты выпил мое вино?

— Змея ведь не имеет ножек, и то, что ты нарисовал, вовсе не змея, поэтому я вино выпил по праву,—ответил другой.

Все признали его правоту.

Отсюда китайская поговорка: «рисовать змею с ножками», то есть делать лишнее, что соответствует русскому: «пересолить», «переборщить».

Перевела с китайского Г. Буринская.

Скрипучая Дверь

Сказка

В новую избу навесили резную и расписную Дверь. Красивую Дверь. И все ее хвалили, потому что Дверь легко и плотно закрывалась, не пропускала зимнюю стужу. Вообще Дверь не в чем было упрекнуть, и о ней перестали говорить. Зато в избе очень много разговаривали о рамах. И как о них можно было не говорить, когда они были плохими? С трудом открывались и закрывались, набухали, пропускали холод.

Рамам уделялось много внимания, и это обозлило завистливую Дверь.

— Хорошо же! — сказала она.— Я покажу вам, как меня не замечать! — И стала коробиться, кривиться, скрипеть.

Ее подстругивали, выпрямляли, утепляли, нянчились с нею, сколько хватало сил и возможностей. Ее петли часто смазывали маслом, а она, не унимаясь, скрипела с каким-то остервенением и «кособенилась», как говорили о ней соседи. «Кособенилась» так, что это стало невыносимо для окружающих.

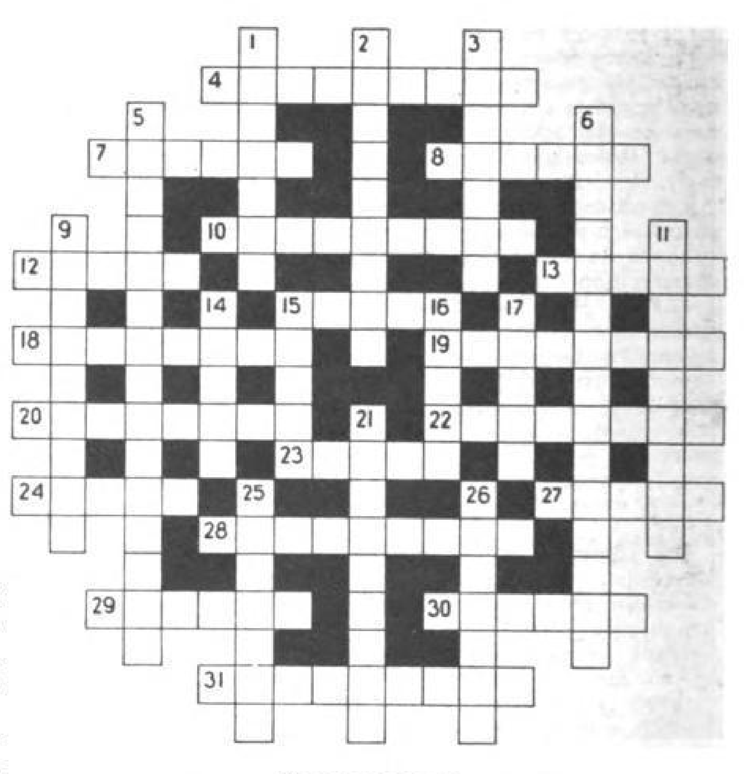
Тогда ее сняли с петель и выбросили на двор. На ее место навесили другую, обычную сосновую дверь, которая честно служит в избе до сих пор, зная, что легко открываться и плотно закрываться вовсе не какие-то особенные достоинства, а ее, дверные, обязанности.

Выброшенная же на двор Дверь вскоре поняла, что вне избы и без избы она ничего собой не представляет. Ровным счетом ничего. Даже скрипеть не может вне избы.

Такова печальная сказка об одной скрипучей и неуживчивой Двери.

Евг. ПЕРМЯК

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Образ мыслей. 7. Разновидность углерода. 8. Планета. 10. Приспособление к трактору для дорожных работ. 12. Метель в степи. 13. Имитация драгоценного камня. 15. Великий итальянский ученый. 18. Частица вещества. 19. Река в Средней Азии. 20. Наука. 22. Газетно-журнальный жанр. 23. Город в Японии. 24. Рыболовная снасть. 27. Народ в Европе. 28. Музыкант. 29. Приток Амура. 30. Английская писательница. 31. Прибор для направленных радиопередач и радиоприема.

По вертикали:

1. Тригонометрическая функция. 2. Выборный орган. 3. Горы в Европе. 5. Стихотворение В. В. Маяковского. 6. Разведение, выращивание. 9. Воспитанник военно-учебного заведения. 11. Угольный бассейн в СССР. 14. Русский писатель. 15. Сладкий картофель. 16. Водоем. 17. Стойка. 21. Музыкальный инструмент. 25. Человек, любящий родину. 26. Роман А. Барбюса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

7. Левинсон. 8. Норвегия. 9. Литий. 11. Мимас. 12. Ткварчели. 15. Нигрол. 18. Мебель. 19. Чечетка. 20. Котлин. 21. Лагуна. 24. Микешин. 26. Моцион. 27. Диоген. 31. Кондакова. 33. Судан. 34. Марна. 35. Периметр. 36. Венгерка.

По вертикали:

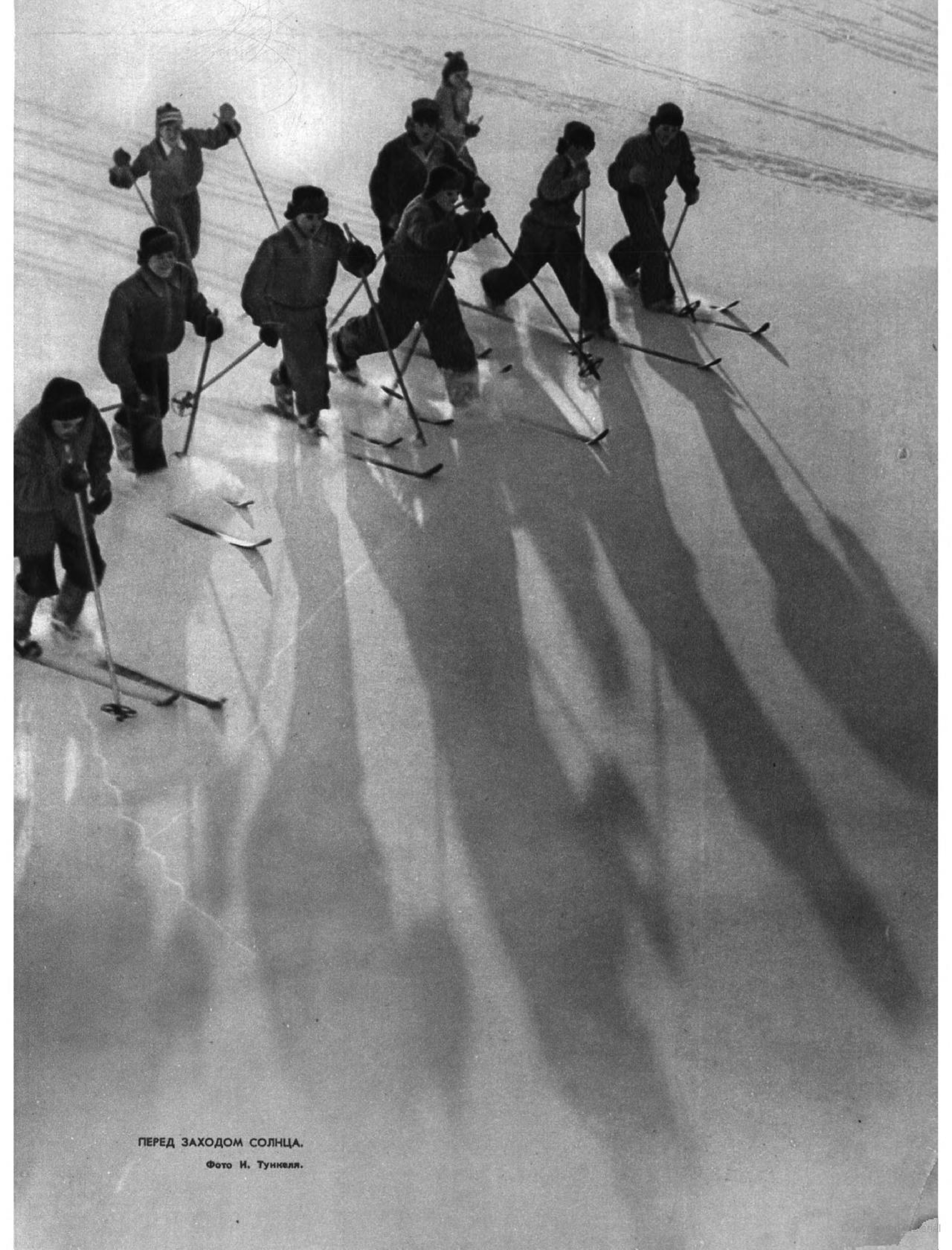
1. Геликоид. 2. Цирик. 3. Логика. 4. Мораль. 5. Дефис. 6. Писатель. 10. Пролёт. 13. «Подросток». 14. Геленджик. 16. Дефицит. 17. Океания. 22. Пейзаж. 23. Портупея. 25. Механика. 28. Вольта. 29. Свитер. 30. Рафия. 32. Гашек.

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

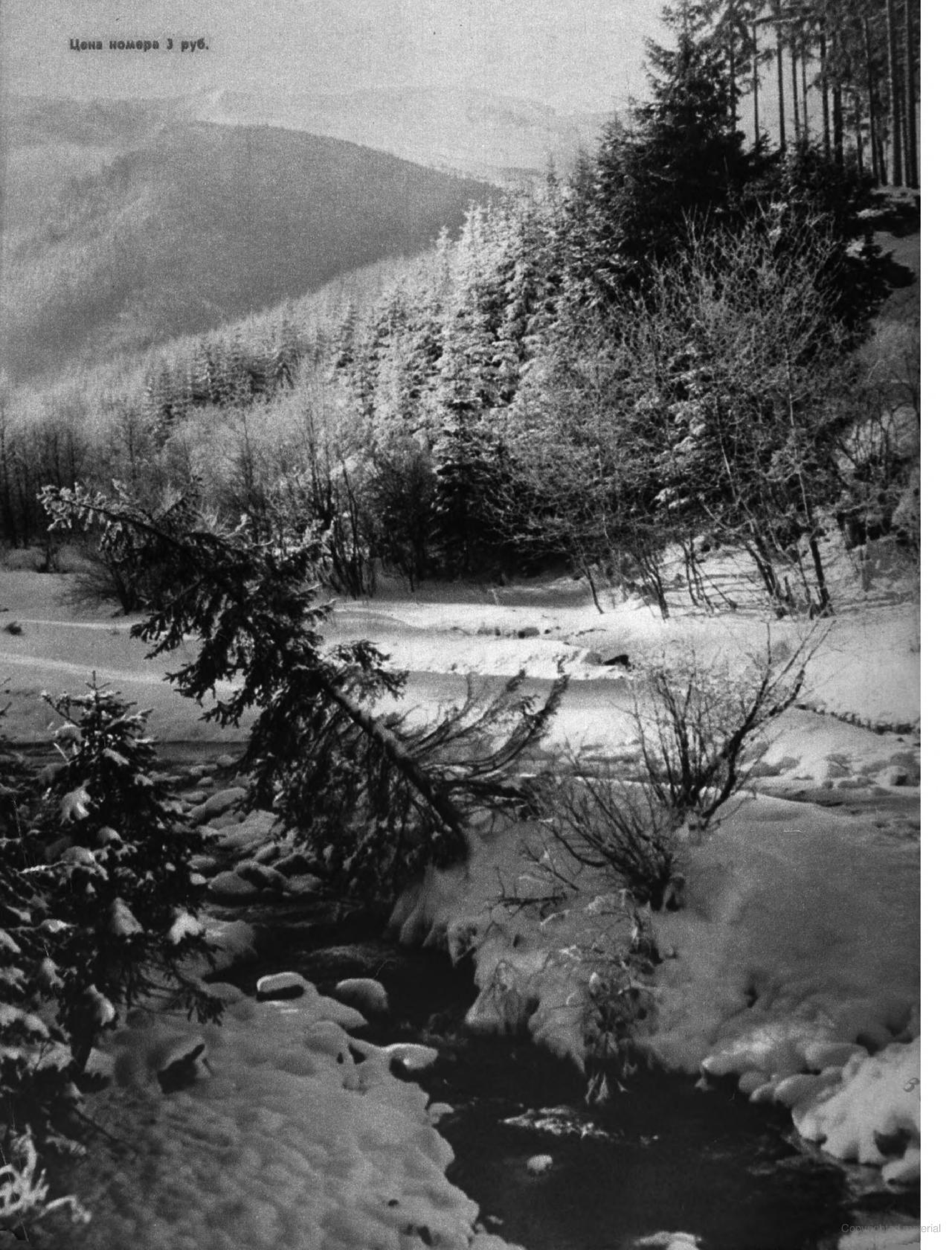
А 00758. Подп. к печ. 14/III 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 260. Заказ № 568. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА.

Фото И. Тункеля.

Цена номера 3 руб.